335.5
К-30

КАРЛ КАУТСКИЙ

Лб5 — 259.
-59

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАРЛА МАРКСА

Ч Х 609

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

К
ЛБ5 259
335.5 (02) = 91.7
К-30
К30

КАРЛ КАУТСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАРЛА МАРКСА

Полный перевод с 8-го немецкого издания

И. С. БИСКА

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

Объединенная библиотека И. К. П.
Перерегистрация 1937
Исключена 1937 г.
Пров. 30 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1924

ИСКЛЮЧЕНА
Харьковского Сельскохозяйственного
ИНСТИТУТА

Типография Госиздата Украины
им. Г. И. Петровского, Харьков

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
679241

РУЛ № 4914. Карта № 2345. Зак. № 189. Тираж 20.000 экз.

Предисловие к 1-му изданию

Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen?—Nein.
Wir wollen weniger erhoben
Und fleissiger gelessen sein [1]).

Ни к одному из современных писателей вышеприведенные слова Лессинга не могут быть отнесены с таким правом, как к Марксу. Автору настоящей работы приходится, в силу его профессии, следить за текущей немецкой экономической литературой, и он мог установить, что ничье имя не упоминается в ней так часто, как имя Маркса. Его учение составляет ту ось, около которой вращается большая часть экономических споров настоящего времени. Но это обстоятельство отнюдь не доставляет нам того удовлетворения, которого следовало бы ожидать от приверженца марксовой «школы», если только можно говорить о таковой, и это потому, что мы, к сожалению, слишком часто имели случай констатировать, что пишущие о Марксе либо совсем не читали его произведений, либо лишь чрезвычайно поверхностно ознакомились с ними. Если же сверх того принять во внимание, что большинство литераторов и ученых, занимавшихся теорией Маркса, стремились при этом не к об'ективному научному исследованию, а преследовали совершенно определенные интересы дня, то нельзя будет удивляться тому, что об учении Маркса циркулируют вообще самые нелепые представления и взгляды.

В задачи Маркса не могло входить заниматься возражениями на все эти отдельные ошибочные представления. Его отдельные взгляды являются частями одной цельной стройной системы и могут быть поняты только в связи со всей этой системой; кому не удалось постичь последней, тот неизбежно обречен на поверхностное понимание отдельных положений Маркса. Поэтому те или иные ошибочные воззрения в этой области не могут быть опровергнуты в нескольких словах: для этого нужно или указание на необходимость более глубокого изучения трудов Маркса, или полное изложение той научной точки зрения, на которой стоят Маркс и Энгельс. Такое изложение мы действительно находим в классическом полемическом сочинении Энгельса [2]), направленном против Дюринга, — сочинении, которое больше способствовало правильному пониманию теории Маркса, чем это мог бы сделать целый ряд коротких отдельных замечаний Маркса о том, как должны быть поняты его взгляды по тому или иному вопросу.

---

[1]) Кто не хвалит Клопштока? Но станет ли всякий читать его? — Нет. Мы предпочитаем, чтобы нас поменьше хвалили и прилежнее читали.

[2]) Есть русское издание под заглавием: «Философия, политическая экономия, социализм» 1904 г. Изд. В. Яковенко.

Но в немецкой литературе и по сию пору отсутствует еще сочинение, которое давало бы краткое и общедоступное изложение экономической теории Маркса. С различных сторон предпринимались попытки подобной работы, но не одна из них не была доведена до конца.

Настоящая работа представляет попытку пополнить существующий пробел или, по крайней мере, способствовать его уменьшению.

Она опирается, понятно, на главный труд Маркса «Капитал» и следует ему в порядке расположения материала. Другими экономическими работами Маркса пришлось пользоваться только изредка для раз'яснения тех или иных более трудных мест или для более подробного развития мыслей, высказанных в «Капитале».

Настоящая работа имеет прежде всего целью познакомить с ходом мыслей «Капитала» тех, кто не имеет времени или возможности взяться за изучение самого Маркса; но автор надеется, что эта книга облегчит понимание «Капитала» также некоторым из тех, кто приступил уже к изучению последнего; наконец, он полагает, что многих, которые составили себе прежде ложное представление о «Капитале» или которых отпугивала бы от его изучения трудность первого отдела, настоящее сочинение побудит взяться за чтение и самого оригинала.

Ничего нет ошибочнее представления о якобы сухом и тяжелом языке «Капитала». Мы не знаем ни одного экономического сочинения, которое могло бы померяться с «Капиталом» ясностью и живостью изложения, воистину классической красотой слога.

И при всем том он так труден для понимания!

Труден, по крайней мере, в известных местах. Но это уже не вина изложения.

Существует очень распространенный взгляд, по которому политическая экономия представляет такую область знания, в которой любой человек без малейшей подготовки может свободно разбираться. А между тем эта наука принадлежит к числу труднейших, так как едва-ли имеется какое-нибудь другое явление столь же сложное, как человеческое общество. Правда для понимания той кучи общих мест, которую Маркс называет вульгарной политической экономией, вполне достаточно познаний, приобретаемых всяким человеком в его деловых сношениях, черпаемых им из опыта повседневной жизни. Но понимание «Капитала» Маркса, который в форме критики политической экономии дает основание новой исторической и экономической системы, требует, наоборот, наличности не только известных исторических знаний, но и знакомства с фактами, которыми сопровождалось развитие крупной индустрии.

Кто не знаком хотя бы отчасти с теми фактами, из которых Маркс выводит свои экономические законы, для того, конечно, будет оставаться темен и смысл этих законов, тот станет жаловаться на мистицизм и гегельянизм Маркса. Такому читателю не поможет никакая ясность изложения.

В этом лежит, по нашему мнению, самая опасная сторона всякой попытки популяризировать «Капитал». Маркс писал так популярно, как это только возможно. Там, где он бывает труден для понимания, вина лежит *не в языке*, а в предмете изложения и в *читателе*. Если бы мы захотели попросту переделать язык таких трудно понимаемых мест в удобопонятный, то это могло бы быть произведено только в ущерб точности мысли и популяризация превратилась бы в простую вульгаризацию.

Вышесказанным определилась задача автора. Она заключалась не в простой переделке языка. Маркс, как уже было упомянуто, писал так популярно и в то же время так сжато и точно, что отклонение от его слов зачастую было бы возможно только в ущерб их верности. Поэтому автор дословно цитирует целый ряд мест из сочинений Маркса. Все они поставлены в кавычки и, при отсутствии других указаний, взяты из «Капитала».

С одной стороны задача автора заключалась в том, чтобы обратить внимание читателя на те факты, которые положены в основу теоретических выводов. Это необходимо было в первом отделе книги. Маркс по большей части сам делает указания на эти факты, но указания его часто настолько беглы, что читатели обыкновенно проходят мимо этих намеков, не замечая их. В других местах автор должен был позволить себе под своей личной ответственностью делать указание на такие факты. Это относится к первому параграфу первой главы. Конечно, в настоящей работе возможно было ограничиться только одними беглыми указаниями. Подробное изложение фактического материала, положенного в основу «Капитала», не только вышло бы далеко за рамки настоящей работы, но и оказалось бы во многом выше сил ее автора; дать такое изложение — это значит написать всю историю развития человечества, начиная с первобытных времен. «Капитал» представляет собой труд существенно исторический.

В отделах, трактующих о современной промышленности, этот характер его выступает особенно отчетливо. Они содержат в себе не только теоретические рассуждения и выводы, но и обширные исторические экскурсии в такие области, которые до тех пор были очень слабо исследованы или же оставались совершенно незатронутыми. Факты, положенные в основу теоретических изысканий, даны в этих отделах в таком изобилии, что понимание последних становится возможным для всякого мыслящего человека, не обладающего при этом никакими предварительными познаниями Здесь задача автора была иная. Ограниченность места позволяла использовать лишь самый важный материал. Но при этом нужно было стараться сохранить за теоретическими исследованиями их исторический характер, так как опускание некоторых промежуточных членов грозило придать им иной характер, и в силу этого некоторые учреждения, справедливые лишь при известных исторических условиях, могли бы показаться здесь недостаточно обоснованными.

Данной работой имелось в виду дать не одно только изложение учения Маркса; она должна также дать руководящую нить для изучения трудов Маркса в подлиннике. Поэтому автор считал себя в праве излагать места, которые легко могут быть неправильно поняты или на которые, по его мнению, до сих пор не обращалось достаточно внимания, подробнее, чем этого бы требовало значение, которое имеют данные места в общем теоретическом построении. С другой стороны, он считал возможным меньше останавливаться на тех местах, которые, являясь понятными и общепризнанными, не грозят повести ни к каким недоразумениям. Для повышения практической ценности этой книжки, изложение фактических отношений напр., по вопросу о фабричном законодательстве, не останавливается на том моменте, до которого оно доведено у Маркса, а продолжается до настоящего времени.

Мы удержали присущую Марксу терминологию для обозначения отдельных категорий, но старались по возможности избегать употребления иностранных слов...[1])

Автору мало пришлось воспользоваться работами своих предшественников. Упоминания заслуживает лишь французская обработка «Капитала», сделанная Девилем,[2]) которая очень пригодилась нам. Мы считаем своим долгом высказать здесь свою благодарность за любезную готовность, с которой Девиль отказался от издания немецкого перевода своего сочинения в пользу настоящей работы.

---

[1]) Мы опускаем здесь мало интересные для русского читателя рассуждения об употреблении иностранных слов. (Прим. переводч.).

[2]) Gabriel Deville, Le Capital par Karl Marx, résumé et accompagné d'un aperçu sur le Socialisme scientifique. Paris, Henri Oriol; 324 p. Frs 3.

Особенно помогло нам в нашей работе дружеское участие и сотрудничество Эдуарда Бернштейна, который не ограничился одними только советами и указаниями, равно как и критическим просмотром рукописи. Некоторые главы были им самостоятельно обработаны, так, напр., большая и важная глава о крупной промышленности (во II-ом отделе) написана почти целиком им.

Автор тем более благодарен ему за его помощь и поддержку, что он прекрасно сознает всю трудность своей задачи. К общедоступным изложениям великих оригинальных творений человеческого ума вполне приложимы слова о живописи, которые Лессинг вкладывает в уста принца Конти.

«Как жаль, что мы не можем рисовать непосредственно глазами! Ведь так много теряется на длинном пути от глаза через руку и до кисти!»

Когда два художника рисуют один и тот же предмет, он разно выглядит на их картинах. Что замечает один, того не замечает другой; что кажется существенным одному, то представляется второстепенным другому. А на что они смотрели разными глазами, то, конечно, будет и различным образом воспроизведено ими. Трудно верно постичь оригинал, еще труднее верно воспроизвести его.

Автор дает здесь не бесцветную фотографию «Капитала», которая с величайшей точностью, линия за линией воспроизводит оригинал в уменьшенном масштабе; нет, это картина с суб'ективным рисунком и суб'ективным колоритом.

Если зачастую, во избежание трудностей, изложение страдает аподиктичностью, то мы просим читателя постоянно иметь в виду, что с ними говорит автор, *излагающий* экономическое учение Маркса, а не сам Маркс. Можно находить задачу автора довольно скромной. Но мы сознаем, что будем чувствовать глубокое удовлетворение, если нам удастся принести свою лепту делу распространения тех истин, которые явились плодом трудов всей жизни бесстрашного исследователя, крупного ученого, великого мыслителя.

К. Каутский.

Лондон. Октябрь 1886 г.

Предисловие к 4-му изданию

Со времени появления первого издания этого сочинения некоторые фактические отношения, служившие для иллюстрации теоретических рассуждений, сильно изменились. Мы охотно пользуемся случаем, который доставляет нам новое издание, чтобы удалить из книги устаревший материал и заменить его другим — современным.

Мы подвергли нашу работу пересмотру также и в стилистическом отношении и яснее сформулировали те места, которые показались нам недостаточно удобопонятными.

За исключением этих чисто внешних изменений, мы не нашли в ней ничего, что нуждалось бы в переделке. По существу книга осталась совершенно той же.

Первоначально ее главной целью было облегчить для *говорящей на немецком языке* части пролетариата изучение учения Маркса. Но мы с радостью увидали, что она явилась и для не немецких наций, которые по тем или другим причинам не обладают еще до сих пор переводом «Капитала» Маркса, средством для ознакомления, по крайней мере до известной степени, с содержанием последнего. Настоящее сочинение переведено на шведский, чешский и польский языки. Готовятся еще дальнейшие переводы.

Эти переводы являются одним из многих симптомов интереса, который проявляет в настоящее время к учению Маркса пролетариат всех стран; одним из симптомов значения, которое приобрели идеи основателя «Интернационала» для международного борющегося пролетариата.

В настоящее время созидается новая международная ассоциация рабочих, более мощная и крупная, чем та, которая существовала прежде. Ее не об'единяет никакая организация. *Материальными* узами, сдерживающими ее, является общность интересов пролетариата во всех странах капиталистического производства; *духовными* узами, об'единяющими ее, является — и это можно сказать без всякого преувеличения — идейное содержание «Капитала». Пусть же и настоящая книга хоть немного поможет тесному об'единению пролетариев всех стран этой духовной связью.

К. Каутский.

Штутгарт. Октябрь 1892 г.

Предисловие к 8-му изданию

Через два года после выхода в свет 4-го издания этой книги, которое я просмотрел в последний раз, появился, наконец, долгожданный *третий* том «Капитала», принесший нам так много новых и глубоких мыслей. Само собой разумеется, что с этого момента всякое изложение экономического учения Карла Маркса должно было заключать в себе также очерк главного содержания *третьего* тома. Но задача эта не из легких, и осуществление ее требует больше покоя и времени, чем я имел с тех пор в своем распоряжении. Как раз после появления третьего тома аграрный вопрос поглотил целиком мое внимание; а лишь только я придал результатам своего исследования внешнюю форму, как я с головой ушел в поднятую ревизионистским направлением теоретическую борьбу. Теперь, когда, повидимому, и этот новейший кризис марксизма можно считать превзойденным, я посвятил все свои силы доставшейся мне еще в 1895 г. задаче, которую я слишком долго игнорировал, благодаря двум вышеупомянутым. Задача эта заключается в издании оставленного Марксом историко-критического исследования теории прибавочной ценности, охватывающего от 1500 до 1600 печатных страниц; это исследование представляет часть рукописи «К критике политической экономии» («Zur Kritik der politischen Oekonomie»), которую Энгельс проэктировал издать в виде четвертого тома «Капитала».

Обширная международная переписка и редакционная деятельность еще более сужают и без того ограниченное время, которым я располагаю для издания этого колоссального труда; понятно, что я откладывал на после всякую неособенно экстренную работу

Таким образом, я до сих пор не нашел еще времени, чтобы произвести необходимые дополнения в этой книге. На этот раз я удовольствовался лишь тем, что просмотрел ее, заменил новыми данными кое-какие устаревшие сведения по рабочему законодательству, устаревшие статистические данные и т. п. и прибавил новую главу о «Прибавочной ценности и прибыли», в которой я даю изложение по крайней мере основного положения третьего тома, а именно закона среднего уровня прибылей.

Сверх упомянутых чисто фактических поправок, я не нашел при пересмотре настоящей работы ничего, что нуждалось бы в изменениях. Существует широко распространенное мнение, которое разделяется также и некоторыми марксистами, будто защищавшееся нами, марксистами, понимание первого тома «Капитала» совершенно опровергнуто третьим томом, который будто бы доказал полную неверность этого понимания. Ничего нет ошибочнее такого утверждения. Я подверг настоящую книгу пересмотру после появления третьего тома и не нашел в ней ни одного места, которое нуждалось бы в каких-нибудь теоретических поправках. Впрочем, я и заранее мог ожидать такого результата, так как Энгельс читал рукопись

первого издания этой книги и одобрил ее в то время, когда ему уже было известно содержание третьего тома. Если бы он нашел в моей книге какие-нибудь положения, которые на основании третьего тома пришлось бы считать ошибочными, то он, конечно, указал бы мне на них.

Для той области, исследованием которой преимущественно занимается первый том «Капитала», которая главным образом интересует марксистов и составляет почти исключительно содержание и этого сочинения, для области отношений между классом капиталистов и рабочим классом, превращение прибавочной ценности в прибыль не играет никакой роли: здесь вполне можно обойтись одними только законами ценности и прибавочной ценности. Вот почему Маркс в первом томе совершенно не занимается вопросом о прибыли.

Но совершенно неосновательно было бы думать, хотя многими и высказывалось такое предположение, будто Маркс знал только законы ценности и прибавочной ценности, когда он писал первый том «Капитала», а теория уровней прибылей была им придумана лишь впоследствии, чтобы как-нибудь выйти из затруднения и примирить свою теорию ценности с противоречащими ей, повидимому, явлениями действительности. Наоборот, когда Маркс писал свой первый том, у него уже вполне сложилась вся его теория, включая сюда и законы прибыли и поземельной ренты. Если же он ни разу не выступил с их формулировкой, то причины этому надо искать в той научной добросовестности его, которая постоянно толкала его на все новые исследования вновь накопляющихся фактов, а отнюдь не в том, что ему никак не удавалось свести концы с концами.

Вышесказанное, несомненно, станет ясно всякому, когда выйдут в свет его «Теории прибавочной ценности». В рукописи, составленной еще в 1861—63 годах, мы находим развитыми все те теории, которые были сформулированы впоследствии в третьем томе. Если бы действительно третьим томом уничтожалось сказанное в первом, то пришлось бы признать, что Маркс «превзошел» этот, появившийся в 1867 году первый том, еще раньше, чем он его написал!

Для понимания теории прибавочной ценности Маркса его «Теории прибавочной ценности» окажут не менее важную услугу, чем и для понимания тех теорий, которые изучаются и критикуются в его сочинении. Я надеюсь, что, несмотря на все помехи, мне удастся вскоре опубликовать [1]) эту заключительную часть колоссального труда Маркса.

К. Каутский.

Берлин. Фриденау.
Май 1903 года.

---

[1]) Упоминаемая в тексте работа вышла уже в свет в конце 1904 года под заглавием: «Theorien vom Mehrwerth, von Karl Marx, herausgegeben von K. Kautsky, Stuttgart, Verlag von I. H. W. Dietz».

Отдел I

Товар—Деньги—Капитал

ГЛАВА I

ТОВАР

I. Характер товарного производства

В своем труде «Капитал» Маркс предпринял исследование господствующего теперь *капиталистического способа производства*. Он не занимается при этом вовсе *законами природы*, лежащими в основании самого процесса производства, так как их исследование представляет собою одну из задач механики и химии, а не политической экономии. Не ставит он себе также задачей исследование только тех форм производства, которые общи всем народам, так как подобное исследование может привести большею частью лишь к общим местам, вроде того, что для производства человеку всегда необходимы орудия, земля и средства к существованию. Напротив того, Маркс исследует законы движения определенной формы общественного производства, свойственного определенной эпохе (последним векам) и определенным нациям (европейским или вышедшим из Европы; за последнее время наш способ производства начинает приобретать права гражданства и у других народов, напр.: у японцев и индусов). Этот господствующий ныне способ производства, именно капиталистический, особенности которого мы изучим ближе впоследствии, резко отличается от других способов производства, напр. от феодального, господствовавшего в Европе в средние века, или от первобытно-коммунистического, стоящего на пороге развития всех народов.

Рассматривая современное общество, мы находим, что богатство его состоит из *товаров*. Товар есть продукт труда, произведенный не для *собственного потребления* производителя или связанных с ним лиц, а с целью *обмена* его на другие продукты. Следовательно, не *природные*, а *общественные* особенности продукта делают его товаром. Поясним это примером. Пряжа, которую прядет из льна девушка в первобытной крестьянской семье, чтобы соткать затем из нее холст, потребляемый самой же семьей, есть *предмет потребления*, а не *товар*.

Но когда прядильщик прядет лен с тем, чтобы обменять пряжу у соседа крестьянина на пшеницу, или когда фабрикант изо дня в день заставляет прясть много центнеров льна, чтобы продавать потом получаемый продукт,— то этот продукт является уже *товаром*. Конечно, он составляет вместе с тем и предмет потребления, но такой предмет потребления, которому предстоит играть особенную общественную роль, который должен подвергнуться обмену. По внешнему виду льняной пряжи нельзя узнать — является ли она товаром или нет. Природная ее форма может быть совершенно одной и той же: все равно, приготовлена ли она в крестьянской избе прядильщицей для своего приданого, или же на фабрике фабричной работницей, которая, может быть, не воспользуется из нее никогда ни одной ниткой.

Только по общественной роли пряжи, по *общественной функции*, выполняемой ею, можно узнать, является ли она товаром или нет.

В капиталистическом обществе продукты труда принимают все в большей и большей мере форму товаров; и если теперь не все еще продукты труда являются у нас товарами, то только потому, что различные остатки прежних способов производства вкраплены еще в современный. Но если игнорировать эти совершенно ничтожные остатки, то можно сказать, что в *настоящее время все продукты труда принимают форму товаров.* Для того, чтобы понять теперешний способ производства, необходимо предварительно уяснить себе характер товара. Мы должны поэтому начать с исследования товара.

Понимание этого исследования будет, однако, по нашему мнению, очень облегчено, если мы прежде всего изложим характерные особенности товарного производства, в отличие от других видов производства. Таким образом, мы легче всего достигнем понимания той точки зрения, на которую стал Маркс при своем исследовании товара.

Насколько только можем мы заглянуть в прошлое человеческого рода, мы всегда находим, что люди добывали себе средства к существованию, группируясь в большие или меньшие общества, что производство постоянно носило *общественный* характер. Это выяснено было Марксом уже в его статьях «Наемный труд и капитал» в «Neue Rheinische Zeitung» в 1849 г.

«При производстве люди воздействуют не только на природу», говорится там, «они производят, воздействуя определенным образом друг на друга и обмениваясь между собою различного рода деятельностью. Чтобы производить, они вступают в определенные связи и отношения и только внутри этих общественных связей и отношений имеет место воздействие людей на природу, имеет место производство».

«В зависимости от того или иного характера средств производства, изменяются, конечно, и общественные отношения производителей друг к другу, изменяются условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют во всем процессе производства. С изобретением нового военного орудия, огнестрельного оружия, необходимо должна была измениться вся внутренняя организация армии, должны были измениться те отношения, на основании которых отдельные личности сплачиваются в армию и могут действовать как армия, равно как и взаимные отношения различных орудий.

Общественные отношения, при которых люди занимаются производством, общественные отношения производства изменяются, следовательно, преобразуются с изменением и развитием средств производства производительных сил. Отношения производства, в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития — общество со своеобразным, отличительным характером».

Иллюстрируем сказанное несколькими примерами. Возьмем какой-нибудь первобытный народ, стоящий на низшей ступени производства, у которого охота составляет главный способ добывания пищи—напр., индейцев. Додж в своей книге «О современных индейцах Дальнего Запада» сообщает следующее относительно постановки у них дела охоты:

«Так как к голове и сердцу обращаются за помощью лишь при случае, а требования желудка дают о себе знать беспрестанно, то племя находится обыкновенно под господством «третьего сословия». Эту власть составляют все охотники племени, образующие род цеха или гильдии, и их решения в сфере их специальности безапелляционны. У племени Шейенов (Cheyennes) люди эти носят название «воины-собаки». Наиболее молодые и деятельные вожди постоянно принадлежат к этим «воинам-собакам», но последние не беспрекословно подчиняются им. «Воины» сами обсуждают и решают общие дела, а выполнение частностей возлагается на славнейших и спо-

собнейших охотников, избираемых ими из своей же среды. Среди этих «воинов-собак» находится и многочисленная молодежь, еще не выдержавшая испытания, посвящающего в звание воина. Одним словом, этот цех охотников обнимает собой все рабочие силы племени и представляет ту власть, которая защищает женщин и детей и снабжает их пищей.

Каждый год устраиваются осенью большие охоты, чтобы убить возможно больше дичи и заготовить и высушить значительный запас мяса на зиму. Тут «воины-собаки» являются героями дня, и горе тому несчастному, который осмелится ослушаться или пренебречь хотя бы самым незначительным из их общих или единоличных постановлений. Когда все готово, лучшие охотники отправляются в путь рано утром задолго до рассвета. Если они откроют несколько стад буйволов, то для первого убоя избирается тот из них, положение которого таково, чтобы предварительные приготовления и маневры с целью окружить его, крики и выстрелы при наступлении, всего менее могли бы вспугнуть остальные стада. В течение этого времени вся мужская часть племени, способная принять участие в предстоящем убое буйволов, молча и дрожа от волнения сидит на лошадях где-нибудь в соседней лощине, находящейся вне поля зрения буйволов. Как только положение, занимаемое стадом, сделается благоприятным для охоты, стоящие во главе дела охотники выбирают соответствующее число людей и посылают их под начальством временных предводителей на заранее намеченные места. Когда затем предводитель видит, что каждый занял надлежащее место и все уже готово, он старается с отрядом всадников окружить стадо и отделить его от открытого места, подает затем сигнал, и вся ватага со страшным криком, который, кажется, даже мертвого мог бы поднять из гроба, бросается вперед и производит дружный натиск на дичь. В продолжении нескольких минут бойня в полном ходу; немногим буйволам удается прорвать кордон и ускользнуть, но их не преследуют, если вблизи находятся другие стада

Когда еще употреблялись только лук и стрелы, каждый воин знал свои стрелы и мог без всякого затруднения узнать убитых им буйволов. Они составляли его личную и полную собственность за исключением той части, которую он должен был отдать в пользу вдов и семейств, не имеющих воина кормильца. Если в одном убитом буйволе находились стрелы нескольких охотников, то право собственности на него определялось положением стрел. Если каждая стрела нанесла смертельную рану, то буйвола делили на части или нередко присуждали какой-нибудь вдове. Все подобного рода вопросы разрешал охотник-предводитель, но его решение можно было обжаловать перед общим собранием «воинов-собак». С тех же пор, как огнестрельное оружие вошло во всеобщее употребление и в силу этого стало невозможно узнать, кем именно убит тот или другой буйвол, индейцы стали более коммунистичны[1]) в своих воззрениях, и все количество добытого мяса и шкур подвергается теперь относительно равному разделу, на основании того или иного мерила собственного изобретения» (стр. 206 — 211).

Мы видим, что у этого охотничьего племени производство—*общественное;* различные виды труда действуют совместно с целью достижения одного общего результата.

Мы здесь находим уже зачатки разделения труда и планомерного сотрудничества кооперации[2]).

---

[1]) Правильнее было бы, пожалуй, сказать: они *снова* в своих воззрениях стали коммунистами. Первоначально хозяйство индейцев было коммунистическим, следовательно и распределение охотничьей добычи было коммунистическим.

[2]) Форма труда, при которой много рабочих планомерно, рядом и совместно друг с другом, работают в одном и том же или различных, но связанных между собою, процессах труда, называется кооперацией («Капитал», т. I. стр. 258, изд. Поповой). Десятью страницами далее, Маркс в одном примечании говорит: Linguet, пожалуй, не совсем неправ, когда он в своей «Théorie des lois sivile» утверждает, что охота представляет первую форму кооперации.

Охотники выполняют различные работы, сообразно своим различным способностям, но все совершается по одному общему плану. Результат совместного приложения различных видов труда - «обмена деятельностей», как выражается Маркс в своем «Наемном труде и капитале», — охотничья добыча не *обменивается, а делится.*

Укажем здесь лишь мимоходом на то, как изменение в средствах производства — замена лука и стрел огнестрельным оружием — имеет своим следствием изменение в способе распределения.

Рассмотрим теперь другой, более высокий вид общественного способа производства, напр., основанную на земледелии *индийскую сельскую общину.* От первобытного коммунизма, господствовавшего в ней когда-то, теперь в Индии сохранились лишь кое-какие жалкие остатки. Но Неарх, начальник флота Александра Македонского, сообщал еще, по словам Страбона (XV, 166), о таких местностях Индии, где земля составляла общинную собственность, сообща обрабатывалась, и по окончании уборки урожай делился между членами общины.

По Эльфинстону такие общины существовали в некоторых частях Индии еще в начале настоящего (XIX) столетия. На Яве деревенский коммунизм продолжает еще существовать в той форме, что время от времени вся пахотная земля переделяется снова между членами общины, которые получают свои участки не в частную собственность, а лишь в пользование на определенный срок. В передней Индии пахотная земля перешла уже в большей части в частную собственность отдельных членов общины; леса же, луга и пустыни составляют еще зачастую общинную собственность, на которую имеют право пользования все члены данной общины.

Что интересует нас в подобной деревенской общине, которая не пала еще жертвой разлагающего влияния английского господства, влияния, обуславливаемого введенной им системой налогов, так это то, какой характер принимает в ней *разделение труда.* Мы уже нашли такое у индийцев, но деревенская община индусов представляет его нам в гораздо большей степени.

Помимо общинной администрации, которая называется патель, если она состоит из одного лица, или панч, если она образует коллегию, по большей части из пяти лиц, мы находим в индусской хозяйственной общине еще целый ряд должностных лиц: карпамо или матсадуи — счетовода, который обязан руководить и наблюдать за финансовыми отношениями общины как к отдельным ее членам, так и к другим общинам и государству; таллиера для расследования преступлений и правонарушений, на котором также лежит обязанность охранять проезжающих через общественные земли до границы соседней общины; тоти — охранителя пашни и землемера, который должен наблюдать за тем, чтобы соседние общины не перемешали полевых межей, — обстоятельство легко могущее случиться при возделывании риса; надсмотрщика за водопроводами, который должен содержать их в надлежащем порядке и заботиться о том, чтобы они своевременно открывались и закрывались, снабжая каждое поле достаточным количеством воды, что чрезвычайно важно в особенности при возделывании риса; брамина для исполнения необходимых религиозных обрядов; школьного учителя для обучения детей грамоте; брамина — звездочета или астролога, который занимается определением счастливых и несчастных дней для посева, жатвы, молотьбы и других важных работ; кузнеца, плотника и колесника, гончара, мужчину-прачку, цирюльника, пастуха коров, врача, девадаши (танцовщицу), а иногда даже и певца.

Все эти должностные лица работают на всю общину и вознаграждаются за это или частью общего поля, или же частью урожая. И здесь, при этом высоко развитом разделении труда, мы видим *совместное приложение труда и раздел продуктов.*

Возьмем еще один пример, который всякому вероятно известен: возьмем патриархальную крестьянскую семью, которая сама удовлетворяет своим потребностям. Эта общественная форма развилась из такого же способа производства, какой мы только что изобразили в хозяйственной общине индусов и какой можно найти на первых ступенях развития всех ближе известных нам культурных народов.

Подобная крестьянская семья представляет нам, равным образом, не изолированных людей, а общественное сотрудничество, совместное приложение различных видов труда, который изменяется сообразно с возрастом, полом и временами года. Тут пашут, косят, шьют, вяжут, кроят, плотничают и проч., и проч. Самые различные виды труда здесь прилагаются совместно, в общей связи друг с другом; здесь, так же как и в предыдущих примерах, продукты отнюдь не допускаются *в обмен* отдельными производившими их работниками, а *делятся* между ними сообразно с обстоятельствами.

Предположим [1]) теперь, что, средства производства какой-нибудь земледельческой общины, вроде изображенной нами, настолько усовершенствовались, что на возделывание земли можно затрачивать уже меньше труда, чем прежде. Освобождающиеся рабочие силы могут быть, если техника достигла достаточного развития, обращены, напр., на разработку залежей кремня, оказавшегося где-нибудь на общинной земле, на выделку из него инструментов и оружия. Положим, что производительность труда тут настолько велика, что инструментов и оружия изготовляется гораздо более, чем нужно общине.

Племя кочующих пастухов приходит во время своих скитаний в соприкосновение с этой общиной. Производительность труда в этом племени также настолько возросла, что оно приобрело возможность разводить более скота, чем ему нужно. Понятно, что это племя охотно станет выменивать излишек своего скота на излишек инструментов и оружия земледельческой общины. Излишек скота и излишек инструментов превращаются посредством этого обмена в *товары*.

Обмен товаров является естественным следствием развития производительных сил за тесные пределы потребностей первобытных общин. На известной ступени развития техники первобытный коммунизм становится препятствием ее дальнейшему прогрессу. Усовершенствовавшийся способ производства требует *расширения* круга общественного труда; но так как отдельные общины были чуждыми и независимыми одна по отношению к другой, то это расширение не могло совершиться посредством расширения коммунистического планомерного труда, а происходило только посредством взаимного обмена излишков труда между отдельными общинами.

Мы не намерены здесь заниматься исследованием того, как обмен товаров воздействовал в свою очередь на способ производства внутри общин, пока производство товаров не превратилось в производство независимых друг от друга *отдельных работников,* которые стали обладать, как частной собственностью: как средствами производства, так и продуктами своего труда. Здесь мы хотим показать только следующее: товарное производство есть *общественная* форма производства, оно немыслимо вне общественных отношений, оно означает даже *расширение общественного производства* за пределы предшествовавшего ему коммунистического (в племени, общине или в патриархальной семье). Но общественный характер его не выступает теперь так ясно наружу.

---

[1]) Целый ряд фактов показывает, что первоначальное развитие товарного производства происходило действительно таким образом, как это изображено в следующих строках. Понятно, это произошло не так просто, как здесь описано, но наше изложение имеет своей целью представить не *историю* товарного производства, а его отличительные особенности, которые легче всего познаются путем сравнения его с другими способами производства.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АКАДЕМИИ

Представим себе гончара и земледельца сначала в качестве членов какой-нибудь коммунистической сельской общины индусов, а затем в качестве отдельных товаропроизводителей. В первом случае оба они одинаково работают на общину. один доставляет ей горшки, другой — земледельческие продукты; первый получает при этом свою долю земледельческих продуктов, второй — горшков. Во втором случае каждый из них выполняет свою частную работу независимо от другого, но каждый работает (может быть, в той же мере, как и прежде) не на одного себя, но и на других. Затем они обменивают свои продукты и возможно, что один получит при этом столько же земледельческих продуктов, другой столько же горшков, как и прежде. Повидимому, все в сущности осталось попрежнему, но на самом деле эти два процесса коренным образом отличаются друг от друга.

В первом случае каждый сразу видит, что силой, которая устанавливает взаимную связь между различными видами труда, которая заставляет работать одного на другого и дает каждому соответствующую часть продуктов труда другого, — что этой силой является общество. Во втором случае каждый, повидимому, работает лишь на себя, и способ, посредством которого один производитель приходит к обладанию продуктом другого, кажется вытекающим не из общественного характера их труда, а из *особенности самого продукта*. В последнем случае уже кажется, что не гончар и земледелец работают один для другого, что, следовательно, не труд гончара как и труд земледельца необходимы для общества, а что горшкам и земледельческим продуктам присущи какие-то мистические свойства, которые и обуславливают их обмен в известных отношениях. При господстве *товарного производства* отношения *лиц* между собою, обуславливаемые общественным характером труда, получают вид отношений вещей, а именно — продуктов производства.

Пока производство являлось непосредственно общественным, оно подлежало руководству и контролю самого общества, и взаимные отношения производителей были совершенно ясны. Но лишь только различные виды труда превратились в частные виды его, которые стали вестись независимо один от другого, лишь только производство утратило вследствие этого свою планомерность, как и взаимные отношения производителей приняли вид соотношения продуктов. Теперь определение взаимных отношений между производителями ушло уже из рук самих производителей; эти отношения стали развиваться независимо от воли людей; общественные силы переросли их и стали представляться наивному воззрению давно минувших веков какими-то *божественными* силами, а позднейшим, более «просвещенным», векам — силами *природы*.

Естественным формам товаров приписываются теперь свойства, которые кажутся таинственными, покуда им не найдено об'яснения, во взаимных отношениях их производителей. Как идолопоклонник приписывает своему фетишу такие свойства, которые вовсе не лежат в действительной природе последнего, так и буржуазному экономисту товар представляется чувственной вещью, одаренной сверхчувственными свойствами. Маркс называет это «фетишизмом, который плотно пристает к продуктам труда, как скоро они производятся в качестве товаров, и который, след., неразлучен с товарным производством».

Этот фетишистический характер товара, и как мы ниже увидим, и капитала, открыл впервые Маркс. Именно фетишизм-то и затрудняет, мало того — даже делает невозможным до своего полного устранения понимание отличительных свойств товара; не выяснив себе предварительно фетишистического характера товара, невозможно достигнуть полного понимания явления — товарной ценности. Глава «О фетишистическом характере товара и его тайне» представляется нам, вследствие этого, одной из важнейших глав «Капитала», которой каждый читатель этой книги должен посвятить особенное внимание. А между тем, как раз на эту главу не обращают почти никакого внимания противники, а зачастую даже и приверженцы учения Маркса.

2. Ценность

Раз мы выяснили себе фетишистический характер товара, то дальнейшее изучение представляет уже сравнительно незначительные трудности.

Назначение товара, как мы уже видели, состоит в обмене. Но это возможно лишь при условии, чтобы он удовлетворял какую-либо человеческую потребность — действительную - ли или только воображаемую. Никто не станет обменивать своего продукта на другой, ему совершенно не нужный. Товар, следовательно, должен быть полезною вещью, должен обладать *потребительной ценностью.* Потребительная ценность товара определяется его *физическими* свойствами. Потребительные ценности составляют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. Потребительная ценность не есть, следовательно, особенное свойство, присущее одним только товарам. Есть такие потребительные ценности, которые вовсе не представляют собою товаров, напр., как мы уже видели, продукты коммунистического общества; мало того, есть и такие потребительные ценности, которые не представляют даже собою продуктов труда, как напр., плоды в первобытном лесу или вода в реке. Напротив того, нет ни одного товара, который не обладал бы потребительной ценностью.

Мы замечаем, что когда потребительные ценности становятся товаром, т.-е. когда они обмениваются одна на другую, то это постоянно совершается в определенном количественном отношении. Отношение, в котором один товар обменивается на другой, называется его *меновой ценностью.* Это отношение может изменяться сообразно времени и месту, но для данного времени и данного места оно является все-таки величиной определенной. Если мы обмениваем 20 локтей холста на 1 сюртук и одновременно с этим, 20 локтей холста на 40 фунтов кофе, то мы можем быть уверены, что и 1 сюртук, если дело дойдет до обмена, будет обменен на 40 фунтов кофе. Меновая ценность сюртука при обмене его на холст выражается совершенно иным образом, чем при обмене на кофе, но какой бы разнообразный вид ни принимала меновая ценность данного товара, в основе ее постоянно, в определенном месте и в определенное время, лежит одно и то же содержание. Для лучшего выяснения этого общественного явления укажем на аналогичное же явление из мира вещественного. Когда я говорю, что тело весит 16 килограммов, или 32 фунта, или 1 русский пуд, то я знаю, что в основе этих различных выражений лежит определенное содержание и это определенное содержание есть *тяжесть* тела.

Точно также в основе различных выражений меновой ценности товара лежит определенное содержание, которое мы и называем *ценностью* его.

Мы подошли, таким образом, к важнейшей, основной категории политической экономии, к категории, без понимания которой, не может быть верно понят и весь механизм господствующего ныне способа производства.

Что же образует ценность товара? Вот вопрос, на который нужно найти ответ.

Возьмем два каких-нибудь товара, напр.: пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, оно всегда может быть представлено в виде математического уравнения, напр.: 1 гектолитр пшеницы = 2 центнерам железа. Но ведь и каждый школьник знает, что математические действия можно производить только над однородными величинами; из 10 яблок, напр., мы можем вычесть 2 яблока же, но не 2 ореха. Следовательно, в этих товарах — пшенице и железе—должно быть нечто общее, что делает возможным их сравнение; это именно и есть их ценность. Но является - ли это «общее» каким нибудь природным свойством товаров? В качестве потребительных ценностей они обмениваются лишь потому, что обладают *различными*, а не *общими* природными свойствами. Эти свойства являются побудительной причиной обмена, но они не могут определять того отношения, в котором этот обмен совершается.

Если игнорировать потребительную ценность тела товаров, то у них остается еще лишь *одно* свойство, а именно то, что они являются *продуктами труда.*

Но игнорируя потребительную ценность продуктов, мы игнорируем также и различие определенных форм труда, потраченного на их производство; они являются нам продуктами труда не столяра, прядильщики, и т. п., а *человеческого труда вообще;* и в качестве таковых они суть *ценности.*

Товар, следовательно, имеет ценность только потому, что в нем овеществлен человеческий труд вообще. Но как же в таком случае измерить величину его ценности? Очевидно количеством содержащегося в нем элемента, создавшего его ценность — количеством труда. Количество же труда в свою очередь, имеет своим мерилом время.

Но могло бы, пожалуй, показаться, что если ценность товара определяется временем, затраченным на его производство, то чем ленивее и неискуснее рабочий, тем большую ценность будет иметь произведенный им товар. Но туть дело не в *индивидуальном,* а в *общественном* труде.

Вспомним, что товарное производство представляет собою систему разных видов труда, которые хотя и прилагаются независимо один от другого, но все же находятся в определенном *общественном* взаимодействии. «Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся в ценностях мира товаров, рассматривается здесь как *одна и та же человеческая рабочая сила,* хотя она и состоит из бесчисленного множества индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил представляет собою такую же человеческую силу, как и все другие, поскольку она обладает характером *средней общественной рабочей силы* и, как таковая, действует, т.-е. употребляет для производства какого-либо товара *средне* необходимое или *общественно* необходимое рабочее время. Общественно же необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое, при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или другой полезной вещи». Если изменяется производительная сила труда, то изменяется также и общественно-необходимое рабочее время, изменяется и ценность. Понятно, что всегда, при всяком способе производства, время, необходимое для приготовления определенного продукта, должно иметь для человека большое значение; оно всегда, даже и при коммунистических способах производства, должно иметь влияние на величину отношения, в каком действуют совместно различные виды труда.

Возьмем снова пример коммунистической сельской общины индусов. Положим, что на изготовление своих земледельческих орудий она употребляет двух кузнецов. Положим затем, что какое-нибудь открытие настолько повысило производительность труда, что для изготовления потребных земледельческих орудий в то же самое время нужен только один кузнец. Теперь на эту работу поставят уже не двух кузнецов, а одного, другому же поручат, может быть, выделку оружия или украшений. Положим далее, что производительность земледельческого труда осталась, напротив неизменной. На удовлетворение потребностей общины в земледельческих продуктах в прежних размерах, приходится затрачивать столько же рабочего времени, как и прежде.

Каждый член общины получит при этих обстоятельствах такую же долю земледельческих продуктов, как и прежде, но теперь появляется уже следующая разница: производительность кузнечного труда удвоилась, и на изготовление земледельческих орудий расходуется теперь уже не *две,* а только *одна* часть земледельческих продуктов. Изменения, происшедшие во взаимном отношении различных видов труда, здесь очень просты и совершенно ясны. Но оно становится мистическим, как только труд кузнеца и труд земледельца не действуют в непосредственной связи один с другим, а приходят во взаимное отношение лишь в своих продуктах. Изменение в

производительности кузнечного труда принимает тогда вид изменения в меновом отношении продукта труда кузнеца к другим продуктам—принимает вид изменения ценности продукта.

Уже Рикардо заметил, что величина ценности товара определяется количеством затраченного на его производство труда. Но он не разглядел *общественного* характера труда, скрытого в форме ценности товара, т.-е. не проник в фетишизм товара. Столь же мало сумел он отчетливо и сознательно отделить сторону труда, создающую ценность товара, от той стороны его, которая создает потребительную ценность. Мы уже выяснили выше фетишистический характер товара. Последуем теперь за Марксом в его исследовании двойственного характера труда, заключающегося в товарах.

Товар является нам, как потребительная ценность и как ценность. Вещество его доставлено природой; ценность его создана трудом; но трудом же создана и его потребительная ценность. Каким же образом создает труд ценность меновую и каким образом потребительную?

С одной стороны, труд есть производительное расходование человеческой рабочей силы вообще; с другой — это определенная человеческая деятельность, направленная к достижению какой-либо одной определенной цели. Первая сторона труда образует собой общее свойство всякой производительной деятельности человека. Вторая же различна при различных видах производительной деятельности. Возьмем труд земледельца и труд кузнеца,—у них обоих есть та общая черта, что оба они представляют затрату человеческой рабочей силы вообще. Но каждый из них различен по своей цели, своим приемам, своему предмету, своим средствам и результату.

Определенная, целесообразная человеческая деятельность создает *потребительную ценность*. Ее отличие от других видов деятельности является основой товарного производства. Товары обмениваются друг на друга только в том случае, когда они различны; никто не станет обменивать пшеницу на пшеницу или косы на косы, но вполне возможен обмен пшеницы на косы. Потребительные ценности могут выступать одна против другой, как товары, только в том случае, когда в них заключены качественно различные полезные виды труда.

Но, как *ценности,* товары отличаются друг от друга не качественно, а *количественно*. Они обмениваются, потому что, как потребительные ценности, они различны; они сравниваются при обмене и ставятся в известное отношение между собой, потому что, как ценности, они равны. Не труд, как деятельность определенная, целесообразная и качественно отличная от всякой иной деятельности, создает ценность, а труд, как деятельность, обладающая во всех своих отраслях одним и тем же характером, как затрата человеческой рабочей силы вообще. В качестве таких затрат рабочей силы различные виды труда, подобно ценностям, различаются между собою не качественно, а лишь количественно. Это значит, что по отношению к образованию ценностей всякий труд рассматривается как *простой средний труд*, как расходование такой простой рабочей силы, которой обладает каждый средний человеческий организм. Сложный труд считается в этом отношении только умноженным простым трудом. Небольшое количество сложного труда приравнивается большому количеству простого. Соответственно характеру товарного производства, процесс, устанавливающий взаимные отношения различных видов труда, сводящий их всех к труду простому, есть процесс общественный, но вместе с тем и бессознательный. Человеку же, не освободившемуся от власти фетишистических представлений товарного мира, причины, которые заставляют различные виды сложного труда являться в качестве умноженного простого труда, кажутся не *общественными*, а *природными*. Целый ряд мелкобуржуазных социалистов, которые хотели «конституировать», т.-е. раз на всегда установить ценность для того, чтобы «очистить от шлаков» и

увековечить эти якобы природные причины и определить для каждого вида труда, в какой мере он создает ценность (сравн. нормальный рабочий день Родбертуса). В действительности же эти причины—общественные и непрерывно изменяющиеся.

Мало найдется таких вопросов, по которым высказывалось бы столько ошибочных взглядов, как по вопросу о ценности. Некоторые из них выяснены самим Марксом.

В одну ошибку особенно часто впадают как приверженцы, так и противники теории Маркса: она заключается в смешении *ценности* с *богатством*. В уста Маркса очень часто вкладывают выражение: «Труд есть источник всякого богатства». Всякий, кто внимательно следил за предыдущими рассуждениями, легко поймет, что это выражение стоит в прямом противоречии с основами воззрений Маркса и предполагает косность в фетишизме товарного мира. *Ценность* есть историческая категория, имеющая значение лишь для периода товарного производства; она представляет общественное отношение. *Богатство* же, напротив, есть нечто материальное, составляющееся из потребительных ценностей. Богатство производится при всех способах производства; существует богатство, доставляемое одной только природой, не заключающее в себе никакого труда, но нет богатства, которое возникло бы из одной только деятельности человеческого труда. «Труд — говорит Маркс — есть не единственный источник произведенных им потребительных ценностей вещественного богатства. Труд его отец, как говорит William Petty, а земля его мать».

С возрастанием производительности труда возрастает, при прочих равных условиях, материальное богатство страны; с уменьшением производительности оно уменьшается. Сумма же наличных ценностей может одновременно остаться неизменной, если не изменилось количество затрачиваемого труда. Хороший урожай увеличивает богатство страны; сумма же товарных ценностей, которую представляет этот урожай, может остаться той же, что и в предыдущем году, если количество затраченного общественно-необходимого труда осталось тем же.

Раз Маркс не говорил, что труд есть источник всякого богатства, раз это положение покоится на смешении потребительной ценности с ценностью товара, тогда падают и все выводы из этого положения, которые связывают с именем Маркса. Но теперь мы также видим, как безусловно неосновательно многие противники Маркса упрекали его в том, будто он проглядел роль природы в производстве. Сами же эти противники действительно кое-что проглядели, а именно разницу между товаром, как материальным предметом, и тем общественным отношением, которое выражается при его посредстве. «Насколько некоторые экономисты ослеплены присущим товарному миру фетишизмом или вещной внешностью общественных аттрибутов труда, показывает, между прочим, скучный и нелепый спор о роли природы в образовании меновой ценности. Так как меновая ценность есть только определенный общественный способ выражать потраченный на какую-нибудь вещь труд, то в меновой ценности может содержаться столько же данного самой природой вещества, сколько, например, в вексельном курсе». (Капит., 1 стр., 44 русск. изд.).

Таким образом, Маркс далеко не «проглядел» роли природы при производстве потребительных ценностей. Если же он не включил ее в число элементов, созидающих ценность, то сделал это не по забывчивости, а вследствие глубокого понимания общественного характера товарного производства, понимания, которого все еще недостает тем экономистам, которые общественные законы выводят из состояния безобщественности, исходя из гипотезы об изолированном индивидууме.

Другое довольно распространенное заблуждение относительно теории ценности Маркса состоит в смешении созидающей ценность силы *труда*

с ценностью *рабочей силы.* Эти два понятия надо строго отличать друг от друга. Труд, как источник ценности, так же мало может обладать ценностью, как тяжесть — весом или теплота — температурой. Мы говорили до сих пор только о ценности, которую *создает* простой или сложный труд, а не о ценности, которой *обладает* рабочая сила и которая находит свое выражение в плате, получаемой носителем этой силы—рабочим.

Мы предполагаем до сих пор лишь простое товарное производство и простой товарный обмен. Рабочая сила, как товар, для нас не существует.

О рабочей силе человека и ее ценности мы будем говорить подробнее ниже; пока же ограничимся этим указанием, чтобы предостеречь от возможного заблуждения.

На таких именно заблуждениях основывается большая часть возражений против теории ценности Маркса, если только они не состоят из опровержений таких мыслей, которых Маркс никогда и не высказывал, или не являются голой клеветой, как напр., излюбленный упрек Марксу в догматизме.

Чтобы предохранить себя от подобного ошибочного понимания, нужно ясно представлять себе, в чем заключается сущность всякого закона, подобного закону ценности.

Всякий естественно-научный или общественный закон есть попытка об'яснения явлений природы или общественной жизни. Но едва-ли хоть одно из этих явлений обуславливается только одной причиной. В основании различных явлений лежат самые разнообразные и самые сложные причины, да и сами эти явления совершаются независимо одно от другого, а взаимно перекрещиваются в самых разнообразных направлениях.

Поэтому перед исследователем взаимной связи между явлениями природы или общественной жизни стоит двойная задача. Он должен, во-первых, отделить друг от друга различные явления, изолировать их; он должен, во-вторых, изолировать причины, лежащие в основании этих явлений, отделить среди них существенные от несущественных, постоянные от случайных. Оба эти вида исследования возможны лишь при помощи абстракции. Естествоиспытатель пользуется при этом целым рядом, до бесконечности усовершенствованных, инструментов и методов наблюдения и опыта. Исследователь же общественных законов должен совершенно отказаться от последних методов, а по отношению к первым ему приходится довольствоваться лишь крайне несовершенными вспомогательными средствами.

Путем абстракции познает исследователь закон, лежащий в основании явлений, которые он желает об'яснить. Без знания этого закона не могут быть об'яснены изучаемые явления, но и одного этого закона отнюдь недостаточно, чтобы вполне об'яснить данные явления. Одна причина может быть ослаблена другой, ее действие может быть даже совершенно парализовано; но было бы ошибочно выводить из одного такого случая заключение, будто этой причины вовсе не существует. Закон падения, напр., применим только к падению тел в безвоздушном пространстве: здесь, действительно, и кусок свинца и перо падают с одинаковой скоростью. В пространстве же, наполненном воздухом, результат иной, вследствие сопротивления воздуха. И все-таки закон падения верен.

Так же обстоит вопрос и с ценностью. Когда товарное производство сделалось господствующей формой производства, законосообразность цен товаров должна была обратить на себя внимание участников в этом производстве и вызвала стремление исследовать причины, лежащие в основании этой законосообразности. Исследование товарных цен привело к определению величины ценности. Но ценность товара так же мало является единственной причиной его цены, как сила тяжести единственно определяющей причиной явления падения. Маркс сам указывает на то, что существуют товары, цена которых не только временно, но и постоянно

может стоять ниже их ценности. Так, напр., золото и алмазы никогда еще, вероятно, не оплачивались по своей полной ценности. Точно так же и товар-рабочая сила может при известных обстоятельствах в течение долгого времени оплачиваться ниже своей ценности. Даже более того, Маркс доказал, что при капиталистическом способе производства прибыль оказывает на закон ценности такое влияние, что цены большинства товаров не только *могут*, но и *должны* постоянно стоять выше или ниже их ценности. И, несмотря на это, закон ценности не только вполне сохраняет свою силу, но даже упомянутое отклонение цен от ценностей само может быть об'яснено лишь с помощью этого закона ценности. Здесь мы можем только указать на это обстоятельство, но не имеем возможности об'яснить его. Для его понимания необходимо знакомство с законами капитала и прибыли. В дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу.

Значительная часть возражений против Марксовой теории ценности покоится на смешении цены и ценности. Их нужно строго различать друг от друга.

Но прежде всего, как уже говорено было выше, не следует ослепляться фетишистическим характером товара; не следует принимать общественные отношения, находящие свое выражение в товарах, как материальных предметах, за природные свойства последних. Если мы никогда не будем упускать из виду, что товарное производство есть лишь вид общественного производства, при котором отдельные хозяйственные единицы производят друг для друга, хотя и не вместе друг с другом, и что ценность товаров представляет не отношение *вещей*, а скорее под вещественной оболочкой взаимное отношение *людей*, то мы будем знать, как следует понимать следующее положение Маркса, составляющее основание его исследований в «Капитале»: «Величина ценности какой-либо полезной вещи определяется только количеством общественно-необходимого труда или общественно-необходимого для ее производства рабочего времени».

---

3. Меновая ценность

Величина ценности какого-нибудь товара определяется рабочим временем, общественно-необходимым для его производства. Но способ выражения ее не соответствует этому определению. Не говорят: «этот сюртук стоит 40 рабочих часов», а говорят, напр.: «он стоит столько же, сколько 20 локтей холста или 10 граммов золота».

Рассматриваемый сам по себе сюртук еще не является товаром; он становится таковым только тогда, когда его предназначают для обмена. Соответственно этому и ценность товара не обнаруживается, если его не сравнивают с каким-нибудь другим товаром, на который имеют в виду его обменять. Величина ценности товара *определяется*, правда, количеством общественно-необходимого для его производства труда; но она *выражается* при посредстве своего отношения к величине ценности одного или нескольких других товаров, при посредстве своего *менового отношения*. Буржуазная же политическая экономия часто принимает, что именно меновое отношение товара определяет величину его ценности.

Пример уяснит нам нелепость этого воззрения. Возьмем голову сахара. Она обладает определенным весом, но выразить его мы можем лишь путем сравнения с весом какого-нибудь другого тела, напр.: железа. Мы кладем голову сахара на одну чашку весов, а на другую — соответствующее число кусков железа определенного веса, который мы назовем, напр., фунтом. Число кусков железа укажет нам вес сахара, но было бы нелепо думать, что сахар весит 10 фунтов потому, что на другую чашу мы положили 10 фунтовых гирь. Напротив, мы именно потому должны были положить

на чашку весов 10 гирь, что сахар весит 10 фунтов. Здесь положение вещей совершенно ясно. Точно так же обстоит дело и с *величиной* и *формой* ценности.

Выражение веса тела представляет некоторое сходство с выражением ценности товара, т.-е. с формой, в которой мы выражаем величину его ценности. Голова сахара весит 10 фунтов — это значит, в сущности, если мы продолжим наше сравнение, что голова сахара весит столько же, сколько десять взятых нами кусков железа; подобно этому, мы можем сказать и относительно сюртука, что он стоит столько же, сколько, напр., 20 локтей холста.

Мы не могли бы сопоставить в известном отношении железо и сахар, как тела, если бы у них не было общего *природного* свойства — *тяжести*; точно также мы не могли бы установить взаимного отношения между сюртуком и холстом в качестве *товаров*, если бы они не обладали одним общим им *общественным* свойством — быть продуктами человеческого труда, вообще — ценностями.

Железо и сахар играют в первом уравнении две различные роли: голова сахара весит столько же, сколько десять фунтов железа. Сахар фигурирует здесь, как сахар, железо - же выступает не в качестве железа, а в качестве воплощения тяжести, как форма ее проявления. Мы игнорируем в этом уравнении отличительные материальные свойства железа, а не сахара.

Подобное же явление представляет нам уравнение: один сюртук = 20 локтям холста.

Как сюртук, так и холст суть товары: оба, следовательно, представляют собою как ценности потребительные, так и ценности. Но в *форме ценности*, в *меновом отношении* только сюртук фигурирует, как потребительная ценность, холст же выступает лишь в качестве формы проявления ценности.

Вес сахара мы можем определить не только посредством железных гирь, но и посредством медных, свинцовых и т. п. Точно также и ценность сюртука мы можем выразить не только в холсте, но и во всяком другом товаре. В уравнении 1 сюртук = 20 локтям холста мы поэтому совершенно игнорируем отличительную *природную форму* холста; в этом уравнении, как уже было сказано выше, он имеет значение лишь как *ценность*, как воплощение человеческого труда вообще. Холст становится формой проявления *ценности* сюртука в отличие от *материальной* сущности последнего. Присущая сюртуку, как и всякому другому товару, противоположность ценности потребительной и ценности товарной, отражается и в выражении ценности, в котором телесная форма его, как сюртук, а принимает вид только *потребительной ценности*, телесная же форма товара — холст — принимает вид только *товарной ценности, формы ценности.*

Но все - таки потребительная ценность товара, в котором выражается ценность другого товара — Маркс называет его эквивалентом — не безразлична. Эти два товара должны быть различны — должны иметь различную потребительную ценность. Уравнение 1 сюртук = 1 сюртуку бессмысленно.

Ценность сюртука мы можем выразить не только в холсте, но и во всяком другом, отличном от него, товаре. Но мы можем также перевернуть это уравнение и выразить ценность холста, как и всякого другого товара, в сюртуках. Мы можем составить такое уравнение:

1 сюртук = { 20 локтям холста
10 фунтам чаю
40 фунтам кофе
5 центнерам железа
2 четвериkам пшеницы
и т. д.

Но мы можем также перевернуть это уравнение и сказать:

$$\left.\begin{array}{l}20 \text{ локтей холста}\\10 \text{ фунтов чаю}\\40 \text{ фунтов кофе}\\5 \text{ центнеров железа}\\2 \text{ четверика пшеницы}\\\text{и т. д.}\end{array}\right\} = 1 \text{ сюртуку.}$$

Оба уравнения говорят, повидимому, одно и то же, но это оказывается верным лишь в том случае, когда мы рассматриваем их как чисто *математические* уравнения; в качестве же различных выражений форм ценности они имеют логически и исторически различное значение.

В начале товарного производства продукты обменивались лишь иногда, кое-где и случайно.

Этот период может быть охарактеризован простым уравнением ценности, в котором какой-нибудь товар ставится в известное отношение только к *одному* другому товару, напр.: 1 бронзовый молоток = 20 фунтам каменной соли. Эту форму Маркс называет *простой или единичной формой ценности.* Когда же какой-нибудь продукт труда, напр., скот, уже не в виде исключения, а *обычно* обменивается на другие продукты труда, тогда выражение ценности принимает форму первого из двух вышеприведенных уравнений, как, напр.:

$$1 \text{ корова} = \left\{\begin{array}{l}2 \text{ плащам}\\1 \text{ мечу}\\1 \text{ поясу}\\10 \text{ сандалиям}\\3 \text{ кубкам}\\\text{и т. д.}\end{array}\right.$$

Эту форму ценности, примеры которой мы находим еще у Гомера, Маркс называет *полной или развернутой формой ценности.*

Но товарное производство развивается еще далее. Число продуктов труда, производимых для обмена, следовательно, в качестве товаров, возрастает, и обычный обмен распространяется на все большее количество самых разнообразных товаров. Теперь сплошь и рядом обмениваются не только скот, но и мечи, пояса, кубки и т. п. Самый ходячий из этих товаров, напр., скот, становится тем, в котором чаще всего выражаются ценности товаров, пока он, наконец, не станет единственным выразителем этих ценностей. С этого времени вступает в действие вторая из вышеприведенных формул — *всеобщая форма ценности.*

Рассмотрим теперь ближе эквивалентную форму в этом уравнении. Как мы уже выше видели, эквивалентная форма является воплощением человеческого труда вообще. Но в прежних формах ценностей какой-нибудь товар являлся в этом виде лишь случайно и временно. В уравнении 1 сюртук = 20 локтям холста холст, конечно, фигурирует лишь как форма проявления ценности. Но если 20 локтей холста приравниваются одному четверику пшеницы или тому же сюртуку, то теперь уже в качестве воплощения человеческого труда вообще выступает пшеница или сюртук, холст же фигурирует здесь как потребительная ценность. Иначе обстоит дело при всеобщей форме ценности. Тут уже только один товар служит эквивалентом, он выступает в роли всеобщего эквивалента. Товар этот, подобно всем прочим товарам, как был, так и остается и потребительной и товарной ценностью. Но все другие товары выступают теперь по отношению к нему, повидимому, только как потребительные ценности, сам же он выступает в качестве *всеобщей* и *единственной* формы проявления ценности, в качестве *общественного* воплощения человеческого труда вообще.

Он является теперь таким товаром, который *непосредственно* обменивается на все прочие товары, и поэтому каждый охотно берет его. С другой стороны, все другие товары теряют, в силу этого, способность и возможность непосредственно обмениваться друг на друга. Всякий обмен двух товаров может происходить только при посредстве *всеобщего эквивалента*, в котором отражаются все другие товарные ценности.

---

4. Обмен товаров

Для того, чтобы мог происходить обмен товаров, необходимо появление двух условий: 1) обмениваемые продукты должны являться *потребительными ценностями* для тех, которые ими *не владеют*, и *не быть потребительными ценностями* для своих владельцев; 2) лица, участвующие в обмене, должны признавать друг друга *частными собственниками* обмениваемых ими товаров. *Правовое отношение* частной собственности есть лишь отражение *волевых отношений* обменивающихся лиц, обусловливаемых в свою очередь экономическими отношениями. Не потому люди стали обменивать товары, что они смотрели друг на друга, как на частных собственников отчуждаемых вещей, а, наоборот, они стали взаимно признавать себя частными собственниками, когда им пришлось обмениваться друг с другом.

Самой первоначальной формой, в которой продукт труда теряет потребительную ценность для своего владельца, а следовательно и первой формой товара, является *излишек* продуктов труда, превышающий потребности их владельца. Эти продукты еще не производятся нарочно для обмена, они производятся для собственного потребления и становятся товарами только благодаря обмену.

Что касается второго пункта—признания владельцами отчуждаемых вещей друг за другом прав частной собственности на эти последние,—то такое признание возможно только там, где вступают в сношение лица, независимые одно от другого. «Такое отношение взаимной отчужденности не существует, однако, для членов естественно сложившегося общественного организма, имеет ли он форму патриархальной семьи, древне-индийской общины, государства инков и т. д. Товарный обмен начинается, так сказать, на конечностях общественных организмов, в местах их соприкосновения с другими общественными организмами или с членами других общественных организмов. Но, как только вещи во внешних отношениях становятся товарами, они этим самым становятся ими (современем) и во внутренней жизни общины».

На первых порах существования обмена величина и форма ценности являются еще очень слабо развитыми. Отношение величин или количеств, в котором обмениваются продукты, пока еще случайно и подвержено сильным колебаниям. Но мало по малу обмен продуктов становится все более и более правильным общественным процессом. Люди начинают обменивать не только остающийся за удовлетворением собственных потребностей излишек потребительных ценностей, но и производят потребительные ценности специально *с целью обмена*. В силу этого отношение, в котором обмениваются последние, становится во все большую и большую зависимость от условий их производства. *Величина ценности* товара начинает становится величиной, определяемой необходимым для его производства рабочим временем.

Но как скоро продукты труда производятся специально для обмена, то должно ясно выступить наружу скрытое в природе товара противоречие потребительной ценности и ценности.

Это присущее всякому товару противоречие находит, как нам известно, свое выражение в форме ценности. В формуле: 20 локтей холста=1 сюртуку,

холст сам говорит нам, что он одновременно является и потребительной ценностью (как холст) и ценностью (как нечто=1 сюртуку). Но в простой форме ценности трудно еще закрепить это противоречие, так как товар, служащий здесь эквивалентом, воплощением человеческого труда вообще, фигурирует в этой роли лишь временно. В развернутой форме ценности противоречие это выступает уже явственнее, так как теперь многие товары служат и могут служить эквивалентами, потому что они обладают одним общим свойством: они—продукты труда или ценности.

Но чем более развивается обмен товаров, тем более продукты труда превращаются в товары, тем настоятельнее становится необходимость в каком-нибудь *всеобщем* эквиваленте. На первых порах существования обмена каждый меняет то, в чем он не нуждается непосредственно, на то, в чем он нуждается. Но это становится все труднее и труднее по мере того, как товарное производство становится всеобщей формой общественного производства. Положим, напр., что товарное производство развилось уже настолько, что занятия портного, пекаря, мясника, столяра образуют самостоятельные промыслы. Портной отчуждает сюртук столяру. Для портного сюртук не имеет потребительной ценности, а для столяра он ее имеет. Но портному не нужны столярные изделия — мебели у него уже достаточно. Стулья и столы не имеют потребительной ценности для столяра, но они не имеют ее также и для портного С другой стороны, портной нуждается в хлебе пекаря и в мясе мясника, так как прошли уже те времена, когда он дома пек хлеб и откармливал свиней. Мясо и хлеб, в которых нуждается портной, не представляют для мясника и пекаря потребительных ценностей, но мяснику и пекарю не нужны в данный момент сюртуки; портному грозит, таким образом, опасность умереть с голоду, несмотря на то, что он нашел покупщика на свой сюртук. Ему нужен теперь такой товар, который служил бы всеобщим эквивалентом, который, в качестве непосредственного воплощения *ценности*, имел бы всегда и для каждого потребительную ценность.

Но тот же самый процесс развития, который создает необходимость такого эквивалента, влечет за собою и его возникновение. Когда различные товаровладельцы стали обмениваться различными предметами, то должны были наступать случаи, когда многие из предметов приравнивались, как ценности, одному и тому же товару, когда для них, таким образом, находился общий эквивалент. Сначала какой-нибудь товар фигурировал в качестве такового лишь временно и случайно. Но как скоро оказалось выгодным, чтобы один какой-нибудь товар принял форму всеобщего эквивалента, соединение эквивалентной формы с данным товаром должно было все более и более закрепляться. За каким именно видом товара удержалась форма всеобщего эквивалента, это обусловливалось самыми разнообразными обстоятельствами. Но в конце концов *благородные металлы* приобрели монополию служить всеобщей эквивалентной формой, превратились в *деньги*. Отчасти на это могло повлиять то, что украшения и материалы для украшения были с самого начала важными статьями обмена; но главным образом решающим обстоятельством для этого было то, что природные свойства золота и серебра вполне соответствуют тем общественным функциям (отправлениям), которые должен совершать всеобщий эквивалент. Достаточно указать здесь на те два обстоятельства, что благородные металлы, являясь качественно всегда одинаковыми, не изменяются в воздухе и воде, следовательно, с практической точки зрения, они неизменны, и, во-вторых, что их можно по произволу делить и соединять в большие или меньшие количества. Поэтому они очень удобны для воплощения безразличного человеческого труда вообще, для выражения величин ценностей, которые отличаются друг от друга не по своим свойствам (качественно), а только по своим размерам (количественно).

Золото и серебро могли приобрести монополию на функцию всеобщего эквивалента лишь потому, что они противопоставлялись другим товарам так же, как *товары*. Они могли сделаться *деньгами* только потому, что были *товарами*. Деньги не составляют изобретения человеческого ума, как и не представляют собой простого символа ценности. Ценность денег и их определенные общественные функции не созданы искусственно. Благородные металлы стали денежными товарами в силу той роли, которую они, как товары, играли в процессе обмена.

ГЛАВА II

ДЕНЬГИ

1. Цена

Первая функция денег состоит в том, что они служат *мерой ценности*, доставляют миру товаров материал, в котором выражается ценность.

Товары становятся однородными и соизмеримыми, не благодаря деньгам; наоборот, так как товары, как ценности, суть овеществленный человеческий труд, а потому сами по себе соизмеримы, все они могут измерять свою ценность одним и тем же определенным товаром, и, таким образом, они превращают его в *общую меру ценности* или в *деньги*. Деньги, как *мера ценности*, суть необходимая форма проявления присущей товарам меры ценности, т. е. *рабочего времени*.[1])

Выражение ценности товара в денежном товаре составляет его денежную форму или цену. Напр., 1 сюртук=10 граммам золота.

Цена товара есть нечто совершенно отличное от его природных свойств. Ее нельзя в нем ни видеть, ни осязать. Товаровладелец должен сообщить ее покупателям. Но не для того, чтобы *выразить* ценность товара в золоте, т. е. для того, чтобы *определить* его цену, вовсе не необходимы реальные деньги. Портному не нужно иметь в кармане золото, чтобы иметь возможность заявить, что цена продаваемого им сюртука равняется 10 граммам золота. Мерой ценности деньги служат, следовательно, *лишь, как мысленно-представляемые, как воображаемые деньги*.

Тем менее *цена* зависит только от *реального* денежного товара Портной может—мы здесь игнорируем, конечно, все побочные и осложняющие

---

[1]) По поводу развиваемых здесь мыслей, Маркс делает интересное замечание об утопии, которая еще и теперь гнездится в головах у многих. «Вопрос—говорит он—почему деньги не могут представлять непосредственно самое рабочее время так, чтобы, напр., какой-нибудь билет изображал известное количество рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему, на основе товарного производства продукты труда должны принимать форму товаров и форма товара заключает в себе его раздвоение на товар и денежный товар. Другими словами тот же вопрос можно выразить так: почему частный труд не может быть рассматриваем, как его противоположность, как непосредственно общественный труд? В другом месте я подробнее доказывал плоскую утопичность «рабочих денег» при товарном производстве («Zur Kritik der pol. Oekonomie». 1859, стр. 61 и след. Это место перепечатано в приложении к немецкому изданию «Нищета философии» Маркса, Штутгарт 1892 стр. 165). Здесь еще замечу, что «рабочие деньги» Оуэна, напр., столь же мало «деньги», как положим, театральный билет. Оуэн предлагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства диаметрально противоположную товарному производству. У него рабочее свидетельство устанавливает только индивидуальную долю производителя в общем труде и его индивидуальное право на часть общего продукта, предназначенную для потребления. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремится к тому, чтобы обойти необходимые условия!

дело обстоятельства—выразить цену своего сюртука в 10 граммах золота только тогда, если в этом количестве золота воплощается столько же общественно необходимого труда, как и в сюртуке. Если портной выразит ценность своего сюртука не в золоте, а в серебре или меди, то и выражение цены будет совершенно иным.

Там, где два различных товара, напр., золото и серебро служат мерой ценности, все товары имеют в силу этого два различных выражения цен — цену в золоте и цену в серебре. Всякое изменение в соотношении ценности между золотом и серебром дает толчок к колебанию цен. Двойственность мерила ценности есть в сущности бессмыслица, противоречие самой функции денег, как масштаба цен. Всюду, где только ни пытались установить законодательными мерами два товара в качестве масштаба цен, на деле всегда функционировал, как мерило ценности, лишь *один* из них.

Еще и теперь в некоторых странах золото и серебро, оба являются законом установленными масштабами цен. Но опыт всегда приводил к абсурду эти законодательные постановления. Золото и серебро, подобно всякому другому товару, подвержены постоянным колебаниям ценности; и если им обоим законом присваивается равноправное обращение, если можно по произволу расплачиваться любым из этих двух металлов, то платят, конечно, тем из них, ценность которого *падает*; тот же металл, ценность которого повышается, продают туда, где его можно продать с выгодой, т.-е. за-границу. Следовательно, в странах, где господствует система выражения ценности в двух металлах, так называемый биметаллизм, фактически всегда, в качестве масштаба цен, функционирует только один вид денежного товара и именно тот, ценность которого понижается; другой же, который повышается в ценности, измеряет, подобно всякому другому товару, свою цену посредством металла, оцененного слишком высоко, и он функционирует не в качестве *масштаба цен*, а в качестве *товара*. Чем значительнее колебания в отношении ценности между золотом и серебром, тем сильнее выступает наружу бессмысленность биметаллизма.[1])

Маркс для простоты принимает в «Капитале» золото в качестве единственного денежного товара. Оно и на самом деле все более становится денежным товаром современного капиталистического производства.[2])

В выражении цены всякого товара он представляется, как определенное количество золота. Необходимо, конечно, сравнить между собой, измерить друг другом различные количества золота, которые выражают различные цены, необходимо создать *масштаб цен*. Металлы обладают таким природным масштабом в своем весе. Названия весового масштаба металлов: фунт, ливр (во Франции), талант (в древней Греции), ас (у римлян) и т. п.—образуют поэтому первоначальные наименования единиц масштаба цен.

---

[1]) Биметаллистическая агитация, очень сильная еще всего несколько лет тому назад, потеряла в настоящее время всякие шансы на успех и почти совершенно заглохла. Одна страна за другой переходят к золотой валюте, и за последнее время такой переход произошел в Австрии (1892), Японии (1897), России (1898). В Англии она введена еще в конце 18-го столетия, в Германии, как известно, с 1871 г. В Соединенных Штатах, Бельгии, Франции, Швейцарии она фактически господствует, хотя номинально там существует еще биметаллистическая система. В Британской Индии, а до нее еще в Нидерландах и Нидерландской Индии, сделаны уже подготовительные шаги к введению золотой валюты. Наибольшую выгоду от перехода Германии к биметаллизму извлекут те, кто понаделали в ней при золотой валюте долгов, уплату которых они могут тогда произвести серебром. Наибольшее число таких долгосрочных долгов составляют долги ипотечные. На этом покоится заинтересованность аграриев в биметаллизме.

[2]) В странах с современным способом производства ценность денежного запаса в благородных металлах (монет и слитков) оценена в —

	Золоте	Серебре
1831 г. в	2.232.000.000 марок.	8.280.000.000 марок
1880 г. „	13.170.000.000 „	8.406.000.000 „

Рядом с функцией денег, как мерила ценностей, мы знакомимся здесь со второй их функцией, как *масштаба цен*. Как мера ценности, деньги служат для того, чтобы ценности товаров превратить в определенные мысленно представляемые количества золота. Как масштаб цен, они измеряют различные количества золота посредством одного, принимаемого за единицу количества золота, напр.: посредством одного фунта золота.

Различие между мерой ценности и масштабом цен станет ясным, если мы рассмотрим отношение их обоих к колебаниям ценности денежного металла.

Допустим, что единицей *масштаба цен* служит 10 граммов золота. Какова бы ни была ценность золота, 20 гр. его всегда будут стоить вдвое дороже 10-ти граммов. Понижение или повышение ценности золота не имеет, следовательно, никакого влияния на масштаб цен.

Рассмотрим теперь золото в качестве *меры ценности*. Пусть, 1 сюртук = 10 гр. золота. Допустим далее, что ценность золота изменилась; пусть теперь в одно и то же общественно-необходимое рабочее время производится вдвое больше золота, чем прежде. В производительности же труда портного не произошло никакой перемены. Что выйдет из этого? Цена сюртука будет равняться теперь 20 гр. золота. Изменение ценности золота чувствительно отражается, следовательно, на его функционировании, как меры ценности. Масштаб цен может быть установлен совершенно произвольно, точно так же, как, напр., меры длины. С другой стороны, масштаб этот нуждается во всеобщем признании. Сначала он был условным, выражаясь посредством *обычных* весовых делений, впоследствии он регулируется законом. Различные весовые деления благородных металлов получают при оффициальном их крещении имена, отличные от их веса. Мы говорим не $^1/_{79}$ фунта золота, а 20 марок. Цены теперь выражаются уже не в *весе золота*, а в законом признанных *счетных названиях* золотого масштаба.

Цена есть денежное название для величины ценности товара. Но она вместе с тем представляет и выражение менового отношения этого товара к денежному товару, к золоту. Ценность товара никогда не может проявиться изолированно, сама по себе; она проявляется только в его меновом, отношении к другому товару. Но это отношение может подвергаться влиянию не одной только величины ценности, но еще и разных других обстоятельств. Вследствие этого возникает возможность отклонения *цены от величины ценности*.

Если портной говорит, что цена его сюртука равняется 10 гр. золота или, в наименованиях денежных единиц, 30 маркам, то он выражает этим, что в каждый данный момент он готов отдать сюртук за 10 граммов золота. Но было бы с его стороны слишком поспешно утверждать, что всякий готов сейчас же дать ему за его сюртук такое количество золота. Превращение сюртука в золото, разумеется, безусловно необходимо для того, чтобы он мог выполнить свою роль товара. Товар стремится к деньгам: это, так сказать, пламенные любовные взоры, бросаемые им блестящему воздыхателю. Но на товарном рынке дело не всегда кончается так, как в романах: герои не всегда соединяются. Иной товар оставляется без всякого внимания ищущим себе подруги жизни золотом и должен влачить безрадостное существование в складе.

Присмотримся несколько ближе к приключениям товара в его сношениях с золотом.

---

2. Продажа и покупка

Последуем за нашим старым знакомым, портным, на товарный рынок. Он обменивает сшитый им костюм на 30 марок. На эту сумму он покупает боченок вина. Мы видим здесь два противоположных превращения: сначала превращение товара в деньги, затем обратное превращение денег в товар.

Но товар, который появляется в конце всего этого процесса, уже иной, чем был в начале его. Первый товар не имел для своего владельца потребительной ценности, второй же имеет ее для него. Полезность первого товара для его владельца заключалась в свойствах этого товара, как *ценности*, как продукта человеческого труда вообще, в *способности* его *обмениваться* на *другой* продукт человеческого труда вообще — на золото. Полезность же второго товара — вина — заключается для портного в его *вещественных* свойствах, в его свойствах не как продукта человеческого труда вообще, а как продукта *определенных*, конкретных форм труда, напр.: труда винодела и т. п.

Формула простого товарного обращения гласит: товар — деньги — товар; т.-е. продажа для покупки.

Из этих двух превращений: товар — деньги и деньги — товар, первое, как известно, самое трудное. Покупка, если только есть деньги, причиняет мало заботы. Несравненно труднее продать, чтобы получить деньги. При господстве же товарного производства деньги необходимы всякому товаровладельцу; чем более развивается общественное разделение труда, чем одностороннее становится его труд, тем многостороннее его потребности.

Для того, чтобы товару удалось его salto mortale, его превращение в деньги, прежде всего необходимо, чтобы он был *потребительной ценностью*, чтобы он *удовлетворял какой-нибудь потребности*. Если он отвечает этому требованию, если ему удается превращение в деньги, тогда возникает вопрос: в *какую* же *сумму денег* он превратится?

Этот вопрос, впрочем, нас здесь не касается. Ответ на него дает исследование законов *цен*. Здесь нас пока интересует только изменение в форме: товар — деньги, независимо от того, проиграет или выиграет товар при этом в величине ценности.

Портной сбывает свой сюртук и получает за него деньги. Допустим, что он продает его какому-нибудь крестьянину. То, что для портного было *продажей*, для крестьянина является *покупкой*. Всякая продажа есть в то же время и покупка и наоборот. Но откуда же взять деньги крестьянину? Он получил их в обмен за свой хлеб. Если мы проследим путь, пройденный денежным товаром, золотом, начиная от места его производства — рудника, от одного товаровладельца к другому, то мы найдем, что всякая перемена им своего владельца была всегда результатом какой-нибудь продажи.

Превращение сюртук — деньги является, как мы видели, членом не одного, а двух рядов превращений. Один гласит: сюртук — деньги — вино; другой: хлеб — деньги — сюртук. Начало ряда превращений одного товара есть вместе с тем и заключение ряда превращений другого товара и наоборот.

Положим, что винодел покупает на те 30 марок, которые он получил за свое вино, котел и уголья. Тогда превращение: деньги — вино является последним членом ряда: сюртук — деньги — вино и первым членом двух других рядов: вино — деньги — уголья и вино — деньги — котел.

Каждый из этих рядов превращений образует круговорот: товар — деньги — товар. Он начинается и кончается товарной формой. Но каждый круговорот одного товара сплетается с круговоротами других товаров. И все движение этих бесчисленных, взаимно переплетающихся круговоротов образует *товарное обращение*.

Обращение товаров существенно отличается от непосредственного обмена продуктов или простой меновой торговли. Последняя была вызвана выростанием производительных сил за пределы первобытного коммунизма. Благодаря обмену продуктов, система общественного труда расширилась за пределы отдельной общины; обмен привел к тому, что различные общины и члены различных общин стали работать друг на друга. Но простой обмен продуктов становился в свою очередь препятствием; с дальнейшим развитием производительных сил, и это препятствие было устранено возникновением товарного обращения.

Простой обмен продуктов требует, чтобы я, отдавая кому-нибудь свой продукт, брал одновременно у него и его продукт. В товарном обращении это ограничение устраняется. Конечно, всякая продажа есть вместе с тем и покупка: портной не может продать сюртука без того, чтобы его не купил кто-нибудь другой, напр., крестьянин. Но отнюдь, во-первых, не необходимо, чтобы портной тут же что-нибудь покупал. Он может спрятать деньги и ждать, пока ему захочется сделать какую-либо покупку. Во-вторых, ему нет никакой необходимости теперь или позже покупать что-нибудь у того же самого крестьянина, который купил у него сюртук, или делать покупку на том же рынке, на котором он продает. Существующие, следовательно, при обмене продуктов ограничения относительно времени, места и лиц совершенно устраняются товарным обращением.

Но между меновой торговлей и товарным обращением имеется еще другое различие. Простой обмен продуктов состоит в отчуждении *излишних* продуктов и оставляет, на первых порах, без изменения первобытно-коммунистические формы производства, стоящие под непосредственным контролем участвующих в нем лиц.

Напротив, развитие товарного обращения делает отношения производства все более запутанными, все более трудными для понимания и контроля. Отдельные производители становятся все независимее друг от друга, но тем в большую зависимость попадают они от общественных соотношений, которых они не могут уже более контролировать, как это было при первобытном коммунизме. Общественные силы приобретают, таким образом, значение слепо действующих сил природы, которые, если помешать их действию, нарушить их равновесие — проявляются в катастрофах, подобно бурям и землетрясениям.

А вместе с товарным обращением развиваются уже и зародыши таких катастроф. Представляемая им возможность продавать без того, чтобы быть вынужденным покупать непосредственно вслед за этим, заключает уже в себе *возможность застоя в сбыте*, возможность *кризисов*. Но производительные силы должны развиться за пределы простого товарного обращения, прежде чем эта возможность превратится в *действительность*.

---

3. Обращение денег

Припомним круговороты товаров, которые мы проследили в предыдущем параграфе: хлеб — деньги — сюртук — деньги — вино — деньги — уголья и т. д. Ход этих круговоротов сообщает движение и деньгам, но это последнее не является уже круговым. Деньги, израсходованные крестьянином, все более и более удаляются от него. «Следовательно, форма движения, непосредственно придаваемая деньгам товарным обращением, состоит в постоянном удалении их от исходного пункта — в переходе их из рук одного товаровладельца в руки другого, в их обращении».

Обращение денег есть *следствие* обращения товаров, а не причина его, как это часто принимают. При простом товарном обращении, которым мы теперь занимаемся, когда нет еще и речи о торговле и перепродаже, как особой профессии, товар в качестве потребительной ценности уже после первого шага своего движения выходит из обращения, чтобы перейти в сферу потребления, и на его место поступает в обращение новая потребительная ценность, равная ему, однако, в качестве ценности товарной. В круговороте: хлеб — деньги — сюртук, хлеб, уже после первой формы превращения хлеб — деньги, исчезает из обращения, и к продавцу хлеба в результате второго превращения: деньги — сюртук возвращается равная ценность, но совершенно отличная от хлеба в качестве ценности потребительной. Деньги же, как средство обращения, не выходят из обращения, а постоянно движутся в его сфере.

Теперь, спрашивается, сколько денег требует обращение товаров?

Мы уже знаем, что каждый товар приравнивается к известному количеству денег, что цена его определяется прежде еще, чем он придет в соприкосновение с реальными деньгами. Этим заранее определяется как цена всякого отдельного товара, так и сумма цен всех товаров, предполагая, конечно, ценность золота данной. Сумма цен товаров есть, следовательно, определенное мысленно-представляемое количество золота. Для того, чтобы товары могли обращаться, эта воображаемая сумма золота должна превратиться в реальную; количество обращающегося золота определяется, таким образом, суммою цен обращающихся товаров. (Нужно постоянно иметь в виду, что мы находимся здесь еще в области простого товарного обращения, где кредитные деньги, взаимное погашение счетов и т. п. еще неизвестны.) При неизменяющихся ценах эта сумма цен колеблется вместе с количеством циркулирующих товаров; при неизменяющемся же количестве товаров она колеблется вместе с их ценами, — независимо от того, вызвано ли это колебание колебанием рыночных цен или изменением ценности золота или товаров, распространяется ли это колебание на все товары или только на некоторые из них.

Но отдельные продажи не всегда совершаются независимо друг от друга, как и не все происходят *одновременно*.

Вернемся к нашему прежнему примеру. Мы имеем ряд превращений: 5 гектолитров хлеба — 30 марок — 1 сюртук — 30 марок — 40 литров вина — 30 марок — 20 центнеров угля — 30 марок. Сумма цен всех этих товаров равняется 120 маркам; но для совершения этих четырех продаж достаточно 30 марок, которые четыре раза меняют свое место, т. е. совершают один за другим четыре оборота. Если мы предположим, что все эти продажи совершены в один день, то количество денег, функционирующих, как средство обращения, в известном районе обращения, в продолжение одного дня будет равно: $^{120}/_{4} = 30$ маркам или, выражая это в общем положении:

$$\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных монет}} = \text{количеству денег, служащих в течение}$$

определенного промежутка времени средством обращения.

Время обращения для различных монет в одной в той же стране, конечно, различно; одна годами остается лежать в ящике, а другая в продолжение одного дня совершит может быть тридцать оборотов. Но *средняя* скорость их обращения представляет все-таки определенную величину.

Скорость денежного обращения обуславливается быстротою обращения товаров. Чем быстрее исчезают товары из сферы обращения, чтобы перейти в область потребления, и чем быстрее замещаются они новыми товарами, тем быстрее и денежное обращение. Чем медленнее происходит круговорот товаров, тем медленнее и обращение денег, тем реже попадаются деньги. Люди, взгляд которых скользит лишь по поверхности явлений, полагают тогда, что существует недостаток в деньгах и что этот недостаток вызывает застой в обращении. Такой случай, правда, также возможен, но в настоящее время он едва ли имеет место в течение сколько-нибудь продолжительных периодов.

4. Монета. Бумажные деньги

Для торговли являлось, конечно, большим неудобством то обстоятельство, что при каждой продаже и покупке нужно было определять содержание и вес каждого идущего в обмен куска денежного металла. Это неудобство устранялось, когда какой-нибудь общепризнанный авторитет гарантировал верность веса и содержание каждого куска денежного металла. Так из металлических слитков возникали приготовляемые государством *металлические монеты*.

Монетная форма денег вытекает из функции их, как средства обращения. Но раз деньги приняли монетную форму, они получают скоро в области

процесса обращения самостоятельное, независящее от монетного *содержания*, существование. Удостоверение государства, что данный монетный знак содержит определенное количество золота или равен ему, скоро делается, при известных условиях, достаточным для того, чтобы этот монетный знак мог в качестве средства обращения функционировать, как соответствующее ему полное и действительное количество золота.

Уже обращение монет само приводит к этому. Чем дольше монета находится в обращении, тем больше она стирается, и номинальное количество заключающегося в ней золота становится все более и более отличным от ее действительного содержания; старая монета легче новой, только что вышедшей с монетного двора, тем не менее обе они могут, при известных условиях, представлять, как средство обращения, равные ценности.

Еще резче сказывается разница между номинальным и действительным содержанием в разменной монете. Очень часто низшие металлы, напр., медь, являлись первоначальными деньгами, которые впоследствии были вытеснены благородными металлами. Медь, а с введением оценки на золото, и серебро перестали служить мерилом ценности, но медные в серебряные монеты по-прежнему продолжали функционировать в мелких торговых сношениях в качестве средств обращения. Теперь они стали соответствовать определенным весовым количествам золота; ценность, которую они представляли, изменялась в том же самом отношении, как ценность золота, но на нее не влияли колебания ценности серебра и меди. Оказывается, что при этих обстоятельствах, металлическое содержание монеты не имеет никакого влияния на ее функцию, как средства обращения; что можно произвольно установить в законодательном порядке, какое количество золота должна представлять собою та или иная медная или серебряная монета. Отсюда, оставался только один шаг до того, чтобы на место металлической марки поставить марку бумажную и приравнять законом ничего не стоющую бумажку определенному количеству золота.

Так возникли *государственные бумажные деньги*, но их не следует смешивать с кредитными деньгами, которые возникли из другой функции денег.

Бумажные деньги могут заменить золотые деньги только как средство обращения, а не как мерило ценности; они могут заменить последние лишь постольку, поскольку они представляют собою определенные количества золота. В качестве средств обращения бумажные деньги подлежат тем же самым законам, что и металлические деньги, место которых они заступают. Бумажные деньги никогда не могут заменить большего количества золота, чем то, которое может быть поглощено товарным обращением. Если товарное обращение в какой-нибудь стране нуждается в 100 миллионах марок золота, а государство пускает в обращение 200 миллионов марок бумажками, то следствием этого явится только то, что на два, напр., билета, в 20 марок каждый, можно будет купить лишь столько, сколько на одну золотую монету в 20 марок. Цены, выраженные в бумажных деньгах оказываются в этом случае вдвое выше цен в золото. Бумажные деньги обесцениваются, вследствие выпуска их в чрезмерном количестве. Это в настоящий момент имеет место в России, где выпускаемые в громадном количестве государственные бумажные деньги уже более 50 лет стоят ниже металлической ценности, которую они должны представлять [1]). Самый грандиозный пример

---

[1]) *Примечание переводчика.* Это указание на Россию, справедливое в то время, когда Каутский писал свою книгу, сохранено им в последнем издании, очевидно, лишь в силу недосмотра. С введением у нас в России золотой валюты был введен обязательный неограниченный обмен бумажек на золото и ограничен выпуск государственных бумажных денег. Указ от 29 августа 1897 г. установил, что находящиеся в обращении билеты на сумму до 600 милл. руб. должны быть покрыты золотом наполовину сверх этой суммы рубль на рубль Таким образом, Государственный Банк имеет право выпустить непокрытых золотом билетов не более, чем в 300 милл. рублей.

такого обесценения бумажных денег, вследствие излишнего выпуска их, представляют нам ассигнации великой французской революции, которых в продолжение семи лет (с 1790 до марта 1797 г.) было выпущено на сумму свыше 45.581 миллионов франков и которые вследствие этого потеряли, наконец, всякую ценность.

---

5. Прочие функции денег

Мы проследили возникновение простого товарного обращения и видели, как вместе с ним развивались функции денег в качестве *меры ценности* и *средства обращения*. Но роль денег не остается ограниченной лишь одними этими функциями.

По мере развития товарного обращения, развивается также необходимость и жадное желание удерживать в своих руках и накоплять денежный товар — золото. Свойства денег соответствуют свойствам товарного производства: как это последнее представляет такую форму производства, в которой *общественное* производство ведется независимыми друг от друга частными производителями, так и деньги являются *общественной силой*, которая не принадлежит однако обществу, а может сделаться *частной собственностью* каждого индивида. Чем больше та сумма денег, которой располагает данное лицо, тем большую общественную силу имеет оно и тем большим количеством благ, наслаждений и продуктов чужого труда оно располагает. Для золота все возможно, это единственный товар, который всякий может потреблять, всякий берет. Так вместе с товарным обращением возникает и возрастает страсть к золоту.

Но с развитием товарного производства накопление денег становится не только страстью, но и необходимостью. Чем больше продуктов превращается в товары, чем меньше производится их для собственного потребления, тем необходимее иметь деньги, чтобы вообще возможно было жить. Я должен беспрестанно покупать, а чтобы иметь возможность производить покупки, я должен предварительно что-нибудь продавать; производство же продаваемых мною товаров требует времени, а продажа их зависит от случая. Чтобы непрерывно поддерживать производство товаров и чтобы иметь возможность существовать во время этого производства, я должен обладать некоторым запасом денег. Запас этот необходим также и для регулирования остановок в обращении. Мы видели выше, что количество циркулирующих денег зависит от цен товаров, от их количества и от скорости их обращения. Каждый из этих факторов непрерывно изменяется и количество циркулирующих денег подвержено поэтому постоянным колебаниям. Откуда же берутся необходимые деньги, и куда деваются те, которые становятся излишними? *Денежные сокровища*, накопляющиеся в самых разнообразных пунктах, образуют те резервуары, которые то принимают в себя, то снова изливают деньги и, таким образом, регулируют правильность процесса обращения.

На первых порах товарного обращения, как и при простом обмене, два товара постоянно обмениваются непосредственно друг на друга, с той только разницей, что теперь одним из этих товаров постоянно является всеобщий эквивалент — *денежный товар*. Но с развитием товарного обращения возникают такие отношения, в силу которых отчуждение товара и получение соответствующей его цене денежной суммы отделяются друг от друга некоторым промежутком времени. Теперь возникают такие обстоятельства, вследствие которых приходится платить за товар раньше его получения или, что бывает гораздо чаще, платить лишь *позже*. Поясним это примером. Возьмем итальянского ткача XIII века, приготовляющего шелковые материи. Он получает перерабатываемый им шелк из соседней

местности. Но приготовляемые им шелковые ткани идут в Германию; пока они дойдут до места своего назначения, будут там проданы и в Италии получится выручка, пройдет 3 — 4 месяца. Ткач приготовил шелковую материю, а в то же время сосед его прядильщик изготовил известное количество шелковой пряжи. Прядильщик немедленно продает свой товар ткачу, но последний получает выручку за свой товар только через четыре месяца. Что же выйдет из этого? Ткач *покупает* шелк, но *платит* за него только через 4 месяца. Покупатель и продавец получают теперь новую физиономию. *Продавец становится кредитором, покупатель — должником.* Но и деньги получают теперь также новую функцию. Они не служат в данном случае посредниками в процессе обращения товаров, а самостоятельно заканчивают их обращение. Они являются в этой функции не средством обращения, а *платежным средством,* средством для выполнения принятого кем-нибудь на себя обязательства доставить известную сумму ценностей.

Но такое обязательство может вытекать и не из одного только процесса обращения товаров. Чем более развивается товарное производство, тем более усиливается стремление превратить доставку определенных потребительных ценностей в платеж деньгами — этой всеобщей формой ценности. Натуральные государственные повинности превращаются в денежные налоги, плата жалованья чиновникам натурой заменяется денежными окладами и т. п. Функция денег, как платежного средства, выходит за пределы сферы товарного обращения.

Но вернемся к нашему ткачу. Он покупает шелк у прядильщика, не будучи в состоянии сейчас же уплатить ему. Но в денежных делах нет места любезностям. Прядильщик справедливо решает: что написано пером, того не вырубить и топором, и заставляет поэтому ткача дать ему росписку, по которой последний обязуется уплатить по истечении четырех месяцев сумму денег, соответствующую цене всего проданного шелка. Но прядильщик должен со своей стороны произвести известные расплаты, прежде чем истекут 4 месяца. Так как наличных денег у него нет, то он платит распиской ткача. *Она функционирует теперь, следовательно, как деньги;* так возникает новый сорт бумажных денег: кредитные деньги (вексель, чек и т. п.).

Возможен еще и другой случай: допустим, что ткач купил у прядильщика шелку на сумму в 5 дукатов. Последний же купил у золотых дел мастера браслет для своей жены за 6 дукатов. Одновременно с этим золотых дел мастер взял у ткача шелковых тканей на сумму в 4 дуката. Сроки всех платежей совпадают. Прядильщик, ткач и золотых дел мастер сходятся вместе. Первый должен уплатить последнему 6 дукатов, но ему в то же время следует с ткача 5 дукатов. Он уплачивает золотых дел мастеру один дукат, а за остальными деньгами отсылает его к ткачу. Но последний должен получить от золотых дел мастера 4 дуката, он уплачивает ему поэтому только один. Так посредством взаимного погашения три платежа, в общей сложности на сумму в 15 дукатов, были произведены только 2-мя дукатами.

Конечно, в действительности, все это происходит далеко не так просто, как мы здесь изображаем. Но факт тот, что платежи различных продавцов товаров отчасти взаимно погашаются и, притом, по мере развития товарного обращения, это происходит во все больших и больших размерах. Концентрация платежей в немногих местах и приурочивание их к определенным срокам развивает особые учреждения и методы для их погашения, так напр., virements в средневековом Лионе. Жиробанки, расчетные палаты (clearing-houses), кассовые союзы служат той же цели. Только те платежи, которые не погашаются взаимно, должны быть произведены деньгами.

Кредитная система устраняет накопление сокровищ, как самостоятельную форму обогащения. Кто хочет сохранить свое богатство, тому, раз

развивается кредитная система, незачем более зарывать деньги в землю или запрятывать их в сундуки и шкатулки,— он может дать их в ссуду. С другой стороны, кредитная система понуждает к *временному* образованию сокровищ, к накоплению денежных сумм, которые служат для уплаты в определенный день срочных долгов.

Но не всегда удается накопить такие сокровища. Вспомним снова нашего ткача. Он обещал произвести уплату через четыре месяца, потому что он рассчитывал продать к этому времени свой товар. Но предположим, что он не находит покупателя на свой товар и не может в силу этого уплатить свой долг. Прядильщик же рассчитывает на этот платеж; в надежде на него он сам дал денежное обязательство, допустим, золотых дел мастеру, а этот последний связал себя обязательствами, в свою очередь, с другими лицами. Мы видим, таким образом, что платежная несостоятельность одного влечет за собой платежную несостоятельность других и притом в тем больших размерах, чем более развита система следующих друг за другом и вытекающих один из другого платежей и их взаимное погашение. Предположим теперь, что не один производитель, а целый ряд их, вследствие, напр., всеобщего перепроизводства, не в состоянии продать своих товаров. Их несостоятельность влечет за собой несостоятельность других производителей, продавших уже свои товары. Платежные обязательства теряют всякую ценность, все требуют лишь наличных денег — всеобщего эквивалента; возникает всеобщий недостаток в деньгах — *денежный кризис*, который, начиная с известной ступени развития кредита, является необходимым спутником всякого промышленного или торгового кризиса. И он самым ясным образом показывает, что при системе товарного производства деньги не могут быть заменены простыми квитанциями на товары.

Деньги имеют две области обращения: *внутренний рынок* отдельного государства и *мировой рынок*. Формой монеты и знака ценности деньги обладают только в сфере *внутреннего* обращения какой-нибудь страны, но не в сношениях различных стран между собою. На *мировом рынке* они снова принимают свою первоначальную форму слитков благородного металла — золота и серебра. На мировом рынке мерой ценности служили до сих пор *оба* эти металла, тогда как в сфере внутреннего обращения отдельной страны мерой ценности фактически может служить лишь *один* денежный товар.

Можно, впрочем, сказать, что с тех пор, как Маркс написал свой «Капитал», золото приобрело несомненную тенденцию стать единственным денежным товаром и на мировом рынке. Главная функция всемирных денег состоит в том, что они являются *платежным средством* для уравновешивания международных балансов — покрытия излишков и дефицитов в ввозе и вывозе.

ГЛАВА III

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

1. Что такое капитал?

Мы проследили во второй главе, как из обмена товаров развилось товарное обращение.

Сделаем теперь шаг дальше. При простом товарном обращении товаровладелец продает свои товары, чтобы купить другие. Но, с течением времени, из этой формы товарного обращения развивается новая форма движения, *покупка для продажи,* формула простого товарного обращения гласит, как нам известно: товар — деньги — товар: формула же новой формы обращения гласит: деньги — товар — деньги.

Сравним эти две формулы.

Круговорот: товар — деньги — товар имеет своей целью *потребление.* Я продаю товар, не представляющий для меня потребительной ценности, чтобы получить возможность приобрести другие товары, имеющие для меня потребительную ценность. Круговорот этот является замкнутым и вполне законченным. Вырученные от продажи деньги превращаются в товар, который потребляется и выходит из обращения. Деньги будут окончательно издержаны, и в своем дальнейшем движении они удаляются от своего прежнего владельца. Товар, которым завершился круговорот, при нормальных для простого товарного обращения условиях — а только о таких и может быть здесь речь — равен по ценности тому товару, которым круговорот начался.

Совершенно иное мы видим в круговороте: деньги — товар — деньги. Не потребление является его целью; конечный пункт круговорота составляют не товар, а деньги. Брошенные в обращение в начале его деньги не издержаны, а лишь *авансированы.* Они снова возвращаются к своему первоначальному владельцу. Круговорот этот отнюдь не является замкнутым, он не заканчивается на своей заключительной фазе; авансированные деньги возвращаются назад, чтобы снова быть брошенными в обращение и снова вернуться, и эта игра повторяется до бесконечности. Движение денег, порожденное круговоротом: деньги — товар — деньги не знает никаких пределов.

Но что же является побудительной силой этого движения? Движущий мотив круговорота: товар — деньги — товар вполне ясен, круговорот же деньги — товар — деньги, повидимому, лишен всякого смысла. Когда я продаю библию, чтобы на вырученные деньги купить себе хлеба, то товар, появляющийся в конце круговорота, *иной*, чем в начале его, хотя ценность товара не меняется. Первый утоляет мой духовный голод, но он бесполезен для меня, когда этот голод уже утолен, напр., когда я знаю библию

наизусть, но не имею средству толить свой телесный голод. Но когда я покупаю на 100 марок картофеля с тем, чтобы снова продать его за 100 марок, то по окончании этой операции я нахожусь в том же положении, как и до начала ее, и она является, следовательно, совершенно бесцельной и бесплодной. Выгода имелась бы лишь тогда, если бы сумма денег в конце сделки была иной, чем в начале. Но всякая сумма денег может отличаться от другой только своей *величиной*. Следовательно, круговорот: деньги — товар — деньги является целесообразным лишь тогда, когда сумма денег, которой он заканчивается, больше той, которой он начинается. И это *увеличение* денежной суммы является в действительности побудительным мотивом такого круговорота. Кто покупает с тем, чтобы продать, тот покупает, чтобы продать *дороже*. Круговорот деньги — товар — деньги совершается нормально только тогда, когда в конце его сумма денег оказывается *большей*, чем в начале. Круговорот же товар — деньги — товар происходит, как мы знаем, напротив, нормально лишь тогда, когда ценность товара, которым он заключается, равна ценности товара, которым он начинается.

Всякая покупка есть в то же время и продажа, и наоборот. Поэтому круговорот Д—Т—Д сводится, повидимому, к тому же, что и круговорот Т—Д—Т. Но мы уже и теперь видим, что они *существенно* отличаются друг от друга.

Когда я (берем тот же пример) покупаю на 100 марок картофеля, чтобы перепродать его, то я делаю это с намерением продать его дороже, напр.: за 110, т.-е. за 100 + 10 марок, — следовательно, говоря вообще, за сумму, равную первоначальной и увеличенную еще на какой-то *излишек*. Если мы обозначим товар буквой Т, первоначальную сумму денег буквой Д и прибавочную сумму буквой д, то мы можем изобразить полную формулу нашего круговорота следующим образом.

$$Д — Т — (Д + д)$$

Это д, этот излишек, который присоединяется к первоначальной ценности в конце круговорота, Маркс называет *прибавочной ценностью*. Прибавочную ценность необходимо столь же строго отличать от разных *форм ее проявления*: прибыли, процента и т. п., как и ценность от цены. До сих пор в нашем изложении дело идет еще только об *основных началах* экономических форм, а не *формах их проявления*. Это мы замечаем во избежание недоразумений.

Прибавочная ценность составляет отличительную особенность круговорота Д — Т — (Д + д). Ценность, которая движется в форме этого круговорота, сама получает, благодаря прибавочной ценности, новый характер: она становится *капиталом*.

Только в этом движении можно понять капитал. Он есть *ценность, высиживающая прибавочную ценность*. Кто игнорирует это движение и хочет понять капитал, как нечто неподвижное, тот будет постоянно наталкиваться на противоречия. Эта основная ошибка является причиной путаницы, царящей в обычных учебниках относительно понятия «капитал» и относительно того, какие *вещи* должно считать капиталом. Одни определяют его, как орудие, и при таком определении мы приходим к понятию капиталиста каменного периода; мало того, даже обезьяна, разбивающая камнем орехи, оказывается уже капиталистом, палка в руках бродяги, которой он сбивает плоды с деревьев, также становится капиталом, а сам бродяга капиталистом. Другие определяют капитал как накопленный труд, в силу чего хомякам и муравьям выпадает на долю честь фигурировать в качестве товарищей Ротшильда, Блейхредера и Круппа. Некоторые экономисты причислили к капиталу даже все то, что способствует труду, делает его более производительным: государство, знание человека, его душу.

Ясно, что такие общие определения приводят только к общим местам, которые может быть очень поучительны в букварях для детей, но которые,

однако, ничуть не помогают нашему познанию общественных форм, их законов и движущих сил. Маркс впервые совершенно изгнал из политической экономии эти общие места, которые в иных ее областях господствовали до него почти безгранично. В особенности это приходится сказать о той области, которая занимается изучением отличительных свойств капитала.

Мы видели, что капитал есть ценность, высиживающая прибавочную ценность и что его общая формула: Д — Т — (Д + д). Уже из этой формулы видно, что подтверждается также и фактами, что *денежная форма* есть именно та форма, в которой каждый новый капитал начинает свое движение. Но из нее также видно, что это движение необходимым образом обуславливает превращение капитала из денежной формы в разнообразные формы товарного мира, равно как обратное превращение его из этих форм в деньги.

Мы видим дальше из этой формулы, что не всякие деньги и не всякий товар представляют собой капитал, что они становятся им лишь тогда, когда они совершают определенное *движение*. Но это движение, со своей стороны, предполагает некоторые исторические предпосылки, с которыми мы еще познакомимся впоследствии. Деньги, расходуемые мною на покупку для себя же какого-нибудь предмета потребления, напр., хлеба или сюртука, функционируют в этой сделке так же мало в качестве капитала, как и тот товар, который я сам произвел и продаю.

Средства производства, накопленный труд и т. п. образуют, конечно, вещественное содержание капитала, но они являются им только при известных обстоятельствах. Отвлекаясь от этих обстоятельств, отвлекаются тем самым и от особенностей современного способа производства, и распространяют на них туман, при котором очень удобно толковать все, что угодно. Вот почему и ученые и неученые представители капитализма знать ничего не хотят ни о Марксовой теории капитала, ни о теории ценности, на которой она покоится.

---

2. Источник прибавочной ценности

Мы знаем теперь общую формулу капитала: Д — Т — (Д + д), но мы еще не знаем, откуда появляется это д, эта прибавочная ценность. Из данной формулы вытекает, повидимому, что прибавочная ценность создается актами покупки и продажи, что она возникает, таким образом, из товарного обращения. Взгляд этот является очень распространенным, но он покоится по большей части на смешении *товарной ценности* с *ценностью потребительной*. Смешение это проявляется в особенности в утверждении, что при обмене выигрывают обе стороны, так как каждая отдает то, что ей не нужно, и получает то, что ей нужно. Мысль эту выражают следующим образом: «Я отдаю нечто, имеющее для меня малую ценность, и получаю взамен нечто, имеющее для меня большую ценность». Но такое об'яснение возникновения прибавочной ценности возможно лишь тогда, когда относительно самого понятия ценности имеются крайне спутанные представления. Чтобы удовлетвориться этим об'яснением, нужно, с одной стороны, забыть, что обмен товаров покоится не только на *различии их потребительных ценностей*, но в то же время и на *равенстве их товарных ценностей*. С другой стороны, нужно быть настолько наивным, чтобы, как это делает большинство читателей вульгарных экономистов, без всякой критики принимать за чистую монету все, что рассказывают последние и действительно верить, что деловые операции, напр., современного купца стоят на одной ступени с первобытным обменом у дикарей. Но мы уже знаем, что прибавочная ценность возникает не на ступени *обмена*, а на ступени *товарного обращения*, совершающегося при посредстве денег

и что проявляется она именно в большем количестве *денег*. О «выигрыше» от получения того, что не имеет для меня никакой потребительной ценности, не может быть, следовательно, и речи при сделке, выражающейся формулой: Д — Т — (Д + д).

Мы встречаемся здесь с тем маневром вульгарной политической экономии, который она охотно пускает в ход, когда дело идет о том, чтобы затруднить понимание современных отношений, в чем и состоит ее главная задача: она отождествляет современные явления с явлениями давно минувших времен.

Тут мы имеем дело не с обменом, а с товарным обращением. Как тот, так и другое, при нормальных условиях, когда постоянно обмениваются друг на друга равные товарные ценности, не могут создать прибавочной ценности.

Но допустим, что законы товарного обращения нарушены, что товаровладельцам предоставлена, напр., привилегия продавать свои товары с повышением цен на 10% против их первоначальной ценности. Портной продает сюртук за 33 марки вместо 30. Но — увы! — за боченок вина, который он раньше покупал за 30 марок, он должен теперь заплатить также 33 марки. Он, стало быть, ровно ничего не выиграл.

Мы можем еще сделать попытку об'яснить возникновение прибавочной ценности тем, что не все, а лишь некоторые товаровладельцы умеют покупать свои товары ниже и продавать выше их ценности. Допустим, что купец покупает у землевладельца 40 центнеров картофеля, стоющего 100 марок за 90 марок и продает его портному за 110 марок. В конце этой операции в руках купца находится, разумеется, бóльшая ценность, чем в начале ее. Но общая сумма существующих ценностей осталась неизменной. В начале имелись ценности в 100 марок (у земледельца) + 90 марок (у купца) + 110 марок (у портного) всего 300 марок. В конце та же сумма ценностей распределилась следующим образом: 90 марок (у земледельца) + 110 м. (у купца) + 100 м. (у портного) — всего 300 марок.

Бóльшая ценность в руках купца возникла, следовательно, не из увеличения ценности вообще, а попросту от уменьшения количества ее в руках у других. Если мы такое увеличение ценности захотим называть прибавочной ценностью, то мы с таким же успехом можем назвать прибавочной ценностью и ту ценность, которую вор крадет непосредственно из чужого кармана.

Исторически присвоение прибавочной ценности началось, конечно, этим способом — путем присвоения чужих ценностей или *торговым капиталом* с помощью товарного обращения или совершенно открыто и безвсякой такой помощи *ростовщическим капиталом*. Но оба эти рода капитала были возможны лишь вследствие *нарушения* законов товарного обращения, вследствие явного и грубого нарушения того основного закона его, что ценности обмениваются только на равные ценности. Поэтому капитал, пока он был только торговым и ростовщическим капиталом, стоял в *противоречии* с экономическим строем своего времени, а вследствие этого и с его *нравственными* воззрениями. В древности, равно как и в средние века, торговля и ростовщичество пользовались дурной славой; они в одинаковой степени клеймились как древними языческими философами, так и отцами церкви, как папами, так и реформаторами.

Если мы захотим представить тип млекопитающего животного, то мы не поставим же на первом месте утконоса, *несущего яйца*. Точно также, если мы хотим понять капитал, определяющий экономическое строение современного общества, мы не должны исходить из его, так сказать, допотопных форм — из ростовщического и торгового капиталов. Лишь после того, как образовалась иная, высшая, форма капитала, образуются и средние члены, которые приводят в согласие функции торгового и ростовщического

капиталов с законами господствующей теперь формы товарного производства. Лишь с этих пор они перестают носить неизбежно присущий им в начале характер простого надувательства и прямого грабежа. Торговый и ростовщический капиталы могут быть поняты только по изучении современной основной формы капитала.

После сказанного становится понятным, почему Маркс не рассматривал торгового и ростовщического капиталов в первых двух томах «Капитала»; томы эти посвящены исследованию *основных законов* капитала.

Нам нечего, следовательно, более заниматься здесь обеими вышеназванными формами капитала.

В качестве вывода из нашего исследования, нам нужно установить лишь тот факт, что прибавочная ценность не может возникнуть из товарного обращения. Ни покупка ни продажа не создают прибавочной ценности.

Но с другой стороны прибавочная ценность не может возникнуть и вне сферы обращения. Товаровладелец может изменить форму товара при посредстве труда и этим прибавить к нему *новую* ценность, которая определяется количеством затраченного общественно-необходимого труда, но ценность *первоначальною* товара этим не повышается, — товар не получает тут никакой прибавочной ценности. Если ткач покупает шелку на 100 марок и перерабатывает его в шелковую материю, то ценность этой материи будет равняться ценности шелка плюс ценность, созданная трудом ткача. Но ценность шелка, как такового, не повысится вследствие этого труда.

Итак, мы стоим перед странной загадкой: прибавочная ценность не создается процессом товарного обращения, но она также не создается и вне сферы этого обращения.

---

3. Рабочая сила, как товар

Присмотримся поближе к общей формуле капитала. Она гласит: Д — Т — (Д + д). Формула эта слагается из двух актов; Д — Т, покупка товара и Т — (Д + д), продажа его. По законам товарного обращения ценность Д должна равняться ценности Т, а ценность Т должна равняться ценности Д + д. Это возможно лишь в том случае, если Т само себя увеличивает, если оно является таким товаром, который в процессе его потребления создает ценность, большую той, какой он сам обладает. Загадка прибавочной ценности решена, как скоро мы находим товар, потребительная ценность которого обладает своеобразным свойством — быть источником ценности, потребление которого есть создание ценности, так что формула: Д — Т — (Д + д) в применении к нему примет такой вид: Д — Т... (Т + т) — (Д + д).

Но мы знаем, что товарные ценности создаются только трудом. Вышеприведенная формула может, следовательно, осуществиться лишь тогда, когда *рабочая сила является товаром.*

«Под рабочей силой или под способностью к труду, — говорит Маркс, — мы разумеем сумму физических и умственных способностей, существующих в живой плоти и живой личности человека, и приводимых им в движение всякий раз, когда он производит какие-нибудь потребительные ценности.»

Рабочая сила должна появиться на рынке в качестве товара. Что это значит? Мы уже видели выше, что обмен товаров предполагает право товаровладельца вполне свободно распоряжаться своим товаром. Следовательно, владелец рабочей силы, рабочий, должен быть свободным человеком для того, чтобы его рабочая сила могла стать товаром. И его рабочая сила

должна оставаться товаром, поэтому он должен продавать ее не навсегда, а лишь на определенный промежуток времени, иначе он делается рабом и из товаровладельца сам превращается в товар.

Для того, чтобы рабочая сила стала товаром, необходима наличность еще одного условия. Мы уже видели, что потребительная ценность, чтобы сделаться товаром, не должна являться таковою для своего владельца. Так, и рабочая сила для того, чтобы появиться на рынке в качестве товара, не должна иметь потребительной ценности для рабочего. Но потребительная ценность рабочей силы состоит в производстве других потребительных ценностей, которое предполагает обладание необходимыми средствами производства. Там, где рабочий располагает средствами производства, он не продает своей *рабочей силы*, а прилагает ее сам и продает *продукты* своего труда. Рабочий должен быть отделен от средств производства и прежде всего от самого важного из них — от земли, чтобы рабочая сила могла стать товаром.

Рабочий должен быть свободен во всех отношениях: свободен от всякой личной зависимости, но вместе с тем также «свободен» от всех необходимых средств производства. Таковы те предварительные условия, которые необходимы, чтобы владелец денег мог превратить свои деньги в капитал. Эти предварительные условия не даются природой, как и не являются присущими всем общественным формам. Они представляют результат продолжительного исторического развития и только сравнительно поздно достигают таких размеров, чтобы решающим образом влиять на весь строй общества. С XVI столетия начинается история современного капитала.

Мы знаем уже теперь товар, создающий прибавочную ценность. Как же велика его собственная ценность?

Она определяется, как и ценность всякого другого товара, *общественно-необходимым для его производства, а, следовательно, и воспроизводства рабочим временем.*

Рабочая сила предполагает существование рабочего. Существование это, со своей стороны, требует для своего поддержания известного количества средств существования. Следовательно, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, равняется тому рабочему времени, которое является общественно-необходимым для производства этого известного количества средств существования. Величина этого количества определяется целым рядом различных обстоятельств. Чем больше рабочей силы расходует рабочий, чем продолжительнее и напряженнее он работает, тем большее количество средств существования нужно ему для восстановления потраченных сил, чтобы иметь возможность и на следующий день работать так же, как и в предыдущий. С другой стороны, и потребности рабочего класса в различных странах различны, сообразно с природными и культурными особенностями каждой страны. Норвежский рабочий нуждается в большем количестве жизненных средств, чем рабочий Индии: пища, одежда, жилище, отопление и т. п., необходимые для существования первого требуют для своего производства большего количества рабочего времени, чем средства к существованию индийского рабочего. Далее, в стране, где рабочие ходят, наприм., босыми и ничего не читают, потребности их будут меньше, чем там, где рабочие более развиты, где они, напр., носят обувь или читают газеты и книги, хотя бы между этими странами не было никаких климатических и других естественных различий. «*В противоположность всем другим товарам* — говорит Маркс — определение ценностей рабочей силы содержит, таким образом, в себе элементы исторический и моральный.»

Далее, как всякому известно, рабочий смертен. Но капитал хочет быть бессмертным. Для этого необходимо, чтобы и рабочий класс был бессмертен, чтобы рабочие размножались. Следовательно, сумма средств существования, необходимых для поддержания рабочей силы, заключает

в себе также и средства, необходимые для содержания детей (а при известных обстоятельствах — и жен).

Наконец, к издержкам производства рабочей силы нужно причислить и издержки на образование, издержки, необходимые для достижения известной сноровки в определенной отрасли труда. Для большинства рабочих эти издержки, впрочем, бесконечно малы.

Все эти обстоятельства производят то, что ценность рабочей силы определенного рабочего класса в определенной стране и в определенный период времени есть величина определенная.

До сих пор мы все время говорили не о цене, а о ценности; не о прибыли, а о прибавочной ценности. И здесь также должно иметь в виду, что мы говорим о *ценности* рабочей силы, а не о *заработной плате*. Впрочем, на одну особенность, которая имеет место при оплачивании рабочей силы, надо указать уже здесь. По воззрению вульгарных экономистов, капиталист ссужает рабочему заработную плату, так как в большинстве случаев капиталист оплачивает рабочего прежде, чем он продал продукты труда последнего. Но в действительности именно рабочий-то дает капиталисту в кредит свою рабочую силу.

Предположим, что я покупаю картофель для приготовления из него водки и плачу за него только после того, как я уже приготовил водку, но раньше, чем я ее продал. Не смешно-ли было бы утверждать, будто я ссужаю крестьянину цену его картофеля, потому что я плачу за него раньше, чем продам водку. Напротив, крестьянин ссужает мне цену своего картофеля, пока я не приготовлю водки. Если я говорю, что плачу наличными, то это значит, что я плачу за товар, как только его покупаю. Купцы пришли бы в сильное изумление от той экономической премудрости, которая утверждает, что человек, уплачивающий им за их товары лишь после того, как он уже потребил эти товары, не только платит наличными, но даже оказывает им кредит. Рабочим же вульгарные экономисты все еще осмеливаются преподносить подобную бессмыслицу. Если бы у рабочих покупали их товар — рабочую силу — на наличные, то за нее платилось бы сейчас же, как только их рабочая сила поступает во владение капиталиста: следовательно, *в начале* каждой недели, а не в конце ее. При теперешней системе расплаты рабочие не только рискуют своей заработной платой, но и вынуждены еще жить в долг и безропотно сносить производимые мелкими торговцами всевозможные фальсификации и подделки предметов потребления, ухудшающих их качество. Чем продолжительнее промежутки от одной расплаты до следующей, тем хуже от этого приходится рабочим. Рассчет через каждые две недели или через месяц — самое тяжелое бремя для рабочих.

Но какова бы ни была система расплаты с рабочими, при нормальных условиях рабочий и капиталист противостоят постоянно один другому, как два товаровладельца, которые обмениваются друг с другом равными ценностями. Движение капитала теперь уже не противоречит законам товарного обращения, а совершается на основании этих законов. Рабочий и капиталист являются в своих взаимных отношениях товаровладельцами, следовательно, людьми, *свободными, равными* и лично независимыми друг от друга; в качестве таковых они принадлежат к одному и тому же классу — они *братья*. Рабочий и капиталист обмениваются равными ценностями: царство справедливости, свободы, равенства и братства, повидимому, наступило, таким образом; вместе с господством системы наемного труда водворилось тысячелетнее царство счастья и мира. Страдания рабства и тирании, эксплуатации и кулачного права остались там, позади.

Так проповедуют нам ученые представители интересов капитала.

Отдел II

Прибавочная ценность

ГЛАВА I

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА

В первом отделе мы, главным образом, имели дело с областью товарного рынка; мы видели, как обмениваются, продаются и покупаются товары, как деньги исполняют разнообразнейшие функции, как, наконец, деньги превращаются в капитал, лишь только они встречают на рынке товар — рабочую силу.

Капиталист купил рабочую силу и удаляется со своим новым приобретением с *рынка*, где ему нечего с нею делать, туда, где он может потребить ее, воспользоваться ею — *в область труда*. Последуем туда и мы за ним. Оставим область *товарного обращения* и присмотримся поближе к области *производства*. С этой областью мы будем иметь дело в дальнейшем изложении.

«Потребление рабочей силы это — самый труд». Капиталист потребляет приобретенную им рабочую силу, заставляя ее продавца работать на себя, — производить товары.

Труд, производящий товары, имеет, как мы уже видели в первом отделе, две стороны: он создает потребительные ценности и товарные ценности. Как создатель потребительных ценностей, труд является не особенностью товарного производства, а постоянной необходимостью для человечества, которая существует независимо от той или иной формы общественных отношений. В качестве такового, труд предполагает три момента: 1) сознательную и целесообразную деятельность человека, 2) предмет труда и 3) орудие труда.

Труд есть целесообразная и сознательная деятельность человека, воздействие его на вещество природы с тем, чтобы придать ему годную для удовлетворения его потребностей форму. Элементы такого рода деятельности мы находим уже в царстве животных, но только на известной ступени развития человечества она окончательно теряет свою инстинктивную форму и становится вполне сознательной деятельностью. Всякий труд является не только мускульной, но и мозговой и нервной работой. Маркс метко замечает: «Помимо напряжения тех органов, которые исполняют физическую работу, во все продолжение труда необходима целесообразная воля, проявляющаяся в форме внимания, и она необходима тем более, чем менее труд по своему содержанию и по способу выполнения увлекает рабочего, чем менее рабочий наслаждается им, как свободной игрой своих физических и духовных сил».

Работник действует на какой-нибудь предмет, который является *предметом труда*; при своей деятельности он употребляет различные вспомогательные орудия, заставляя действовать сообразно своим целям их механические, физические или химические свойства на предмет труда;

эти вспомогательные орудия являются *орудиями труда*. В результате обработки предмета труда с помощью орудия труда является *продукт*. Орудие труда и предмет труда представляют *средства производства*.

Когда столяр изготовляет стол, он подвергает при этом обработке дерево. Если предмет труда не дается при этом природой, как, наприм., дерево в первобытном лесу, а предполагает необходимую для своего получения предварительную затрату труда, как, напр., в данном случае, труда рубки и перевозки дерева, то он получает название *сырого материала*. В нашем примере *сырыми материалами* являются дерево, а также клей, краски, лак, употребляемые при производстве стола. Дерево есть *главный материал*, клей, краски, лак являются *вспомогательными веществами*. Рубанок, пила и т. д. суть *орудия труда*, стол является *продуктом*.

«Является ли потребительная ценность сырым материалом, орудием труда или продуктом — зависит вполне от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она в нем занимает, и с изменением этого места изменяются и ее назначения».

Штука рогатого скота может, напр., поочередно функционировать как продукт (скотоводства), как орудие труда (скот, употребленный для упряжи) и как сырой материал (при откармливании).

Орудия труда имеют громадное значение для развития человечества. Способ производства зависит прежде всего от них, а каждый способ производства обуславливает свойственные ему общественные отношения с соответствующей юридической, религиозной, философской и художественной надстройкой.

При каждом способе производства средства производства (предметы и орудия труда) и рабочая сила составляют необходимые элементы производства *потребительных ценностей*, т.-е. *процесса труда*. Но *общественный характер* этого процесса различен при различных способах производства.

Исследуем же теперь, какую форму он принимает при капиталистическом способе производства.

Для товаропроизводителя производство *потребительных ценностей* представляет только средство, целью же его является производство *товарных ценностей*. Товар представляет одновременно потребительную ценность и ценность меновую; нельзя поэтому производить ценности, не производя вместе с тем и потребительных ценностей. Товары, которые изготовляет товаропроизводитель, должны удовлетворять какой-нибудь потребности, должны быть полезны для кого-либо, иначе он не в состоянии будет сбыть их. Но то обстоятельство, что его товары должны быть потребительными ценностями, является для него лишь неизбежным злом, а не действительной целью его хозяйственной деятельности.

Процесс товарного производства является поэтому одновременно процессом производства *потребительных ценностей* и *товарных ценностей*, он представляет собою единство *процесса труда* и *процесса образования ценностей*.

Это справедливо для товарного производства вообще. Но теперь мы занимаемся рассмотрением процесса производства при особой форме товарного производства — именно производства товаров через посредство *купленной рабочей силы*, с целью получения *прибавочной ценности*.

Какую же форму принимает тогда *процесс труда*?

Первое время он не изменяется существенно, благодаря вмешательству капиталиста.

Представим себе, напр., ткача, работающего за свой счет. Его ткацкий станок принадлежит ему: он сам покупает пряжу; он может работать, когда и как ему угодно; продукт его работы является его собственностью. Но вот он разорился и принужден продать свой станок. Чем ему теперь жить? Ему ничего не остается, как наняться к капиталисту и ткать на него.

Тот покупает его рабочую силу, покупает также ткацкий станок и необходимое количество пряжи и помещает ткача за ему, капиталисту, принадлежащий станок с тем, чтобы он перерабатывал купленную пряжу. Может быть ткацкий станок, который купил капиталист, тот самый, который ткач по своей нужде должен был продать. Но и при отсутствии такого совпадения, ткач ткет тем же самым способом, как и прежде, и процесс труда с внешней стороны не изменяется.

И все-таки при этом произошло два важных изменения: ткач работает уже не для себя, а на капиталиста; тот контролирует теперь работника при работе, следит за тем, чтобы он не работал слишком медленно или небрежно и т. п. И, во-вторых, продукт труда принадлежит теперь не работнику, а капиталисту.

Таково ближайшее действие, которое оказывает капитал на *процесс труда*, как только он завладевает процессом производства. Но какой вид принимает теперь процесс образования ценностей?

Рассчитаем прежде всего какова ценность продукта, который в качестве товара производит для капиталиста купленная им рабочая сила при посредстве купленных средств производства.

Предположим, что капиталист покупает рабочую силу на один день. Необходимые средства для существования работника производится в 6 часов общественно-необходимого рабочего времени. Это же количество такого рабочего времени пусть воплощается в 3-х марках. Капиталист покупает рабочую силу по ее ценности: он платит работнику за рабочий день 3 марки[1]).

Предположим, что, по мнению капиталиста, хлопчато-бумажная пряжа представляет потребительную ценность, на которую имеется большой спрос и которую в силу этого легко будет сбыть. Он решает производить пряжу, покупает орудия труда — ради простоты предположим, что последние состоят из одних только веретен — и хлопок. В одном фунте хлопка содержатся, положим, 2 часа труда — он стоит, следовательно, 1 марку. Из одного фунта хлопка можно выпрясть 1 фунт пряжи. При выработке 100 фунтов хлопка, положим, потребляется, изнашивается одно веретено, следовательно, при выработке 1 фунта потребляется $^1/_{100}$ веретена. В одном веретене заключается 20 часов труда или 10 марок. За один час работы прядутся 2 фунта хлопка, за 6 часов, следовательно, 12 ф., предполагая при этом всегда нормальные, средние общественно-необходимые условия производства.

Какое количество ценности будет заключаться при таких обстоятельствах в 1 фунте пряжи?

---

[1]) Приведенные здесь и ниже цифры являются, конечно, совершенно произвольными и выбраны исключительно ради большей наглядности. Это, казалось бы, должно быть само собой понятно. Но некоторые из писавших о «Капитале» изображают дело таким образом, будто бы Маркс приводил *примеры*, вроде вышеизложенного, как *факты*. До чего в состоянии дойти толкователи «Капитала», можно судить по следующему: в 57-м томе «Preussische Jahrbücher» господина фон-Трейчке некто д-р Стегеман поместил чрезвычайно поверхностную статью об «экономическом мировоззрении Карла Маркса». Непосредственно после того, как он «принцип ценности» приводит как основное *требование* Маркса, он рассказывает (на стр. 227): «Маркс *утверждает*, что человеческое общество нуждалось бы только в 6 часах ежедневного труда для создания необходимых для всех средств существования, если бы только *каждый* работал и притом *сообразно своим силам*». Из всего этого нет в «Капитале» ни одного слова. Если бы господин Стегеман меньше фантазировал и читал «Капитал» с большим вниманием, то он нашел бы там на стр. 209 (стр. 162 в русском издании Поповой), что Маркс, на основании числовых данных, доставленных ему одним манчестерским фабрикантом, вычислил необходимый труд, который в 60-х годах *фактически* должен был затратить прядильщик одной определенной прядильной фабрики. Маркс пришел к заключению, что при десятичасовом рабочем дне необходимое рабочее время прядильщика *не достигает 4-х часов*, остальное же рабочее время, в течение которого он производит прибавочную ценность, составляет больше 6 часов. Мы увидим ниже, что необходимое для существования работника рабочее время представляет чрезвычайно изменчивую величину.

Во-первых, ценность хлопка и веретен, потребленных при ее изготовлении. Эта ценность целиком, не увеличиваясь и не уменьшаясь, переходит на продукт. *Потребительная ценность* хлопка и веретен изменилась, их *ценность* осталась нетронутой. Это сделается ясным, если рассматривать различные процессы труда, необходимые для изготовления окончательного продукта, как одну за другой следующие части одного и того же процесса труда. Предположим, что прядильщик является в то же время и хлопчатобумажным плантатором и что хлопок перерабатывается непосредственно после его добывания; пряжа является теперь продуктом работы плантатора и прядильщика, ее ценность измеряется рабочим временем общественно-необходимым для добывания хлопка и переработки его в пряжу. В ценности продукта не произойдет никакого изменения, если, при всех прочих равных условиях, процессы труда, необходимые для его изготовления, будут совершаться за счет не одного уже, а нескольких лиц. Ценность подвергшегося переработке хлопка появится, следовательно, снова в пряже; то же самое произойдет и с ценностью потребленных веретен. Различных вспомогательных веществ мы, ради простоты, не будем принимать здесь во внимание.

К этой *перенесенной* ценности присоединяется еще ценность, которую работа прядильщика *прибавляет* к хлопку. В 1 рабочий час, предположим, будут выпрядены 2 фунта пряжи, а 2 рабочих часа выражается в одной марке. Час труда представляет, следовательно, ценность в $^1/_2$ марки.

Ценность 1 фунта пряжи равна, следовательно, ценности 1 фунта хлопка ($=1$ марке) $+ {}^1/_{100}$ веретена ($= {}^1/_{10}$ марки) $+ {}^1/_2$ часа труда ($= {}^1/_4$ марки); или, выражая всю ценность в марках, $1 + {}^1/_{10} + {}^1/_4 = 1$ марка 35 пфеннигов.

За 6 часов будет выпрядено 12 фунтов пряжи ценностью в 16 марок 20 пфенн. Но во что обошелся капиталисту этот результат? Он должен был затратить 12 ф. хлопка $=12$ маркам, ${}^{12}/_{100}$ веретена $=1$ м. 20 пф. и 1 день рабочей силы $=3$ марк., а всего 16 м. 20 пф., т.-е. ровно столько, сколько он имеет в ценности пряжи.

Итак, наш капиталист до сих пор, следовательно, *напрасно заставлял работника работать*; купленный им товар — рабочая сила—пока не доставил ему никакой прибавочной ценности.

Но наш капиталист не смущается. Он купил потребительную ценность рабочей силы на *весь день*; он купил ее честно и правильно по ее полной ценности, а значит он имеет полное право целиком и без остатка использовать всю ее потребительную ценность. Ему и в голову не придет сказать работнику: «Я купил твою рабочую силу за сумму денег, выражающую 6 рабочих часов; ты работал на меня 6 часов, мы стало быть квиты, ты можешь итти». Напротив, он говорит ему: «Я купил твою рабочую силу на весь день, в течение всего дня она принадлежит мне; поэтому живо снова за работу, пока ты в силах, не теряя ни одного мгновения времени, которое принадлежит не тебе, а мне». И он заставляет рабочего работать не 6 часов, а больше, напр., 12.

После прибавленных 6-ти часов, в конце рабочего дня он снова считает. Теперь он обладает 24 ф. пряжи ценностью 32 марки 40 пфенн. Издержки же его таковы: 24 ф. хлопка $=24$ марк., ${}^{24}/_{100}$ веретена $=2$ м. 40 пф. и 1 рабочая сила $=3$ м., — всего 29 марок 40 пф. С улыбкой закрывает он свою счетную книгу. Он выиграл, или, по его выражению, «заработал» 3 м. Он заработал, приобрел прибавочную ценность, не нарушив законов товарного обращения. Хлопок, веретена, рабочая сила — все это куплено по их ценности. Если он приобрел прибавочную ценность, то только потому, что он *потребил* купленные им товары; потребил, разумеется, не как *средства наслаждения*, а как *средства производства*, а также потому, что потребительную ценность купленной им рабочей силы он потребил *выше известного предела*.

Процесс производства, при системе товарного производства, всегда является *процессом образования ценности*, независимо от того, совершается ли он с помощью *купленной* или же *собственной* рабочей силы; но только тогда, когда процесс образования ценности продолжается дальше известного предела, он превращается в созидателя *прибавочной ценности* и в качестве такового в *процесс возрастания ценности*. Процесс производства должен продолжаться *дальше того пункта*, до которого он необходим для производства ценности, равной ценности купленной рабочей силы, если целью его является производство прибавочной ценности.

И крестьянин, обрабатывающий свое собственное поле, и ремесленник, работающий за свой собственный счет, могут работать сверх того времени, которое они принуждены работать для воспроизведения потребляемых ими средств существования. И они могут, следовательно, производить прибавочную ценность, и их труд может представлять процесс возрастания ценности. Но лишь только процесс возрастания ценности производится с помощью *купленной чужой* рабочей силы — он является *капиталистическим процессом производства*; этот процесс по самой природе своей, по той цели, которая ему ставится, в силу необходимости является процессом возрастания ценности.

ГЛАВА II

РОЛЬ КАПИТАЛА В ОБРАЗОВАНИИ ЦЕННОСТИ

В первой главе первого отдела мы познакомились с установленным впервые Марксом различием, касающимся двойственного характера труда, производящего товары, с одной стороны, как *определенной формы полезного, производящего потребительные ценности труда;* с другой—как *человеческого простого среднего труда, вообще, создающего товарные ценности.* Соответственно этому двойственному характеру труда и самый процесс производства при господстве товарного производства отличается двойственностью: он представляет единство *процесса труда* и *процесса образования ценности*, а принимая *капиталистический* характер, он является единством *процесса труда* и *процесса возрастания ценности* В предыдущей главе мы познакомились с обоими элементами процесса труда: средствами производства и рабочей силой, мы познакомились также и с различными ролями, которые оба эти элемента играют, как части капитала в процессе возрастания ценности. Мы видели, что средства производства принимают участие в создании ценности продукта совсем иным образом, чем рабочая сила.

Мы нашли, что ценность потребленных средств производства снова появляется в ценности продукта. Перенесение этой ценности совершается в рабочем процессе посредством труда. Но как это возможно? Труд должен одновременно совершать двойную работу: создать новую ценность и переносить старую. Возможность этого делается понятной, только если принять во внимание двойственный характер труда, о котором мы только что упоминали. В своем качестве *создающего ценность* человеческого труда вообще, он производит новую ценность; в своем качестве особой формы полезного *производящего потребительные ценности* труда он переносит ценность средств производства на продукт.

Только благодаря особой форме труда, пряденье, ценность хлопка и веретен может быть перенесена на пряжу; прядильщик же, наоборот, может такую же самую ценность, которую он создает как прядильщик, создавать также посредством другого труда, напр., сделавшись столяром; но тогда он не производит уже пряжи, не переносит на нее ценности хлопка.

Двойственный характер труда — как *образующего ценность* и как *переносящего ценность* — становится особенно ясен, если проследить влияние изменения производительности труда на образование ценности и на перенесение ценности. Величина производимой за один рабочий час ценности не изменяется, если, при всех прочих равных условиях, производительность труда возрастает или убывает; количество же производимых в определенный промежуток времени потребительных ценностей увеличивается или уменьшается вместе с соответствующими изменениями производительности труда.

В той же самой мере увеличивается или уменьшается способность труда к перенесению ценности.

Предположим, напр., что в результате какого-нибудь изобретения производительность труда пряденья удвоилась, между тем как производительность труда добывания хлопка осталась старая. В 1 ф. хлопка пусть содержится 2 рабочих часа — и он стоит, если мы останемся при наших прежних обозначениях, 1 марку. Прежде в 1 час могли быть обращены в пряжу 2 фунта хлопка, теперь 4 фунта. *Та же самая ценность*, которую прежде труд 1 часа *прибавлял* к 2 ф. хлопка, теперь прибавляется к 4 фунтам. Величина этой ценности равняется 50 пфенн. Но *переносится* теперь трудом прядильщика на пряжу за один час *двойная ценность*: раньше 2, а теперь 4 марки.

Ясно, стало быть, что способность труда *сохранять* или *переносить* ценность покоится совсем на другом свойстве его, чем способность создавать ценность.

Так как никакое производство невозможно без средств производства, то всякий труд, который производит товары, является не только *создающим* ценность, но и *сохраняющим* ее, не только в том смысле, что он переносит на продукт ценность потребленных средств производства, но и в смысле сбережения ценности последних от уничтожения. Все земное преходяще, и раньше или позже средства производства должны погибнуть, если даже они остаются без употребления. Некоторые из них, напр., различные машины портятся даже быстрее, если они стоят без дела, чем если они в ходу. С потребительной ценностью средств производства исчезает также их товарная ценность. Если изнашивание совершается нормальным образом в процессе производства, то теряемая средствами производства ценность появляется снова в ценности продукта. Если же средства производства изнашиваются, не будучи употреблены в процессе производства, то их ценность исчезает безвозвратно. Капиталист обыкновенно не обращает внимания на это свойство труда, но оно делается для него очень чувствительным, когда он в результате, напр., кризиса, бывает принужден приостановить процесс производства. Маркс приводит в пример одного английского хлопчато-бумажного фабриканта, который в 1862 году определял ежегодную потерю от остановки своей фабрики, вследствие хлопчато-бумажного кризиса, в 120.000 марок, в том числе 24.000 марок вследствие порчи машин.

Различные средства производства различным образом участвуют в перенесении ценности. Одни, как сырые материалы и вспомогательные вещества, теряют в процессе труда свою самостоятельную форму. Другие сохраняют свою форму в процессе труда. Хлопок, который прядется, теряет свою форму, но веретено ее не теряет. Первые в каждом процессе производства отдают продукту *всю свою ценность*, последние — только *часть ее*. Если ценность машины равна 1000 марок, и если эта машина при нормальных условиях изнашивается в 1000 дней, то в течение 1 рабочего дня она передает ценность в 1 марку продукту, изготовленному с ее помощью за это время.

Здесь перед нами снова выступает двойственный характер процесса производства. Как может машина передать известному продукту $^1/_{1000}$ своей ценности? При его производстве ведь действует не $^1/_{1000}$ машины, а вся машина. Такое возражение действительно приводилось. В ответ на него приходится лишь указать на то, что в процессе производства участвует *вся* машина постольку, поскольку он есть *процесс труда*, и участвует только известная *часть* ее, поскольку он является *процессом возрастания ценности*. Как *потребительная ценность* машина *целиком* участвует в каждом процессе производства, как *ценность* она входит в него лишь своей *частью*.

И наоборот *ценность* какого-нибудь средства производства может *целиком* перейти в продукт, тогда как в него войдет лишь часть вещества первого. Предположим, что для того, чтобы произвести 100 ф. пряжи требуется при нормальных условиях 115 ф. хлопка и что количество негодных отбросов составляет в данном случае 15 ф.; тогда только 100 фун. хлопка перейдут в 100 ф. пряжи, но в ценность этих 100 ф. пряжи перейдет ценность 115 ф. хлопка.

Средства производства переносят на продукт в течение процесса труда столько ценности, сколько они сами теряют в продолжение его. Они никогда не могут передать ему больше ценности, чем они сами имеют, как бы велика ни была их потребительная ценность. Совершенно бессмысленно поэтому выводить, как это делает вульгарная политическая экономия, прибавочную ценность и ее производные формы — процент, прибыль, поземельную ренту — из *потребительной ценности* средств производства, из их «услуг».

Ценность потребленных в производительном процессе средств производства появляется снова без изменения в ценности продукта.

Но труд не только сберегает ценности, он создает также новую ценность. До известного предела труд, создающий новую ценность, воссоздает только ту ценность, которую капиталист затратил на покупку рабочей силы. Но если труд продолжается сверх этого предела, то он создает лишнюю ценность — *ценность прибавочную.*

«Итак, та часть капитала — говорит Маркс — которая превращается в *средства производства*, т.-е. в сырой материал, вспомогательные вещества и орудия труда, *не изменяет величины своей ценности* в процессе производства. Я называю ее, поэтому, *постоянной (неизменной) частью капитала* или, короче, *постоянным капиталом.*

Наоборот, та часть капитала, которая превратилась в *рабочую силу, изменяет* свою ценность в процессе производства. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и излишек сверх него, *прибавочную ценность*, которая сама может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала постоянно превращается в переменную (меняющую свою величину). Я называю ее, поэтому, *переменной частью капитала* или, короче, *переменным капиталом.* Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются, как об'ективные и суб'ективные факторы, как средства производства и рабочая сила, различаются с точки зрения возрастания ценности, как капитал постоянный и капитал переменный».

Величина ценности постоянного капитала может, конечно, считаться постоянной только по отношению к процессу возрастания ценности. *Процесс производства* не меняет величины ценности приложенного к ним постоянного капитала, но изменение ее может, конечно, быть произведено другими факторами. Точно также и отношение между постоянным и переменным капиталами может изменяться. Мы возвратимся еще в дальнейшем к этому вопросу.

ГЛАВА III

СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Возьмем капитал, напр., в 5000 марок. Он распадается на две части: денежную сумму, которая пошла на покупку средств производства или постоянный капитал C, который мы предположим равным 4100 м., и другую денежную сумму, которая пошла на покупку необходимой рабочей силы или переменный капитал V, равный 900 м. Постоянный капитал, в свою очередь, распадается на две части: 1) сырой материал и т. п., ценность которого полностью переходит в продукт, и 2) орудия труда, которые в каждом производственном процессе отдают продукту только часть своей ценности. В дальнейшем исследовании мы не будем считаться с этим различием, принятие которого во внимание может только усложнить задачу, не изменивши ничего в результате. Мы будем принимать, стало быть, здесь ради простоты, что ценность всего употребленного капитала снова появляется в продукте.

Капиталист купил средства производства и рабочую силу и употребляет их в дело.

В конце процесса производства ценность авансированного капитала увеличивается на прибавочную ценность M, которая составляет 900 марок. У него имеется, следовательно теперь C + V + M = 4100 + 900 + 900 = 5900 м. Из них 4100 перенесенной 900 + 900 вновь созданной ценности.

Ясно что величина ценности постоянного капитала не имеет никакого влияния на величину произведенной прибавочной ценности. Без средств производства нельзя правда, производить, и чем дольше должно продолжаться производство, тем больше требуется средств производства. Производство известного количества прибавочной ценности обуславливает, следовательно, употребление известного количества средств производства, которое находится в зависимости от технического характера процесса труда. Но величина *ценности* этого количества средств производства не имеет никакого влияния на величину прибавочной ценности.

Если капиталист нанимает 300 рабочих, и дневная ценность рабочей силы каждого рабочего составляет 3 м., а ценность, которую каждый создает в течение дня, равняется 6 м., то эти 300 работников в 1 день произведут ценность в 1800 м., из них 900 м. прибавочной ценности; и это, независимо от того имеют ли средства производства, которыми они пользуются, ценность в 2000 4000 или 8000 м. *Создание ценности* и *изменение ценности* в процессе производства не зависят от величины ценности авансированного постоянного капитала Пока, следовательно, вопрос заключается в том, чтобы исследовать в чистом виде оба названные явления, мы можем отвлечься от постоянного капитала, предположить его равным нулю.

Итак, из всего авансированного капитала мы подвергнем теперь нашему рассмотрению только его переменную часть — V, а из ценности продукта — только вновь созданную трудом ценность, которая равна ценности затраченного переменного капитала + прибавочная ценность: V + M. Отношение прибавочной ценности к авансированному переменному капиталу в нашем примере = 900 : 900 = 100 процентам.

Это относительное возрастание переменного капитала или относительную величину прибавочной ценности Маркс называет *уровнем прибавочной ценности*. Ее не следует смешивать, как это зачастую делается, с *уровнем прибыли*. Прибыль является результатом прибавочной ценности, но это не есть прибавочная ценность.

Чтобы произвести в течение рабочего дня ценность V, равную ценности его рабочей силы, работник должен работать известное количество времени, пусть это время, как мы уже раньше предположили, равно 6 час. Это рабочее время *необходимо* для содержания работника,—Маркс называет его *необходимым рабочим временем*. Часть рабочего дня, которую работник работает уже за пределами необходимого рабочего времени, производя не ценность, необходимую для восстановления его рабочей силы, а прибавочную ценность для капиталиста, Маркс называет *прибавочным рабочим временем*, а труд, затраченный в продолжение его — *прибавочным трудом*. Прибавочный труд находится в таком же отношении к необходимому труду, как прибавочная ценность к переменному капиталу. Мы можем, следовательно, выразить уровень прибавочной ценности через отношение

$$\frac{V}{M} \text{ или } \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд.}}$$

Прибавочная ценность выражается в известном количестве продукта, который Маркс называет *прибавочным продуктом*. Следовательно, ее отношение к переменному капиталу может быть также выражено в отношении между собой известных частей продукта. Но, при рассмотрении этого отношения, где дело идет не о вновь создаваемой ценности, а о готовом *продукте*, мы не можем, конечно, как прежде, отвлечься от постоянного капитала, который составляет часть ценности продукта.

Предположим, что в течение 12-часового рабочего дня одним работником производится 20 ф. пряжи ценностью в 30 м. Ценность превращенного в пряжу хлопка составляет 20 м. (20 ф. по 1 м.). Потеря ценности веретен и т. п. — 4 м.; ценность рабочей силы — 3 м. Уровень прибавочной ценности пусть будет 100%. Таким образом, ценность пряжи в 30 м. = 24 м. (C) + 3 м. (V) + 3 м. (M); эта ценность заключается в 20 ф. пряжи, следовательно, постоянный капитал заключается в 16 ф., переменный в 2 ф. и прибавочная ценность также в 2 ф. пряжи.

20 ф. пряжи производятся в 12 часов, в каждый час, следовательно, 1⅔ фунта. 16 ф., в которых воплощена ценность постоянного капитала, производится в 9 часов 36 минут; 2 ф., в которых содержится ценность переменного капитала — в 1 час 12 мин.; ровно во столько же времени производятся 2 ф., в которых воплощена прибавочная ценность.

Когда мы производим расчет таким образом, то кажется, что прибавочная ценность производится не в 6 часов, как мы приняли раньше, а в *1 час 12 минут*. Фабриканты считают именно таким образом и весьма точно доказывают, что их прибыль производится в *последний рабочий час* и что, если рабочий день сократить на 1 час, то невозможна будет никакая прибыль, и промышленность будет совершенно разорена. Уже в 1836 г. этот рассчет был пущен в ход против всякого законодательного ограничения рабочего времени английскими фабрикантами и их учеными и неучеными адвокатами под предводительством Сеньора. Впоследствии этот же аргумент был снова выдвинут в Германии и Австрии против нормального

рабочего дня, несмотря на то, что уже опыт Англии фактически самым решительным образом доказал его полную несостоятельность. Длина рабочего дня сокращена там в различных отраслях труда в законодательном порядке — мы возвратимся к этому еще позднее — и это, однако, не только не пошатнуло промышленность, но даже не уменьшило сколько-нибудь заметно прибылей господ фабрикантов.

Вся приведенная аргументация покоится на смешении потребительной ценности и ценности. *Потребительная ценность* двух фунтов пряжи производится в последний час, но не их *ценность*. Ведь не из воздуха же они были выпрядены. В этих двух фунтах пряжи содержится не только труд прядильщика в течение 1 ч. 12 м., но и ценность 2-х фунтов хлопка, а по нашему предположению (1 ф. хлопка = 1 марке, 1 марка = 2 рабочим часам) в 2-х фунтах хлопка воплощено 4 рабочих часа; сверх того с веретен и т. п. на 2 ф. пряжи перешло такое количество ценности, какое может быть произведено в 48 минут общественно-необходимого рабочего времени. Для производства, следовательно, + 2 ф. пряжи, явившихся в результате 1 ч. 12 м. работы, в действительности были необходимы 6 рабочих часов. Если бы работник в нашем примере производил действительно в течение 1 ч. 12 м. всю прибавочную ценность, являющуюся в виде продукта, имеющего ценность в 6 рабочих часов, то он должен был бы быть в состоянии в течение 12-часового рабочего дня создать ценность, соответствующую 60 рабочим часам! И находятся люди, которые верят подобным бессмыслицам, рассказываемым фабрикантами!

Так как этот аргумент еще до сих пор находит некоторое сочувствие в различных слоях, то мы осветим еще одну из его сторон. Вычислим, как высок будет уровень прибавочной ценности при сокращении рабочего дня с 12 до 11 часов, сохраняя все прочие прежние условия [1]).

Теперь мы будем иметь постоянный капитал не в 24 м., а в 22, так как теперь перерабатывается меньшее количество материала ($18^1/_3$ ф. хлопка = $18^1/_3$ марок; изнашивание веретена и т. п. = $3^2/_3$ м.); кроме того, переменный капитал в 3 марки (мы принимаем, что рабочая плата за 11 часов остается та же, что и прежде за 12 часов) и прибавочную ценность в $2^1/_2$ м. Уровень прибавочной ценности будет теперь равен уже не 100 %, а только $83^1/_3$ %.

Теперь весь произведенный за день продукт составляет $18^1/_3$ ф. пряжи ценностью в $27^1/_2$ м.; постоянный капитал воплощен в $14^2/_3$ ф. пряжи, переменный в 2 фунтах, прибавочная ценность в $1^2/_3$ ф.; $14^2/_3$ ф. производятся в 8 часов 48 минут, 2 фунта в 1 ч. 12 м., а пряжа, воплощающая в себе прибавочную ценность, производится в 1 час. В силу сокращения рабочего времени на *1 час*, время приготовления прибавочного продукта, содержащего прибавочную ценность, сокращается, следовательно, не на 1 час, а *только на 12 минут*. Расчет фабрикантов покоится на нелепом предположении, что в 11 часов получается на $^1/_{12}$ меньше продукта, но потребляется ровно столько же средств производства (сырых материалов и т. п.), как и в 12 часов.

---

[1]) Мы предполагаем при этом, что сокращение рабочего дня с 12 до 11 часов сопровождается также уменьшением дневной производительности на $^1/_{12}$. В действительности это вовсе не обязательно. Наоборот, как общее правило, сокращение рабочего дня сопровождается возрастанием силы, ловкости, неутомимости, внимания, интеллигентности, короче, работоспособности работника; и это возрастание работоспособности может быть настолько велико, что работник в более короткий рабочий день станет производить больше продуктов, чем прежде в течение более длинного дня. Но здесь нас не занимает эта сторона сокращения рабочего дня, и мы будем поэтому игнорировать ее.

ГЛАВА IV

ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ И ПРИБЫЛЬ

Между *прибавочною ценностью* и *прибылью* существует то же различие, как и между *ценностью* и *ценою*. Человека практики — продавца и покупателя товаров,—интересует их *цена*. Его интересуют поэтому законы цен, так как их знание может ему быть полезно в его коммерческих расчетах и спекуляциях. Наоборот, законы ценности, которая лежит в основе цен, интересуют лишь теоретика, который не ставит себе целью как можно дешевле купить и как можно дороже продать, а стремится исследовать те *общественные отношения*, которые возникают на почве товарного производства.

Точно также капиталиста-практика интересует не прибавочная ценность, а прибыль. У него нет ни малейшего желания заниматься исследованием отношений труда и капитала: он хочет получить как можно больше прибыли.

Путем приложения какого именно количества труда будет создана эта прибыль — ему совершенно безразлично. Ведь *не его* трудом она создается. Но *деньги*, которые при этом затрачиваются, принадлежат ему. Он сравнивает полученную прибавочную ценность не с тем количеством труда, которое было применено при ее производстве, а с той суммой денег, которую он должен был для этого затратить. Если процесс создания прибавочной ценности представляется формулой Д — Т — (Д + д), то капиталист измеряет свою прибыль отношением д к Д. Но это отношение отнюдь не равно тому, которое существует между М и V—между прибавочной ценностью и переменным капиталом. Денежная сумма, которую капиталист должен был затратить на производство, должна быть достаточной не только для того, чтобы покрыть издержки на рабочую плату, но и на фабричные здания, машины, сырой материал, вспомогательные вещества, короче на все то, что Маркс обозначает одним термином «постоянный капитал». Уже одно это обстоятельство влияет на то, что даже в тех случаях, когда прибавочная ценность и прибыль совершенно совпадают, уровень прибыли все-же отличается от уровня прибавочной ценности. Если уровень прибавочной ценности выражается отношением M : V, то уровень прибыли выражается через M : (C + V).

Следует заметить еще, что во многих отраслях производства, в том числе в сельском хозяйстве год, в силу естественных условий, представляет один производительный период, по окончании которого производство начинается сызнова.

Вследствие этого, развился обычай определять уровень прибыли, как отношение *полученной за год* прибыли к капиталу, затраченному на производство *в том же году*.

Само собой разумеется, что уровень прибыли должен отличаться от уровня прибавочной ценности.

В примере, который мы приводили в предыдущей главе, мы предположили капитал, равным 5000 марок, из них 4100 марок составляли постоянный капитал, 900 марок — переменный, прибавочная ценность также равнялась 900 м. Уровень прибавочной ценности составлял, следовательно, 100%. Уровень же прибыли представляет в этом случае только 900 : 5000 = 18%.

Но, кроме только что указанного, чисто формального различия, вытекающего из разного способа подсчета, между уровнем прибавочной ценности и уровнем прибыли существует еще другое различие.

Ясно, что одному и тому же уровню прибавочной ценности должны соответствовать различные уровни прибыли, если меняется строение капитала, если на одно и то же количество рабочей платы приходятся различные количества постоянного капитала. Но это строение капитала по необходимости должно быть различным в различных отраслях производства в зависимости от высоты развития техники и от тех или иных технических особенностей.

«Строение капитала по его ценности, насколько оно определяется его техническим строением и отражает его, мы называем *органическим строением* капитала.

Поэтому такие капиталы, которые содержат относительно больше постоянного капитала, следовательно, меньше переменного, сравнительно со средним общественным капиталом, мы называем капиталом *высшего строения*. Напротив того, такие капиталы, в которых постоянная часть составляет относительно величину меньшую, а переменная часть — большую сравнительно со средним общественным капиталом, мы называем капиталами низшего строения.

Наконец, капиталами среднего строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала.» (Капитал, т. 3, стр. 104, 119—120 русск. изд.).

Рассмотрим теперь, как под влиянием различного строения капитала складывается уровень прибыли. Возьмем три предприятия, принадлежащие трем различным отраслям производства. Первая является, предположим, технически отсталой, применяет, сравнительно с числом занятых рабочих, мало машин, не нуждается в крупных фабричных зданиях и т. п. Она обладает капиталом с низким органическим строением. Во второй — капитал среднего строения; третья же является технически настолько высоко развитой, что на одного рабочего приходится на крупную сумму машин и строений. Органическое строение капитала в этой отрасли будет высокое.

Мы станем излагать наш пример в возможно более простом виде и для этого допустим, что во всех трех отраслях производства уровень прибавочной ценности один и тот же и что весь затраченный капитал оборачивается один раз в год, т.-е. он целиком потребляется в производстве в течение одного года, а продукт также целиком продается по окончании этого года.

Предположенные нами условия едва ли встречаются когда-нибудь в действительности, но мы принуждены были сделать это допущение, чтобы не усложнить и не запутывать нашего примера.

Пусть в каждом из трех предприятий занято по 100 рабочих, получающих по 1000 марок заработной платы. Уровень прибавочной ценности всюду равен 100%,— следовательно, вся сумма заработной платы в каждом предприятии составляет 100.000 марок, и такую же сумму в 100.000 м. составляет величина прибавочной ценности. Но постоянный капитал в предприятии A = 100.000 марок, в предприятии B = 300.000 марок и в предприятии C, наконец, = 500.000 марок.

Тогда мы имеем

Предприятия	КАПИТАЛ			Прибавочная ценность	Уровень прибавочной ценности, т.-е. отношение прибавочной ценности к переменному капиталу	Уровень прибыли, т.-е. отношение прибавочной ценности ко всему капиталу
	Переменный	Постоянный	Весь			
	Марок	Марок	Марок	Марок	Процентов	Процентов
A	100.000	100.000	200.000	100.000	100	50
B	100.000	300.000	400.000	100.000	100	25
C	100.000	500.000	600.000	100.000	100	16,6
Всего	300.000	900.000	1.200.000	300.000	100	25

Следовательно, при равных уровнях прибавочной ценности, уровни прибыли будут очень различны, если товары будут продаваться точно по их ценностям.

Но такое различие уровней прибыли представляет явление, которое не может долго продолжаться при капиталистическом способе производства. Ведь капиталист производит ради прибыли, а не с целью удовлетворения чьих-нибудь потребностей. Ему совершенно безразлично, что производить: иголки или локомотивы, ваксу или одеколон, — на первом плане у него стоит получение возможно более высокой прибыли на свой капитал. Что же случится, если в одной отрасли производства прибыль будет равняться 50%, тогда как в другой она будет достигать только 17%? Капитал начнет оставлять вторую отрасль и всеми силами устремится в первую. В А появится сильная конкуренция, производство товаров этой отрасли сильно возрастет, в С же, наоборот, оно сильно сократится.

Тут мы вступаем в область конкуренции, в сферу спроса и предложения. Мы уже видели, что ценность и цена представляют два различных явления, хотя второе и определяется первым. В ряду причин, вызывающих отклонение цен от ценностей, заставляющих первые стоять то выше, то ниже последних — важнейшей является колебание в спросе со стороны покупателей и в предложении со стороны продавцов.

При господстве свободной конкуренции, спрос и предложение представляют регуляторы современного способа производства, которое без них впало бы в состояние самой ужасной анархии, так как, составляясь из ряда отдельных частных предприятий, каждое из которых ведется по собственному усмотрению его владельцем или заведующим, оно лишено всякого планомерного регулирования. Спрос и предложение заботятся о распределении наличных рабочих сил между различными отраслями производства, таким образом, чтобы, в общем, каждая из них производила столько продуктов, сколько требуется обществом при данных отношениях. Правда, это оказывается справедливым только в общем, а не в частности, не в каждом отдельном случае. При отсутствии планомерности в современном способе производства, того или иного товара постоянно производится либо слишком много, либо слишком мало, и лишь вслед за тем действие спроса и предложения и вызванное ими понижение или повышение цен влияют на сокращение или расширение производства соответственно общественным потребностям.

Если какого-нибудь товара производится больше, чем при данном уровне цен, определяемом в последнем счете ценностью товара, его могут или желают купить обладающие покупательной способностью члены

общества, то он падает в цене, и в силу этого расширяется круг тех членов общества, которые его могут или желают приобрести. Но вместе с ценой падает и прибыль; а если она упадет ниже среднего уровня, то капитал отливает от соответствующей отрасли производства: количество продуктов, производимых в данной отрасли, уменьшается, и цена растет в силу этого до тех пор, пока она не достигнет высоты, соответствующей среднему уровню прибыли.

И обратно: если цена поднимается выше этого пункта, в виду того, что производство товара отстало от спроса на него со стороны покупателей, то вместе с нею возрастет и прибыль. Капитал притягивается данной отраслью производства, приливает к ней, расширяет производство и понижает, таким образом, цены до уровня, соответствующего средней прибыли. Около этого уровня постоянно колеблются цены, то поднимаясь выше его, то опускаясь ниже, и только путем такого волнообразного движения поддерживается этот уровень, существующий всегда лишь как тенденция, а не как постоянное длительное явление.

Это действие спроса и предложения должно также противодействовать тому неравенству уровней прибыли, которое проистекает из различия в органическом строении капиталов.

В отрасли С производство начнет сокращаться, цены, а с ними и прибыль, станут расти. В отрасли А производство станет расширяться, и цены упадут. Оба эти явления будут продолжаться до тех пор, пока прибыли не сравняются и не достигнут среднего, соответствующего всему общественному производству, уровня прибыли. Мы предположим, что в отрасли В капитал имеет среднее органическое строение, и уровень прибыли в ней представляет, следовательно, средний уровень. Тогда прибыли распределятся в наших трех предприятиях следующим образом.

Предприят.	Весь капитал (в марках)	Прибавочная ценность (в марках)	Уровень прибавочной ценности (в процентах)	Уровень прибыли (в процентах)	Прибыль (в марках)
А	200.000	100.000	100	25	50.000
В	400.000	100.000	100	25	100.000
С	600.000	100.000	100	25	150.000
Всего	1.200.000	300.000	100	25	300.000

Но такое выравнивание уровней прибыли становится возможным лишь в силу того, что товарные цены отклоняются от товарных ценностей. Так как по нашему предположению весь затраченный капитал оборачивается в один год и весь появляется, поэтому, снова в ценности годового продукта, то мы получаем теперь такое отношение между ценностью и ценой годового продукта в каждом предприятии:

Предприят	Весь капитал (в марках)	Прибавочная ценность (в марках)	Ценность всего продукта (в марках) Издержки производства+прибавочн. ценность	Прибыль (в марках)	Цена производства всего продукта (в марках) (Издержки производства+прибыль)
А	200 000	100.000	300.000	50.000	250.000
В	400.000	100.000	500.000	100.000	500.000
С	600.000	100 000	700.000	150.000	750.000
Всего	1.200.000	300.000	1.500.000	300.000	1.500.000

Предположим, что вся масса годового продукта в каждом предприятии составляется из 10.000 отдельных товарных единиц; тогда мы получаем для каждой такой единицы:

	A	B	C
Ценность	30 марок	50 марок	70 марок,
Цена производства	25 „	50 „	75 „

В действительности дело происходит не таким образом, что каждый капиталист получает целиком всю прибавочную ценность, т.-е что капиталисты первой отрасли производства получают 50% прибыли, а капиталисты последней — 17%. Такие крупные колебания встречаются только в начале капиталистического способа производства или, в настоящее время, в тех странах и отраслях производства, которыми этот способ производства впервые завладевает. При развитом капиталистическом производстве образуется обычный средний уровень прибыли, который заранее кладется капиталистами в основу их вычислений для определения цен, что, конечно, вовсе не мешает им стараться воспользоваться всяким случаем, чтобы повысить еще цены, тогда как всякое падение цен и связанное с ним понижение уровня прибыли они рассматривают как прямой убыток. Эта цена, составленная из издержек производства (затраченных переменного и постоянного капиталов) с прибавлением к ним «обычной в стране» прибыли, представляется капиталистам «естественной» ценой. Маркс называет ее *ценой производства*. Она состоит из *цены издержек* (величина переменного и постоянного капиталов) и *средней прибыли*.

Не *ценность*, а *цена производства* образует при развитом капиталистическом производстве тот средний уровень, около которого под влиянием спроса и предложения, волнообразно колеблются рыночные цены. Но сама-то цена производства не висит в воздухе, а имеет свои корни в ценности.

Противники Марксовой теории ценности любят утверждать, что Маркс сам в третьем томе «Капитала» разбил свою собственную, развитую им в первом томе, теорию, показав, что при развитом капиталистическом товарном производстве цены большей части товаров постоянно, под влиянием стремления прибылей к равенству, отклоняются от ценностей, при чем цены одной части этих товаров постоянно стоят настолько же ниже их ценностей, насколько цены другой части стоят выше их. Но говорить об опровержении Марксом его теории ценности можно было бы только тогда, если бы он показал, что цены товаров *не зависят* от их ценности. Третий же том «Капитала» не только не делает этого, но, наоборот, доказывает, что цены производства, около которых колеблются рыночные цены, находятся в полнейшей зависимости от закона ценности и вполне им об'ясняются. Средняя прибыль, как раз тот фактор, который обуславливает отклонение цен производства от ценностей, может быть сама об'яснена лишь из законов прибавочной ценности, которые в свою очередь вытекают из законов ценности. Если мы не примем, что общее количество всей получаемой данным обществом прибавочной ценности равно общему количеству прибыли с различными ее подразделениями (процент, поземельная рента, рассмотрением которых мы здесь не станем заниматься), то у нас исчезает всякая возможность об'яснить, почему при данных отношениях средний уровень прибыли представляет данную определенную величину.

Закон товарной ценности не уничтожается тем, что при развитом капиталистическом производстве между ценностью и ценой встает новый, промежуточный член под влиянием среднего уровня прибыли и обуславливаемой им цены производства. Если бы, вследствие этого, захотели умозаключать о недействительности самого закона, то нужно было бы признать недействительность закона падения, так как в воде падающие тела встречают еще большее сопротивление, чем в воздухе.

Марксова теория цены производства неотделима от его теорий ценности и прибавочной ценности. Она не только не является доведением ad absurdum (до бессмыслицы) этих последних, но, наоборот, представляет их завершение. Теория цены производства дает нам ключ к пониманию целого ряда явлений, на которых покоятся взаимные отношения господствующих классов — к пониманию противоречия между капиталом (прибылью) и земельной собственностью (поземельной рентой), между капиталами промышленным (промышленной прибылью) и денежным (процентом) и т. д. Она дает нам еще более того — ключ к пониманию целого ряда теорий ценности, а следовательно и к их опровержению, так как в сущности-то целый ряд теорий ценности представляет нечто иное, как теории цены производства, которую они все рассматривают, как последнюю основную причину рыночной цены.

Здесь является уместным бросить взгляд на те теории ценности, которые отрицают, что ценность определяется трудом. О них всех, как и вышеупомянутых, можно сказать, что они вовсе не представляют собой теории ценности, что они под ценностью понимают нечто такое, что вовсе не является ценностью, как, напр., потребительную ценность, цену производства, среднюю цену.

На это, правда, возражают: всякий теоретик имеет право понимать под ценностью то, что ему заблагорассудится. Мы можем спросить только, верным ли оказывается его об'яснение того явления, которое он называет ценностью. А будет ли это теория потребительной ценности, цены или еще чего-нибудь другого — до этого нам нет никакого дела.

Несомненно, что во всякой другой области науки подобное возражение показалось бы настолько наивным и ненаучным, что с ним не стали бы серьезно считаться. Возьмем, напр., атомную теорию. Что сказали бы о человеке, который стал бы утверждать, будто всякий ученый имеет полное право понимать под атомом все, что ему захочется, напр.: молекулу или клетку; будто совершенно безразлично, если он только даст правильную теорию клетки, как назовет он эту теорию — атомной ли теорией или каким-нибудь иным именем? Ему немедленно ответили бы, что дело не в *названии* «атом», которое по произволу можно прилагать то к тому, то к иному *предмету*, а в совершенно *определенных явлениях*, которые стремится об'яснить атомная теория, явлениях, которые, между прочим, обуславливают образование молекулы или клетки. Можно принять или отвергнуть атомную теорию, т.-е. стараться с ее помощью или же каким-нибудь иным путем об'яснить данные явления; но было бы грубой научной ошибкой называть атомом то, что представляет результат явлений, обусловленных, как гласит теория, расположением атомов. — Никогда не следует смешивать основного явления с производными.

В области естествознания насчет всего вышесказанного невозможны никакие сомнения. Явления, которые изучает политическая экономия, сложнее, но это не мешает тому, чтобы изложенные выше истины были справедливы и по отношению к ней. Закон ценности имеет своей целью об'яснение вполне определенных общественных отношений и явлений, и нельзя называть законами ценности и трактовать, как таковые, законы других, обусловленных ценностью, отношений и явлений.

Явление, которое желает и должна об'яснить всякая теория ценности — это обмен двух товаров; общественное отношение, которое она желает и должна об'яснить — это отношение между двумя товаровладельцами, взаимно обменивающимися своими товарами. Явление товарного обмена, из которого впоследствии развивается продажа и покупка, представляет основную пружину, приводящую в движение всю хозяйственную деятельность современного общества. Всякое об'яснение этой деятельности должно, поэтому, исходить из исследования закона, управляющего товарным обменом, а это

и есть закон ценности. Если бы под законом ценности понимали об'яснение какого-нибудь другого явления, тогда закону, лежащему в основе обмена товаров, должны были бы дать какое-нибудь иное название. Но ни одна из существующих теорий ценности этого не делает. Следовательно, все они хотят об'яснить одно и то же явление.

Если отчетливо представить себе то явление, которое подлежит об'яснению с помощью закона ценности, то сразу становится ясным, что прежде всего следует строго различать *потребительную* и *меновую ценности* и не считать их равнозначущими на том основании, что в обоих этих выражениях встречается одно и то же словечко — *ценность*. Некоторые теории ценности об'ясняют ценность предмета его полезностью. Чем полезнее, тем драгоценнее. Последнее положение справедливо, если под словом драгоценнее понимается большая потребительная ценность; оно неверно, если имеется в виду большая меновая ценность.

Потребительная ценность, полезность какой-нибудь вещи, означает отношение между отдельным человеком, потребителем, и этой вещью, но отнюдь не общественное отношение, не отношение между двумя людьми, каковым является отношение обмена. Быть может, также вышеприведенным положением хотели сказать, что предметы одинаковой полезности обмениваются друг на друга в равных количествах? Но обмен или продажа состоит по большей части в том, что каждый продавец отдает вещи, не имеющие для него никакой потребительной ценности, никакой полезности.

Когда пекарь и его помощники сыты,—хлеб, который они испекли и продают, не имеет для них больше никакой потребительной ценности. Если бы им не удалось найти никого, кому можно сбыть этот хлеб, они не знали бы, что с ним делать. Наоборот, для проходящего мимо рабочего, который еще ничего не ел в этот день, тот же хлеб имеет огромную потребительную ценность. Но меновая ценность хлеба одинакова для обеих сторон.

Предположим, что проходящий мимо пекаря рабочий занимается плетением корзин и ходит по домам продавать их. Пекарю нужна корзина: для него она имеет большую потребительную ценность; для корзинщика же, у которого дома стоит целая куча корзин, они не имеют никакой потребительной ценности, так как они ему ни к чему не нужны. Он охотно отдает одну корзину в обмен за несколько хлебов. Но в каком отношении будут обмениваться корзины и хлеб, если их владельцы будут исходить из полезности обмениваемых предметов? Сколько хлебов имеют для корзинщика ту же полезность, что одна корзина для пекаря? Ясно, что совершенно невозможно сравнить между собою полезность двух различных потребительных ценностей; их нельзя провести друг с другом ни в какое численное отношение. Если корзинщик получает за свою корзину пять караваев хлеба, то нелепо было бы говорить в силу этого, что одна корзина в пять раз полезнее или (в данном смысле) драгоценнее, чем один каравай хлеба. Полезности различных товаров суть величины несоизмеримые.

Правда, сравнивая различные экземпляры *одного и того же сорта товара,* можно установить высшую или низшую степень их потребительной ценности. Более прочная пара сапог имеет большую потребительную ценность, чем другая, менее прочная, и я охотно заплачу за нее дороже, если только у меня имеются необходимые для этого деньги. Бутылка иоганнисбергского вина обладает большими потребительной и меновой ценностями, чем бутылка шпандауского или грюнебергского. Итак, повидимому, потребительная ценность все же является элементом товарной ценности.

Но это так только кажется. Если большая потребительная ценность создает и большую товарную ценность, то возникает сам собою вопрос, почему всякий производитель не производит продуктов исключительно

лучшего качества? Почему всякий сапожник не изготовляет только самые лучшие ботинки, почему всякий владелец виноградника не разводит только высшие сорта? Ответ на все эти вопросы очень прост. В ботинках лучшее качество является результатом либо лучшего сырого материала, стоющего больше труда и денег, либо лучшей работы, т.-е., при средней ловкости рабочего, результатом приложения большего количества труда. В силу этого, а не вследствие их большей потребительной ценности, прочные ботинки стоят дороже. Известно выражение, что самые дорогие товары оказываются самыми дешевыми: это значит, что их потребительная ценность превосходит потребительную ценность товаров низшего качества в гораздо большей степени, чем меновая ценность первых превосходит меновую ценность вторых. Пара ботинок в 12 марок носится, может быть, вдвое больше, чем ботинки в 10 марок.

Высшая цена некоторых сортов вина обуславливается уже другой причиной — тем, что их можно производить только в определенных местах. Здесь закон ценности вообще теряет свою силу, так как тут мы имеем дело с монополией. Закон же ценности предполагает свободную конкуренцию.

Всюду, где разница в качестве товаров одного и того же рода вызывает и разницы в ценах, эта последняя разница обуславливается либо разницей в затрате труда, либо монопольными отношениями.

Другие теории ценности смешивают ценность с ценой. Они об'ясняют ценность отношениями спроса и предложения. Но спрос и предложение могут об'яснить только то, почему цена данного товара постоянно колеблется около его ценности (или цены производства); они не могут об'яснить, почему средний уровень цены одного товара постоянно стоит настолько-то выше цены другого товара; почему, напр., в продолжение целых столетий фунт золота в среднем стоил в тринадцать раз дороже, чем фунт серебра.

Как только теории, об'ясняющие ценность спросом и предложением, пытаются выяснить причины этой постоянной разницы в ценах различных товаров, им ничего не остается, как стыдливо искать убежища в теории трудовой ценности. На вопрос, почему это один товар постоянно стоит на столько-то дороже другого товара, они отвечают, что это происходит от большей *редкости* первого товара, в силу чего предложение его постоянно меньше, чем предложение других товаров. Но чтобы какой-нибудь более редкий товар доставить на рынок в том же количестве, как и другой, более часто встречающийся, для этого необходимо как раз *больше труда.* Едва ли будет какая-нибудь разница, скажу ли я, что фунт золота потому стоил в тринадцать раз дороже серебра, что он встречался в тринадцать раз реже, или же я скажу, что добыча фунта золота стоила в тринадцать раз больше труда, чем добыча фунта серебра. Если теоретик не становится на точку зрения купца, которого на рынке интересуют лишь цены товаров, а не способ их возникновения, если он глубже заглядывает в сущность явлений и исследует, как произведены были появившиеся на рынке товары, то он всегда придет к тому выводу, что ценность товаров определяется условиями их *производства,* что она создается в мастерской, а не на *рынке.* Буржуазные теоретики стоят, правда, по большей части ближе к рынку, чем к мастерской, а поэтому общим правилом является полное непонимание ими теории трудовой ценности.

На рынке ценность только превращается в деньги, в цену; сначала лишь в воображаемые деньги в виде назначенной за товар цены, а затем и в реальные деньги, если товар продан. Чем более развивается капиталистическое хозяйство, тем более вдвигается промежуточных членов между мастерской и рынком, между производителем и тем, кто продает товар непосредственно потребителю, тем сильнее могут становиться обусловленные

этим обстоятельством отклонение достигнутой в действительности цены от теоретически определенной ценности. Но это не мешает тому, чтобы всегда все-таки условиями производства определялась в последнем счете ценность товара и чтобы цена постоянно оставалась зависимой от нее, как бы мало непосредственной ни оказывалась эта зависимость.

Капиталисты-практики сами определяют ценность товаров условиями их производства. Конечно, они понимают под этим не общественно-необходимое для их производства рабочее время, а издержки производства (заработную плату, затраты на машины, сырой материал и т. п.) плюс среднюю прибыль.

Вслед за ними и целый ряд теоретиков повторяет, что ценность товаров определяется издержками производства.

Но что истинно с точки зрения капиталиста-практика, то является бессмысленным с точки зрения теории, которая не старается ведь высчитать нормальную для данного момента цену, а стремится свести общественные явления капиталистического способа производства к их последним причинам.

Прибыль, по воззрениям капиталистов, принадлежит к издержкам производства, определяющим ценность продукта. Но эта «ценность» есть не что иное, как то, что в теории Маркса известно под именем цены производства, и сама она может быть понятна лишь с помощью закона ценности.

Потребительная ценность, рыночная цена, цена производства — вот те категории, которые выдвигаются нам под именем «ценности» различными теориями ценности, уклоняющимися от теории трудовой ценности. Одни из этих категорий, как потребительная ценность, связаны с меновой ценностью лишь постольку, поскольку они представляют необходимое условие ее существования, но отнюдь не являются причинами ее обуславливающими; другие, как цена производства или рыночная цена, представляют следствие меновой ценности и в силу этого не только не могут об'яснить меновых отношений, но, наоборот, необходимо предварительно об'яснить эти последние, чтобы возможно было об'яснение и данных категорий.

Теории эти довольствуются тем, что имеющиеся у продавцов и покупателей или у капиталистов представления об их деловых операциях они рассматривают, как истинные основания этих операций. Эти теоретики полагают, что они научно об'яснили какое-нибудь явление, если они собрали и изложили мысли практиков о данном явлении. Но для подобного изложения нет надобности в науке. Последняя должна вскрывать более глубокие корни общественных явлений и отношений, которые чаще всего остаются совершенно неведомыми участниками этих отношений, или же доходят до их сознания лишь в неполном и искаженном виде.

Из всех перечисленных здесь теорий, ценности ближе прочих подходят к истине та, которая пытается об'яснить ценность, исходя из издержек производства. Но ее попытка разбивается об'явлением средней прибыли. За исключением теории трудовой ценности, никакая другая теория не в состоянии об'яснить, чем определяется *величина* средней прибыли, почему при данных отношениях она составляет, скажем, 10 процентов, а не 1000. Прочие теории довольствуются тем, что либо оправдывают, либо психологически об'ясняют и *присвоение* прибыли. Но самая глубокая философия права и самая тонкая психология не в состоянии об'яснить, откуда берется прибыль, как она создается.

Для понимания общественных отношений теория прибыли имеет огромное значение. Но мы здесь не станем больше заниматься ею, а вернемся к теории прибавочной ценности. Теория прибыли — это теория дележа добычи — прибавочной ценности между различными слоями господствующих классов. Промышленный или сельско-хозяйственный капиталист

заставляет производить прибавочную ценность, но он не может удержать ее целиком в собственных руках. Он не только должен, если он прилагает свой капитал в отрасли производства с низким органическим строением капитала, уступить часть своей прибавочной ценности другим капиталистам, вложившим свои капиталы в отрасли с высоким органическим строением капитала, — этого процесса уравнения он не замечает и потому он его мало печалит, — но он также должен, и это он видит очень ясно, уплатить часть своей прибыли в виде процентов денежному капиталисту, у которого он взял деньги взаймы, отдать часть ее купцу в форме торговой прибыли, и, наконец, если он занимается сельским хозяйством, уступить часть ее в виде земельной ренты; последнюю он либо уплачивает землевладельцу, если он является арендатором, либо употребляет ее на уплату процентов на капитал, который он должен был затратить на покупку своей земли, если он сам владеет ею.

Но как ни важны все эти отношения между различными группами капиталистов, нас здесь прежде всего интересует отношение между капиталистом и рабочим, и притом не между отдельным капиталистом и отдельным рабочим, а между классом капиталистов и рабочим классом. Этих же отношений теория прибыли не касается, их она может только затемнить, так как она ставит величину прибыли в зависимость от целого ряда обстоятельств, которые совершенно не касаются отношений между трудом и капиталом.

Но какую бы форму ни принимала прибыль отдельного капиталиста, ее величина всегда зависит в последнем счете от величины прибавочной ценности, следовательно, от степени эксплоатации наемного рабочего. Это в особенности справедливо по отношению ко всему классу капиталистов в целом, так как сумма всех прибылей есть не что иное, как сумма всей прибавочной ценности.

Не из законов прибыли, а из законов прибавочной ценности мы научаемся понимать классовое противоречие и классовую борьбу между трудом и капиталом, из них же лучше всего мы можем понять особенность капиталистического способа производства.

Итак, в дальнейшем мы снова будем говорить лишь о ценности и прибавочной ценности, исходя из положения, что цена равна ценности, а прибыль равна прибавочной ценности. Мы должны отвлечься здесь от средней прибыли и от цены производства, точно также, как при изучении законов падения отвлекаются от сопротивления воздуха.

Понятно, что для приложения на практике выведенных законов приходится принять во внимание и оставленные здесь вне рассмотрения моменты.

ГЛАВА V

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Необходимое и *прибавочное рабочее время* образуют вместе *рабочий день.*

Необходимое рабочее время при данных обстоятельствах — определенной высоте производительности труда, потребностей рабочего класса и т. д.— представляет собой *определенную величину.* В нашем примере мы приняли эту величину равной шести часам. Рабочий день, само собой разумеется, ни при каком способе производства не может быть короче необходимого рабочего времени; при капиталистическом способе производства он должен быть длиннее его. Чем длиннее прибавочное рабочее время, тем больше, при всех прочих равных условиях, уровень прибавочной ценности. Стремление капиталиста направлено к тому, чтобы по возможности удлинить рабочий день. Охотнее всего он бы заставил рабочего непрерывно работать все 24 часа в сутки[1]). К величайшему его огорчению такая работа не может продолжаться долго. Рабочий потеряет, наконец, способность работать, если в его работе не будет перерывов для отдыха, сна и обеда. Но капиталист старается, по крайней мере, насколько возможно сократить эти перерывы и пред'являет притязание на рабочего в течение всего остального времени. Рабочая сила неотделима от рабочего, и в течение всего того времени, когда капиталисту принадлежит потребительная ценность рабочей силы, ему принадлежит также и личность рабочего. Каждая минута рабочего времени, которую рабочий тратит на себя, представляется капиталисту кражей из его собственного капитала[2]).

Но именно в силу той же неотделимости рабочей силы от рабочего, интерес последнего требует возможно большего сокращения рабочего

---

[1]) Парламентским исследованием положения рабочих в Австрии в 1883 г. было констатировано, что в различных прядильнях Брюнна работа продолжалась с утра субботы до утра воскресенья. К сожалению, это прекрасное обыкновение не ограничивается одним только Брюнном и одними только прядильнями.

[2]) Английские рабочие — да и не одни только английские — очень едко высмеивают ту строгость, с которой капиталист следит за тем, чтобы рабочий ничего не украл у него из того рабочего дня, который он купил у последнего. Так, про одного владельца каменоломни, они рассказывают следующую историю. В его каменоломне один рабочий был подброшен на воздух, благодаря одной преждевременно взорвавшейся мине, но сверх ожидания он упал обратно на землю невредимым. При расплате предприниматель вычел ему время, которое он был в воздухе и, следовательно, не работал. Нечто аналогичное произошло в штате Нью-Йорке при постройке кротонского водопровода. Нужно было прорыть гору. От взрывов в туннеле выделялись вредные газы, которые часто приводили рабочих в бесчувствие и на некоторое время (менее чем на час) делали их неспособными к работе. Это время им было вычтено из платы. В кантоне в Цюрихе один фабрикант, большой поклонник женщин, делал у работниц вычеты из платы за то время, которое они проводили с ним у него в конторе.

времени. В продолжение процесса производства он является только частью капитала; при капиталистическом способе производства он делается человеком только тогда, когда он перестает работать. Но на-ряду с этим *моральным* мотивом, за сокращение рабочего времени говорит также и *материальный*. Капитал стремится к тому, чтобы взять больше, чем ему следует по правилам товарного обмена.

Если капиталист покупает *дневную* рабочую силу по ее ценности, то ему принадлежит только потребительная ценность ее в продолжение одного дня, т.-е. капиталист имеет право ежедневно пользоваться рабочей силой только в течение такого времени, чтобы возможно было ее воспроизведение в неповрежденном виде. Если кто-нибудь покупает урожай одной яблони и, чтобы выжать из нее побольше прибыли, не только собирает яблоки, но и спиливает сучья, с целью воспользоваться деревом, то он этим нарушает договор, в который он вступил; дерево не сможет принести в следующем году столько же плодов, как прежде. Но то же самое происходит, если капиталист заставляет рабочего чрезмерно долго работать: это отражается на работоспособности и продолжительности жизни рабочего. Если в результате чрезмерной работы продолжительность способности к труду рабочего понижается с 40 лет до 20, то это означает не что иное, как то, что капитал средним числом употребляет в *один* день потребительную ценность *двух* рабочих дней; он уплатил рабочему за дневную рабочую силу, а потребил рабочую силу двух дней. Капиталист проповедует рабочему бережливость и мудрую предусмотрительность и в то же время принуждает их расточать единственное их достояние — рабочую силу [1]).

Тут речь идет о капиталисте, не как о частном лице, а как о представителе капиталистического способа производства, исполняющем его велечия, независимо от того, побуждается ли он к этому своей личной алчностью или конкуренцией.

Перед нами встает тут противоположность между интересами рабочего класса и класса капиталистов.

Первый стремится к тому, чтобы как можно больше сократить рабочий день, второй — чтобы его возможно больше удлинить. Результатом такого расхождения между интересами обоих классов является продолжающаяся еще и поныне, но начавшаяся уже столетиями раньше борьба, которая имеет огромное историческое значение. В этой борьбе трудящиеся пролетарии сознали солидарность своих интересов, она была главной причиной конституирования рабочих, как класса, и развития рабочего движения, как движения политического. Важнейшим из достигнутых уже практических результатов этой борьбы является регулирование государством длины рабочего дня — *нормальный рабочий день*.

В Англии, этом отечестве современной индустрии, условия и причины этой борьбы развились всего раньше и резче, поэтому и самая борьба разгорелась прежде всего именно там. «Английские фабричные рабочие были первыми застрельщиками не только английского, но и вообще современного рабочего класса, а их теоретики первые бросили перчатку теоретикам

---

[1]) Маркс цитирует одно место из статьи Др. Ричардсона в Social Science Review за 1863 г. Там сказано «В Maryl-bone (одном из самых больших кварталов Лондона), кузнецы умирают ежегодно в пропорции 31 человек на 1000, или на 11 человек больше средней смертности взрослых мужчин Англии. Занятие это, почти инстинктивное искусство человека, само по себе вполне безобидное, становится, вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может сделать столько-то ударов молотом в день, пройти столько-то шагов, дышать столько-то раз, исполнить столько-то труда и жить, в среднем, положим, 50 лет. Его заставляют сделать на столько-то больше ударов, пройти на столько-то шагов больше, дышать на столько-то чаще и в общей сложности, увеличить ежедневно на 1/4 свою жизнедеятельность. Он пытается делать это, и в результате оказывается, что в продолжение ограниченного периода времени он исполняет на 1/4 больше работы и *умирает 37-ми лет, вместо 50.*

капитала». И нигде нельзя так ясно проследить борьбу за длину рабочего дня и ее причины, как в Англии, где пресса, парламентские прения и следственные комиссии, равно как и официальные отчеты фабричных инспекторов доставили богатый материал, какого нельзя найти ни в каком другом государстве, материал, который тогда, когда Маркс заканчивал первый том «Капитала» (1866 г.) был единственным.

Поэтому Маркс дал нам подробное изображение только той борьбы за нормальный рабочий день, которая происходила в Англии. Его изложение дополняется книгой Энгельса о «Положении рабочего класса в Англии». Эта книга доходит только до 1884 г.; труд Маркса до 1866 года. Несмотря на это, данное ими изображение борьбы за нормальный рабочий день представляет и теперь не один только *исторический* интерес. Положение дел, которое там описано: хитрости, увертки и уловки, употреблявшиеся капиталом с тем, чтобы как можно больше удлинить рабочий день или превратить в иллюзию вынужденное сокращение его; отношение разных политических партий и рабочего класса к этим махинациям — все это так типично, что позднейшее соответственное развитие на континенте являлось только точной копией с английских отношений. Описанные Энгельсом 40 лет, а Марксом 20 лет тому назад отношения слишком живы еще и по сию пору в нашей среде. Скудный материал, доставленный за последние годы частными исследованиями и официальными сообщениями относительно положения дела в германской и австрийской промышленности является лишь красноречивой иллюстрацией к тому, что изложено в «Капитале». В предисловии к нему Маркс говорит, что он отвел в первом томе своего сочинения так «много места истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства потому, что «одна нация должна и может учиться у другой» и потому, что господствующим классам их собственный интерес повелевает устранение всех подчиняющихся законодательному контролю препятствий, мешающих развитию рабочего класса». Данное Марксом изображение положения рабочих в Англии было не совсем безрезультатно. Факты, которые он привел, были так убедительны, так неопровержимы, что они не могли не произвести впечатления не только на рабочий класс, но и на мыслящих членов господствующих классов. Успехи в фабричном законодательстве Швейцарии, Австрии, Германии не мало обязаны тому действию, которое произвел «Капитал».

Но число мыслящих и не погрязших в классовых предрассудках членов буржуазии, равно как и политическое влияние рабочего класса, еще слишком незначительны. Впечатление, получаемое при чтении страниц «Капитала», посвященных фабричному законодательству, сводится, главным образом, не к чувству удовлетворения за уже достигнутое, а к чувству стыда за то колоссальное невежество, которое и сейчас еще господствует у нас в сфере вопросов, касающихся фабричного законодательства. Только это невежество делает возможным то, что в европейских парламентах громко высказываются еще воззрения, давно уже опровергнутые фактами в Англии, воззрения, давно побежденные и забытые там — в этой «стране манчестерства», на которое у нас так любят фарисейски поглядывать свысока.

Подробная передача всего того, что мы находим в «Капитале» по вопросу о рабочем дне, здесь невозможна[1]). Мы рекомендуем каждому, кому это только сколько-нибудь возможно самому детально изучить по «Капиталу» все, что там имеется относительно положения вещей в тех отраслях промышленности, в которых рабочий день не был ограничен зако-

---

[1]) Эта тема детально разработана мною в брошюре: «Охрана рабочих, в особенности интернациональное законодательство по охране труда и восьмичасовый рабочий день». Особенное внимание обращено в ней на позднейшее развитие.

ном, относительно ночного труда, системы перепряжек и наконец относительно борьбы за нормальный рабочий день. Нет лучшего оружия в борьбе за законодательную охрану труда, как *восьмая* и *тринадцатая* главы «Капитала».

Вообще в области государственного регулирования длины рабочего дня в Англии наблюдается два противоположных течения: с 14-го и до конца 17-го столетия издавались законы для *удлинения* рабочего дня; с начала 19-го столетия законодательство направляется к его *сокращению.*

На первых стадиях капиталистического способа производства капитал был еще слишком слаб, чтобы, пользуясь одной только непосредственной силой экономических отношений, выжимать из рабочего достаточное количество прибавочного труда. Еще в 18-м столетии раздавались в Англии жалобы на то, что промышленные рабочие работают только 4 дня в неделю, так как за это время они достаточно зарабатывают, чтобы жить на свой заработок в течение всей недели. Чтобы понизить рабочую плату и удлинить рабочее время, тогда было предложено запереть бродяг и нищих в принудительный рабочий дом, который должен был быть домом ужаса В этом «доме ужаса» ежедневное рабочее время должно было равняться *двенадцати часам.*

Сто лет спустя, в 1863 году, в «век гуманности», следственная комиссия констатировала, что в гончарных заведениях Стаффордшира *семилетние дети работают изо дня в день по пятнадцати часов.*

Капитал не нуждался более в принудительных законах и смирительных домах, чтобы принудить рабочих к прибавочному труду; он вырос в такую экономическую силу, которой пролетарий против своей воли должен был подчиниться. С последней трети 18-го столетия в Англии возникло настоящее состязание в стремление к прибавочному труду, один капиталист пытался превзойти другого в безмерном удлинении рабочего времени.

Рабочий класс страшно быстро приходил в упадок физически и и морально; он заметно вырождался из года в год; даже постоянный приток свежей крови, благодаря приливу рабочих из деревень в фабричные округа, не мог задержать процесса уничтожения. «Хлопчато-бумажная промышленность насчитывает 90 лет — воскликнул оратор Ферронд в 1863 году в английской нижней палате.— За эти *три поколения* английской расы она уничтожила *девять поколений* хлопчато-бумажных рабочих».

Но фабрикантов это ничуть не смущало. Несмотря на быстрое потребление человеческих жизней, в требуемых рабочих силах не происходило никакого уменьшения; из деревень, из Шотландии, Ирландии, Германии массами устремлялись все новые кандидаты на смерть в английские фабричные округа и в Лондон, гонимые из своей отчизны гибелью туземной индустрии, превращением пахотной земли в пастбища и т. п.

Но если даже возможность вырождения народонаселения Англии не мешала классу фабрикантов увеличивать рабочий день, то она не могла не возбудить опасения у английских государственных деятелей, не принадлежавших к классу фабрикантов, равно как и у отдельных более дальновидных представителей этого класса. Что должно статься с Англией, что должно статься с английской индустрией, если капитализм так неудержимо высасывает все соки из ее населения?

Подобно тому, как во всех капиталистических государствах сделалось необходимым положить, насколько это возможно, предел истреблению лесов капиталом, точно также настойчиво возникла необходимость ограничить хищническое пользование рабочей силой нации. А английское рабочее движение, *первое из современных движений этого рода,* со своей стороны подталкивало вперед сознавших эту необходимость государственных деятелей.

Уже *Роберт Оуэн* выставил в начале нашего (19-го) столетия требование ограничения рабочего дня и ввел на своей фабрике рабочий день

в десять с половиной часов, достигнув этим блестящих результатов. Колоссально развившееся с 20-х годов рабочее движение, которое с 1835 г. организовалось в партию чартистов и вынудило одну за другой ряд уступок у господствующих классов, это движение ставило своей главной целью всеобщее избирательное право и десятичасовый рабочий день.

С каким упорством и ожесточением велась эта борьба; как капиталисты и юристы напрягали все силы своего ума, чтобы свести на нет всякую вырванную у них уступку; с каким мужеством и с какой энергией фабричные инспектора вступались за рабочий класс, входя в конфликты с самими министрами — впереди всех их стоял Леонард Горнер, память о котором должен высоко чтить всякий рабочий; как сторонники свободной торговли обещали рабочим десятичасовый рабочий день, пока они нуждались в последних, и как они самым циничным образом нарушили свое обещание, лишь только им удалось достичь уничтожения ввозных пошлин; и как, наконец, угрожающее положение, занятое рабочими, вынудило законодательное установление десятичасового рабочего дня, по крайней мере, для некоторых определенных категорий рабочих, — все это подробно и живо изображено в «Капитале» со множеством цитат и ссылок.

С начала 50-х годов рабочее движение в Англии пошло более спокойным путем. Оно не могло избегнуть действия на него поражения рабочего класса в Париже, равно как и одновременного поражения революции на всем континенте. С другой стороны, цель чартистского движения в ее существенных частях все более достигалась, и в то же время английская индустрия получила огромное развитие на счет промышленности других стран. В водоворот этого промышленного под'ема был вовлечен английский рабочий класс, так что он вообразил, что существует гармония между интересами английского капитала и английского труда, которым противостоит интерес капитала и труда прочих стран.

Несмотря на это, английское фабричное законодательство делало непрерывные успехи и в эти спокойные годы. Законом 27-го мая 1878 года все законодательство с 1802 по 1874 г.г., охватывающее шестнадцать отдельных фабричных законов, было об'единено и кодифицировано. Важнейшим приобретением этого закона было устранение различия между фабрикой и мастерской. С тех пор фабричное законодательство распространяется не только на заводы и фабрики, но и на более мелкие мастерские и даже, до известной степени, на домашнюю промышленность. Но охрана труда не простирается на взрослых мужчин, ограничиваясь детьми, подростками и женщинами. Закон 1878 года был впоследствии дополнен и в него были внесены различные улучшения путем целого ряда дальнейших законов, из которых особенно важными являются законы 1891 г. и 1901 г. Дети моложе 12-ти лет совсем не допускаются на фабричные работы. Дети от 12 до 14 лет могут ежедневно работать только половину того времени, какое работают подростки (от 14 до 18 лет) и женщины. Для последних рабочее время не должно превышать 60 часов в неделю, за исключением текстильных фабрик, в которых допускается не более 56½ часов в неделю. Всем, подвергнутым действию законодательной охраны труда лицам, запрещается работа по воскресеньям, равно как и в первый день Рождества и в страстную пятницу. Кроме того, им должны быть предоставлены в течение года 8 полупраздничных и 4 целых праздничных дней (не в субботу), из которых, по крайней мере, половина должна выпадать на время от 15-го марта до 1-го октября.

Благодаря этим законам в большинстве случаев и рабочее время мужчин ограничивается само собой десятью часами там, где последние работают вместе с женщинами и детьми. Но насколько необходимо распространение законодательной охраны также и на мужчин, показывает несчастное положение английских рабочих в тех отраслях труда, которые,

не находясь под покровительством закона, не представляют в то же время, в силу стечения каких-нибудь благоприятных обстоятельств, какого-либо привилегированного класса или рабочей аристократии.

Введение нормального рабочего дня дало поразительные результаты. Рабочий класс Англии, благодаря ему, был положительно спасен от гибели, а в силу этого и английская индустрия от упадка. Закон о десятичасовом рабочем дне не только не задержал развития английской промышленности, но, наоборот, имел своим последствием колоссальный, неслыханный до того расцвет ее. Нормальный рабочий день сделался в стране манчестерства национальным учреждением, посягнуть на которое никому не приходит даже в голову. Сами фабриканты, всеми средствами боровшиеся сначала против введения, а затем против проведения в жизнь нормального рабочего дня, впоследствии стали гордо бить себя в грудь и об'являть его одной из главных причин превосходства английской промышленности над промышленностью континента Европы.

Пример Англии и развитие капитализма со всеми сопутствующими ему явлениями в странах континента вызвали также и в них необходимость в регулировании рабочего времени, регулировании, которое было доведено до большей или меньшей степени, смотря по силе рабочего движения и по степени дальновидности господствующих политических партий, другими словами, смотря по тому, насколько они стояли выше ограниченной точки зрения фабрикантов.

Наиболее далеко ушедшей вперед по пути законодательной охраны труда на нашем континенте является бесспорно республиканская *Швейцария*. Союзный закон от 23 мая 1877 года, ставший на место различных кантональных фабричных законов, поскольку таковые существовали до него, устанавливает 11-часовый рабочий день для всех занятых на фабриках рабочих. Он идет далее английского закона, который не охраняет взрослых рабочих, но отстает от него, поскольку он устанавливает максимум в 11 часов рабочего времени, вместо 10 часов, и поскольку он оставляет вне сферы своего воздействия мелкие мастерские и домашнюю промышленность. Дети моложе 14 лет не могут вообще работать на фабриках, для подростков от 14 до 16 лет время школьного обучения вместе с работой на фабрике не должно превышать 11 часов ежедневно.

Франция получила свой первый фабричный закон в 1841 г. Он ограничивал ежедневное рабочее время для детей от 8 до 12 лет восемью часами, для детей от 12 до 16 лет двенадцатью часами. Но и этот жалкий закон существовал лишь на бумаге, точно также, как и 12-часовый нормальный рабочий день *для всех фабрик и мастерских*, который был установлен законом под давлением революции 1849 года. Не было инспекторов, которые следили бы за исполнением закона. Только законом 10-го мая 1874 года было положено начало более серьезному рабочему законодательству. Этот закон воспретил детский труд в возрасте моложе 12 лет в некоторых отраслях промышленности, и моложе 12 лет вообще. Рабочий день детей от 10 до 12 лет был ограничен 6 часами, подростков от 12 до 16 лет 12-ю часами. Для проведения этого закона были введены государственные фабричные инспектора, и в помощь им были созданы местные комиссии.

В 1892 году этот закон подвергся улучшению. Работа детей моложе 12 лет была совершенно запрещена, максимальный рабочий день для детей от 12 до 16 лет установлен в 10 часов, для юношей от 16 до 18 лет в 11 часов, причем недельное рабочее время не должно превышать 60 часов и для взрослых женщин-работниц максимальный рабочий день установлен также в 11 часов.

Несколько раз повторявшиеся попытки заменить 11-часовый день 10-часовым разбивались о сопротивление сената. Наконец, Мильеран

удалось провести компромисс. Законом 30 марта 1900 года для фабрик, на которых женщины и дети работают вместе с мужчинами, рабочий день для всех категорий устанавливается в 10 часов; но этот успех был куплен за счет относительного ухудшения положения детей. Здесь для всех категорий, даже для 12-летних детей, что представляет единственный пример во всем международном законодательстве по охране труда — была установлена *одна и та же длина* рабочего дня, и именно в течение первых двух лет с момента вступления в силу закона он должен был равняться 11 час., в течение двух следующих лет $10^1/_2$ часам и лишь затем должно было наступить осуществление 10-часового рабочего дня. Временно, следовательно, рабочее время наиболее нуждающейся в охране категории рабочих — детей было даже удлинено.

В *Австрии* с 11-го июля 1885 года существует для фабрик 11-часовый нормальный рабочий день, с оговоркою, впрочем, что министру торговли разрешается для некоторых отраслей промышленности удлинить рабочий день на 1 час [1]). Дети моложе 12 лет не могут быть употребляемы для регулярной промышленной работы (даже и в мелких мастерских).

Для «рабочих в юношеском возрасте» — по мнению ученых австрийского и многих других парламентов, детский возраст кончается 12 годами и затем ребенок превращается в «юношу» — ежедневное максимальное рабочее время установлено 8 часов.

Рабочее законодательство *Германии* стоит значительно ниже всех рассмотренных до сих пор, хотя оно и возникло позже их. Закон устанавливающий действующие в настоящее время нормы по охране труда, был издан в мае 1891 г. По этому закону дети моложе 13 лет совсем не могут работать на фабриках, дети от 13 до 14 лет могут работать не больше 6-ти часов, от 14 до 16 лет не больше 10 часов ежедневно. Для работниц старше 16 лет нормальный рабочий день установлен в 11 часов. Из рабочих же мужчин капиталисты теперь, как и прежде, могут выжимать столько соков, сколько им заблагорассудится.

Законодательство по охране труда в прочих странах Европы очень слабо развито. Оно простирается почти исключительно на работающих детей.

В *Соединенных Штатах* законы, охраняющие детей, а большей частью и женщин, работающих на фабриках, существуют в штатах Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачузет, Род-Айлэнде, Коннектикут, Нью-Иорк, Нью-Джерсей, Пенсильвания, Мэриленди, Огио. В большей части этих штатов установлен максимальный *десятичасовый* рабочий день для охраняемых категорий рабочих, только в Род-Айлэнде, он равняется *одиннадцати часам*. Детский труд до 13 лет запрещен в Пенсильвании, до 12 лет в Род-Айлэнде, до 10 лет в Нью-Гемпшире, Вермонте, Массачузете и Нью-Джерсее. В других штатах не установлено никакой возрастной границы. Вообще же, если не законодательным путем, то фактически в Соединенных Штатах все более завоевывает себе почву восьмичасовый рабочий день. Также обстоит дело и в Австралии.

Наконец, в последние годы начало выступать все более стремление вынести регулирование рабочего дня из прежних национальных границ на международную арену, охватывающую все капиталистические государства. Сначала в этом смысле высказались рабочие Швейцарии, Франции, Германии, Австрии и других стран, а с течением времени и правительства увидели себя вынужденными поднять тот же вопрос. Первым правительством, высказавшимся в пользу интернационального рабочего законодательства, был союзный совет Швейцарии. Но его попытка заинтересовать

---

[1]) Из всего закона до сих пор, кажется, наибольшим применением пользуется именно это примечание.

в этом деле прочие правительства разбилась об отрицательное отношение германского императорского правительства. Нормальный рабочий день был пугалом для Бисмарка. Падение железного канцлера расчистило дорогу прогрессу рабочего законодательства в Германии, и одно время казалось, что «новый курс» намерен решительно направиться в сторону социальных реформ. Между прочим, он ухватился тогда и за идею международного законодательства для охраны труда. Император Вильгельм II созвал в марте 1891 г. в Берлине конференцию из представителей европейских государств для обсуждения этой идеи. Как известно, конференция эта осталась совершенно безрезультатной.

Наоборот, международная борьба *рабочего класса* за восьмичасовый рабочий день, начало которой было положено на парижском международном социалистическом конгрессе в 1889 году, получила уже значение всемирно-исторического движения. *Праздник 1-го мая*, эта демонстрация во имя международного рабочего законодательства, превратился фактически в великолепный смотр сил и победный праздник международного борющегося пролетариата.

ГЛАВА VI

„ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ „МЕЛКОГО МАСТЕРА“ И ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ КАПИТАЛИСТА“.

Принимая ценность рабочей силы, а, следовательно, и рабочее время, необходимое для содержания рабочего, за величину данную, мы находим, что уровнем прибавочной ценности определяется уже и *количество* прибавочной ценности, которая доставляется отдельным рабочим. Если ценность рабочей силы равна 3 маркам и уровень прибавочной ценности 100%, то количество прибавочной ценности, которую производит эта рабочая сила равно 3 маркам. Но как велика общая масса прибавочной ценности, достающаяся капиталисту при определенных обстоятельствах? Предположим, что на него работает 300 рабочих при указанных выше условиях. Затрачиваемый им ежедневно переменный капитал равняется тогда 900 маркам, уровень прибавочной ценности составляет 100%. Количество последней будет составлять тогда ежедневно также 900 марок. «Масса произведенной прибавочной ценности равна величине авансированного переменного капитала, умноженной на уровень прибавочной ценности».

Если один из этих множителей уменьшается, то количество прибавочной ценности может быть поддержано на прежнем уровне путем увеличения второго множителя. Наоборот, увеличение одного из них допускает соответствующее уменьшение другого без изменения количества прибавочной ценности. Несколько примеров могут пояснить это. Предположим, что какой-нибудь капиталист нанимает 300 рабочих; необходимое рабочее время составляет 6 часов; ценность рабочей силы равна 3 маркам; длина рабочего дня — 12 часам. Количество производимой ежедневно прибавочной ценности будет тогда равно 900 маркам. Предположим затем, что безответная покорность рабочих позволила капиталисту удлинить рабочий день до 15 ч. При всех прочих равных условиях уровень прибавочной ценности составит теперь уже 150% $\left\{\frac{\text{9 часов прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}}\right\}$. Чтобы произвести теперь то же количество прибавочной ценности, что и прежде (900 м.), капиталисту достаточно уже шестисот марок переменного капитала, вместо 900 марок; он может удовлетвориться уже 200 рабочими, вместо прежних 300.

Но если рабочие несговорчивы, если путем особенно удачной стачки им посчастливилось добиться сокращения рабочего дня с 12 до 9 часов, то уровень прибавочной ценности упадет до 50% $\left\{\frac{\text{3 часа прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}}\right\}$. Чтобы произвести прежнее количество прибавочной ценности, капиталист должен теперь нанять 600 рабочих, другими словами — авансировать переменный капитал в 1800 марок.

Излишне, конечно, подчеркивать, что первая комбинация более улыбается капиталисту. Он стремится к тому, чтобы, по возможности, увеличить количество прибавочной ценности, но ему желательнее достичь этого путем повышения уровня прибавочной ценности, чем путем увеличения переменного капитала, т.-е. путем увеличения числа занятых рабочих.

Но уровень прибавочной ценности не может быть увеличиваем по произволу; при данных определенных условиях он представляет более или менее определенную величину. Принимая уровень прибавочной ценности за величину данную, мы находим, что производство известного количества прибавочной ценности требует затраты определенного количества переменного капитала, который ее создает, и определенного количества постоянного капитала, который ее всасывает.

Это обстоятельство приобрело серьезное историческое значение.

Еще до того, как развился капитализм, наемные рабочие употреблялись для производства прибавочной ценности. Это имело место в цеховых ремеслах. Но число рабочих, которых употреблял средневековый ремесленный мастер, было очень незначительно, а в силу этого и количество прибавочной ценности, доставшейся ему на долю, было также невелико. Ее обыкновенно было недостаточно, чтобы доставить ему приличный доход, и он сам должен был также принимать участие в работе; «мелкий мастер» не является наемным рабочим, но он и не капиталист: он представляет нечто среднее между ними.

Для того, чтобы мастер, пользующийся наемными рабочими, превратился в настоящего капиталиста, необходимо было, чтобы от стал нанимать такое количество рабочих, при котором масса произведенной ими прибавочной ценности не только обеспечивала бы ему «приличествующее его положению» содержание, но также позволяла бы постоянно увеличивать свое богатство. Такое непрерывное увеличение богатства является для него при капиталистическом способе производства, как мы это еще увидим в дальнейшем, совершенно необходимым.

Не всякая, следовательно, денежная сумма дает возможность своему обладателю стать капиталистом. Чтобы обладатель денег мог сделаться промышленным капиталистом, его запас денег должен быть достаточно велик, чтобы дать ему возможность приобрести такое количество рабочих сил и средств производства, которое выходит уже за пределы ремесленного производства. Но наш обладатель денег должен также иметь возможность производить, не будучи стеснен всеми теми препятствиями, которые не позволяли бы ему произвольно повышать число своих рабочих сверх необходимой нормы. Средневековые цехи пытались воспрепятствовать превращению ремесленного мастера в капиталиста путем ограничения числа наемных рабочих, которых мог нанимать отдельный мастер.

«Родоначальником современной (капиталистической) мастерской был купец, а не старый цеховой мастер». (Маркс, «Нищета философии», стр. 135, нем. изд.).

Цеховой мастер присваивал прибавочную ценность, но он не является еще настоящим капиталистом.

Цеховой подмастерье производит прибавочную ценность, но он не представляет пролетария, живущего наемной работой, в полном смысле этого слова.

Цеховой мастер работает еще сам. Капиталист же только распоряжается и надзирает за работой других.

Цеховой подмастерье еще сам пользуется средствами производства, они существуют для него, чтобы сделать ему возможным труд и облегчить его. Он является помощником, сотрудником мастера, он хочет и обыкновенно может сам сделаться мастером.

Наемный рабочий капиталистического способа производства, наоборот, представляет единственного работника в производственном процессе и

источник прибавочной ценности, капиталист же является только выкачивателем последней. Средства производства служат теперь прежде всего цели — всасывать в себя рабочую силу работника, *теперь они пользуются рабочим*, который фактически никогда не может уже сделаться капиталистом. Орудия труда теперь существуют не для того, чтобы *облегчать* рабочему его работу, а для того, чтобы *приковывать* к ней.

Взглянем на капиталистическую фабрику: мы находим там тысячи веретен, тысячи центнеров хлопка. Все они куплены для того, чтобы возрасти в ценности, т.-е. чтобы всосать в себя прибавочную ценность. Но они не могут возрасти в ценности без помощи труда, а поэтому они требуют труда, все нового и нового труда. Прядильная машина там существует не для того, чтобы облегчить рабочему его труд, но сам прядильщик приставлен к ней, чтобы возрастала ее ценность. Веретена быстро вертятся и требуют человеческой рабочей силы; рабочий голоден, но веретено продолжает вертеться, и он должен проглатывать свой обед, не переставая прислуживать своему господину. Его силы слабеют, он хочет спать, но веретена бодро и живо все вертятся да вертятся и требуют новой и новой работы. Веретено не знает устали, и рабочий, поэтому, не смеет спать.

Мертвое орудие *поработило* живого работника.

ГЛАВА VII

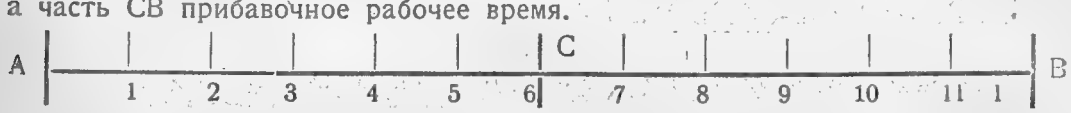
ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ

Если необходимое рабочее время, т.-е. часть рабочего дня в течение которой производится лишь такое количество ценности, какое капиталист должен уплатить за товар — рабочую силу, представляет собою определенную величину, тогда уровень прибавочной ценности может быть увеличен только путем *удлинения рабочего дня*. Если необходимое рабочее время равняется, напр., ежедневно 6 часам и остается неизменным, как это необходимо должно быть, раз остаются неизменными и данные условия производства, тогда уровень прибавочной ценности может быть увеличен только посредством удлинения рабочего дня.

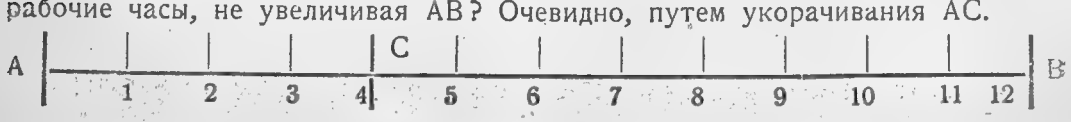
Действие этого обстоятельства мы рассмотрели в V главе.

Но рабочий день не может быть удлиняем до бесконечности. Стремление капиталиста удлинить его встречает *естественные* границы в усталости рабочего, *моральные* границы в притязаниях последнего на свободную деятельность как человека, и границы *политические*, в виде ограничения рабочего дня государством, которое вынуждается к этому различными общественными отношениями. — Предположим, что рабочий день достиг границы, за которую он не может быть удлинен при данных обстоятельствах; пусть таким пределом является двенадцатичасовой рабочий день. Необходимое рабочее время равняется при этом 6 часам и уровень прибавочной ценности составляет, следовательно в 100%.

Как теперь увеличить этот уровень? Очень просто. Стоит только сократить необходимое рабочее время с 6 часов до 4 часов, и время прибавочного труда увеличится с 6 до 8 часов, *длина* рабочего дня осталась прежняя, но *отношение* двух его составных частей, *необходимого* и *прибавочного* рабочего времени сделалось уже другим. Вместе с тем изменился и уровень прибавочной ценности. Путем сокращения необходимого рабочего времени с 6 до 4 часов, уровень прибавочной ценности, при 12-часовом рабочем дне, возрос со 100 до 200 процентов, т.-е. *он удвоился*. Для наглядности представления изобразим длину рабочего дня и его составных частей линиями определенной длины. Предположим, что линия AB изображает 12-часовой рабочий день, ее часть AC изображает необходимое, а часть CB прибавочное рабочее время.



Как можно удлинить CB на две единицы длины, представляющие рабочие часы, не увеличивая AB? Очевидно, путем укорачивания AC.



На первой линии СВ равно по длине АС, на второй СВ вдвое длиннее, чем АС.

Можно, следовательно, получать прибавочную ценность не только путем *абсолютного удлинения рабочего дня*, но и посредством *сокращения необходимого рабочего времени*.

Прибавочную ценность, произведенную путем удлинения рабочего дня, Маркс называет *абсолютной прибавочной ценностью*; прибавочную же ценность, полученную в результате сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения в отношении величин обеих составных частей рабочего дня, он называет *относительной прибавочной ценностью*.

Стремление капиталиста увеличить прибавочную ценность вторым способом проявляется в неприкрытом виде в его попытках понизить заработную плату. Но так как ценность рабочей силы при данных обстоятельствах представляет определенную величину, то это стремление может клониться только к тому, чтобы *понизить цену рабочей силы ниже ее ценности*. Как ни важна роль, которую играет на практике это обстоятельство, мы не можем заняться его рассмотрением здесь, где дело идет об *основных причинах* экономического развития, а не о *внешних формах проявления*.

Мы должны поэтому исходить здесь из предположения, что все происходит нормальным порядком, что цена соответствует ценности, а следовательно, и заработная плата рабочего — ценности его рабочей силы. Мы не станем, стало быть, пока заниматься здесь исследованием того, как может быть заработная плата низведена до такой степени, чтобы стать ниже ценности рабочей силы, и какие последствия влечет за собою это явление; мы займемся только изучением того, как может быть понижена сама *ценность* рабочей силы.

Рабочий имеет при данных обстоятельствах определенные потребности; он нуждается для содержания себя и своего семейства в определенном количестве *потребительных ценностей*. Эти предметы потребления представляют товары, ценность которых обуславливается рабочим временем, общественно-необходимым для их производства. Все это уже нам известно и не нуждается в дальнейшем об'яснении. Если среднее, общественно-необходимое для производства упомянутых предметов потребления рабочее время понижается, то понижается и ценность этих продуктов, а вместе с нею понижается и ценность рабочей силы рабочего, что влечет за собою сокращение той части рабочего дня, которая необходима для восстановления этой ценности, без ограничения, однако, обычных потребностей рабочего. Другими словами: *если возрастает производительность труда, то, при известных обстоятельствах, ценность рабочей силы понижается*.

Но это только при известных обстоятельствах, именно, только тогда и лишь постольку, когда и поскольку повышение производительности труда сокращает рабочее время, необходимое для изготовления средств к жизни, обычно потребляемых рабочим. Если рабочий привык носить сапоги вместо того, чтобы ходить босиком, то ценность рабочей силы уменшится, если для производства пары сапог вместо прежних 12 рабочих часов требуется теперь только 6 часов. Но если удвоится производительность труда шлифовальщиков алмазов или кружевников, то это не окажет никакого влияния на ценность рабочей силы.

Но повышение производительности труда возможно только путем *изменения способов производства* — улучшения орудий труда или методов труда. *Производство относительной прибавочной ценности обуславливается, следовательно, переворотами в способах труда*.

Эти перевороты и постоянные усовершенствования в способах производства являются естественно необходимыми для капиталистической системы производства. Отдельный капиталист может, правда, и не сознавать, что

чем дешевле он производит, тем ниже становится ценность рабочей силы и тем выше, при всех прочих равных условиях, прибавочная ценность. Но конкуренция постоянно принуждает его к новым улучшениям в способах производства. Стремление превзойти конкурентов побуждает его вводить такие методы, которые позволяли бы ему за время, меньшее, чем среднее необходимое, произвести столько же товаров как и прежде. Но та же конкуренция принуждает и его конкурентов также вводить усовершенствованные способы производства. Те добавочные барыши, которые доставляли эти способы, пока они применялись только отдельными капиталистами, исчезают, лишь только данный способ производства получает всеобщее распространение; но поскольку этот способ более или менее влияет на производство необходимых средств к жизни, его *постоянным* следствием остается более или менее значительное понижение ценности рабочей силы и соответствующее повышение относительной прибавочной ценности.

Это является только одной из причин, в силу которых капитализм постоянно изменяет способы производства и тем способствует все большему возрастанию относительной прибавочной ценности.

Если повышается производительная сила труда, то повышается также и уровень относительной прибавочной ценности, тогда как ценность производимых товаров соответственно падает. Таким образом, мы видим, что развивается кажущееся противоречие, заключающееся в том, что капиталисты непрерывно стараются производить все дешевле и дешевле, все более стараются понизить ценность своих товаров, чтобы иметь возможность положить себе в карман тем большую ценность. Но перед нами еще и другая кажущаяся несообразность: чем выше производительность труда, тем больше при господстве капиталистического способа производства прибавочный труд, тем продолжительнее прибавочное рабочее время рабочего. Капиталистический способ производства стремится к тому, чтобы повысить до колоссальных размеров производительную силу труда, уменьшить до минимума необходимое рабочее время и, в то же время, насколько только возможно, удлинить рабочий день.

Как он удлинял рабочий день, мы уже видели в V главе. Посмотрим теперь, как он сокращал необходимое рабочее время.

ГЛАВА VIII

КООПЕРАЦИЯ

Мы видели в VI главе этого отдела, что недостаточно нанимать рабочих, чтобы быть капиталистом в полном смысле этого слова.

Тот, кто заставляет работать на себя наемных рабочих, становится капиталистом лишь тогда, когда масса произведенной ими прибавочной ценности будет достаточно велика, чтобы доставить ему «приличествующий его положению» доход, и увеличивать его богатство, не заставляя его самого принимать непосредственное участие в работе. Это предполагает одновременное применение такого числа рабочих, которое далеко превосходит количество их, допускавшееся при цеховом ремесле. «Совместное действие большого числа работников в одно и то же время, на одном и том же пространстве (или, если угодно, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товара, под командой одного и того же капиталиста, *образует исторически и логически исходный пункт капиталистического производства*».

Различие между капиталистическим и ремесленным способом производства является, поэтому, на первых порах различием только в *степени*, а не в *характере* их. Занимаю ли я одновременно и на одном и том же пространстве трех ткачей, работающих на трех ткацких станках, или 30 ткачей, работающих на 30 таких же станках — это, повидимому, может иметь своим следствием лишь ту разницу, что во втором случае производится вдесятеро больше ценности и прибавочной ценности, чем в первом.

Но употребление большого числа рабочих приносит с собой еще другие различия. Прежде всего надо принять во внимание закон больших чисел, т.-е. то обстоятельство, что индивидуальные особенности делаются тем более заметными, чем меньшее количество индивидуумов подвергается наблюдению, и тем больше стушевываются, чем более данное наблюдение приближается к наблюдению массовому. Если мы хотим узнать среднюю продолжительность человеческой жизни, то мы, по всей вероятности, сделаем ошибку, если произведем вычисление, исходя из продолжительности жизни 5 — 6 лиц. Но с большой вероятностью можем предположить, что полученный нами результат очень близок к истине, если мы приняли в расчет продолжительность жизни миллиона людей.

Точно также индивидуальные различия отдельных рабочих будут более заметны, если мы будем употреблять только 3-х рабочих, чем если их занято 30 человек. Во втором случае большее количество труда, доставляемое хорошим работником, и меньшее, доставляемое дурным, взаимно выравниваются и в результате получается *средний труд*. По мнению Берка (Burce) уже при одновременном употреблении 5-ти сельско-хозяйственных рабочих исчезают все индивидуальные различия, так что какие угодно

5 рабочих обыкновенно доставляют столько же работы, как и другие 5 — произвольно взятых.

Мелкий мастер только случайно может получить от своих рабочих общественно-средний труд. И только для капиталиста становится возможным, чтобы приводимый им в движение труд, *постоянно* являлся трудом общественно-средним.

Одновременный труд многих рабочих в одном и том же месте приносит с собой еще другие выгоды. Для сооружения мастерской, где работают 30 ткачей, не приходится затрачивать в 10 раз больше средств, чем стоит помещение, где ткут 3 ткача. Равным образом и магазин для 100 центнеров шерсти не стоит в 10 раз больше, чем магазин, вмещающий 10 центнеров и т. д. Ценность постоянной части капитала, которая снова появляется в продукте, уменьшается, следовательно, тем более по отношению к числу рабочих, чем больше их занято, при прочих равных условиях, в определенном процессе труда. Вместе с тем растет прибавочная ценность по отношению ко всему авансированному капиталу, и вместе с тем падает также ценность продукта, а при известных, в предыдущей главе выясненных обстоятельствах, также и ценность рабочей силы. В последнем случае прибавочная ценность растет также и по отношению к переменному капиталу.

Одновременное употребление многих рабочих в одном и том же месте для достижения определенного результата ведет к их *планомерному сотрудничеству*, т.-е. *кооперации*. Последняя создает *новую общественную производительную силу*, которая больше суммы отдельных производительных сил, из которых она состоит и отличается новыми свойствами.

Новая сила есть прежде всего сила масс; она делает возможными многие рабочие процессы, которые с меньшими силами или совсем не смогли бы быть совершенны, или же совершались бы неудовлетворительно: 30 человек легко и быстро поднимают дерево, над которым 3 человека напрасно промучились бы в течение целого дня. Кооперация делает также возможным выполнение тех работ, при которых требуется не *сила масс*, а *концентрация на большом промежутке времени* возможно большего количества труда, как, напр., при уборке хлеба.

Но даже и там, где не требуется ни большое количество рабочих сил, ни соединение и концентрация их на небольшом промежутке времени или в одном и том же месте, кооперация все-таки приносит выгоду; она повышает *производительность труда*. Каждому известно, каким образом при постройке дома поднимаются на леса кирпичи: составляется цепь из рабочих, которые и передают кирпичи друг другу. В результате этого планомерного сотрудничества кирпичи совершают свой путь гораздо быстрее, чем если бы они поднимались на леса отдельными рабочими.

Наконец, не следует забывать, что человек есть животное общественное, что его дух оживает при совместной работе и что при этом начинают играть роль также честолюбие и соревнование. Таким образом, общественная работа идет быстрее и количество ее соответственно больше, чем у изолированных работников.

При капиталистической системе наемные рабочие только тогда могут вступить в сотрудничество, когда их рабочие силы покупаются одним и тем же капиталистом. Чем больше рабочих сил нужно купить, тем больше должен быть переменный капитал; чем больше занято наемных рабочих, тем большая масса требуется сырого материала и орудий и тем больше, следовательно, должно быть необходимое количество постоянного капитала. Существование кооперации в известном об'еме предполагает, следовательно, известную величину капитала. Последняя становится теперь предварительным условием капиталистического способа производства.

Кооперация свойственна не одному только капиталистическому способу производства. В первобытных формах мы встречали ее уже у индейцев.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Мы видели, что их планомерное сотрудничество на охоте требует и *планомерного руководительства*. Последнее необходимо во всяком общественном труде, какова бы ни была его форма. При капиталистическом способе производства руководительство производством необходимо превращается в одну из функций капитала. Тут перед нами снова обнаруживается плодотворность делаемого Марксом различения двойственного характера труда, производящего товары. Соответственно этому двойственному характеру труда, при капиталистическом способе производства, как мы уже видели, процесс производства представляет единство процесса труда и процесса возрастания ценности. Поскольку процесс производства является *процессом труда*, капиталист является *руководителем* производства, и функция, которую он исполняет при этом, является более или менее необходимой при каждом общественном процессе труда. Но *капиталистический* процесс производства, как процесс *возрастания ценности* имеет в основе своей *противоположность* интересов капитала и труда, как мы это уже выяснили по отношению к рабочему дню. Для того, чтобы процесс возрастания ценности мог беспрепятственно протекать в направлении, желательном для капиталиста, он должен обуславливать *подчинение* рабочего *деспотическому господству* капиталиста. Но процесс образования ценности и процесс труда образуют только две стороны одного и того же процесса — капиталистического способа производства, и поэтому руководительство производством и деспотическое господство капитала над рабочим представляются как бы тождественными и так как первое является технической необходимостью, то буржуазная экономия уверяет нас, что господство капитала над трудом является технической необходимостью, вызываемой самой сущностью явления, и что с устранением господства капитала должно уничтожиться само производство, поскольку оно носит общественный характер; она уверяет нас, что господство капитала является естественным и необходимым условием возможности цивилизации.

Родбертус также заявил, что, как руководители производства, капиталисты являются чиновниками общества и имеют право на получение содержания. Но подобно тому, как капиталист производит потребительные ценности только в силу того, что иным способом он не может завладеть ценностями, точно также и руководительство производством является для него лишь неизбежным злом, которое он терпит только потому, что оно неразрывно связано с процессом возрастания ценности его капитала Но он старается избавиться от этого зла всюду, где он только может это сделать, не уменьшая своей прибавочной ценности. Если его предприятие достаточно велико, то он представляет управление им наемникам, директорам и прочему служебному персоналу. Иногда он пользуется также другими способами, чтобы освободиться от руководительства производством. Во время, напр., хлопчато-бумажного кризиса, в начале шестидесятых годов, английские хлопчато-бумажные фабриканты позакрывали свои прядильные фабрики, чтобы играть на хлопковой бирже и там добывать себе «содержание». Утверждение, что капиталисты заслуживают плату за свое руководительство производством напоминает нам историю с мальчуганом, который увидал яблоню, покрытую чудными яблоками, но отделенную от него высокой стеной. Соблазн был слишком велик и он решил перелезть через стену, что удалось ему только после больших усилий. Когда он наслаждался уже яблоками, появился владелец сада и спросил его — по какому праву рвет он чужие яблоки. «Я честно заработал их»,— ответил мальчишка,— «они представляют собою плату за тяжелый труд перелезания через стену». Как мальчишка мог добраться до яблок, только перелезши через стену, так и капиталист обыкновенно может добраться до прибавочной ценности только руководя производством.

Следует устранить здесь еще одно своеобразное воззрение, встречающееся в экономических сочинениях. Мы принимали до сих пор, что

капиталист покупает рабочую силу по ее полной ценности. Но собранные вместе рабочие силы, которые он покупает, приобретают в своем планомерном сотрудничестве новую производительную силу. Они производят больше, чем если бы каждая из них работала самостоятельно. Эту новую производительную силу капиталист не оплачивает, она не имеет никакого отношения к *товарной ценности* рабочей силы, она представляет только особенность ее *потребительной ценности*. Эта новая сила обнаруживается только во время процесса труда, следовательно, лишь после того, как товар — рабочая сила вступила в собственность капиталиста, *после того как она превратилась в капитал*. Поэтому капиталистам и их защитникам представляется, будто это повышение производительности труда должно быть приписано не самому труду, а *капиталу*. «Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу,, и так как она с другой стороны, развивается работником не раньше, чем его труд станет собственностью капитала, то она представляется производительной силой, как бы принадлежащей капиталу от природы».

Кооперация, как уже было упомянуто, свойственна не одному только капиталистическому способу производства. Совместное общественное производство свойственно уже первобытному коммунизму, который существовал на заре человеческой истории. Земледелие первоначально носило кооперативный характер, велось совместными усилиями. Распределение земли между отдельными семьями произошло лишь впоследствии. В первом отделе мы приводили уже примеры кооперации у индейцев и индусов.

Развитие *товарного* производства уничтожило эту *первобытную кооперацию*. Правда, товарное производство расширяет круг людей, работающих друг *для* друга, но *совместный* труд почти совсем прекращается, кроме носящей характер *принудительного труда* работы рабов, крепостных или подданных на их господ.

Капитал, в противоположность изолированности и раздробленности сил в крестьянском хозяйстве и ремесленной промышленности, снова развивает кооперацию, возрождает общественный совместный труд. Кооперация есть основная форма капиталистического способа производства — его особенная историческая форма внутри товарного производства. Капитал стремится все сильнее развивать общественное производство, он развивает все более высокие формы кооперации: мануфактуру, крупную индустрию. Его целью при этом является возрастание прибавочной ценности. Но, помимо своей воли, он подготовляет, таким образом, почву для новой, высшей формы производства.

Ремесленное товарное производство покоится на *раздроблении* и взаимном *изолировании* занятий; капиталистическое производство покоится, напротив, на *об'единении* работ, на *общественном совместном* производстве. Ремесленное товарное производство предполагает, как правило, многих мелких *самостоятельных* товаропроизводителей; капиталистическое, покоящееся на кооперации, предприятие ставит над отдельными работниками безусловную власть капиталиста.

В первом отделе мы видели два примера прибавочной кооперации и разделения труда, мы проследили затем возникновение товарного производства, посмотрим теперь, как развивался капиталистический способ производства, являющийся одновременно товарным и кооперативным производством.

Если капиталистическое товарное производство отличается от ремесленного товарного производства концентрацией предприятий и организацией совместного общественного труда, то, с другой стороны, капиталистическая кооперация отличается от первобытно-коммунистической безусловной властью капиталиста, который одновременно является руководителем производства и владельцем средств производства, и которому также достаются продукты кооперативного труда, принадлежащие при первобытной кооперации самим работникам.

ГЛАВА IX

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

1. Двойственное происхождение мануфактуры. Ее элементы: детальный работник и его орудие

В первом отделе мы могли пользоваться, как основой для нашего изложения, кроме «Капитала» Маркса, отчасти еще его «Наемным трудом и капиталом». В изложении этой и следующей главы, которые занимаются вопросами о разделении труда и мануфактуре, машинном производстве и крупной индустрии, мы воспользуемся кроме «Капитала», еще «Нищетой философии» Маркса, именно вторым параграфом второй главы, озаглавленным: «Разделение труда и машины».

Литература, изображающая вредные последствия, проистекающие для рабочих от разделения труда в капиталистической мануфактуре, подробнее разобрана в «Нищете философии», чем в «Капитале». Вышеупомянутый параграф 2-й может, следовательно, служить дополнением к двум подлежащим теперь рассмотрению главам «Капитала», которые, по нашему мнению, принадлежат к числу наиболее замечательных вещей, написанных Марксом, и на которые, к сожалению, до сих пор большинство из читающих «Капитал» не обращает того внимания, которого они заслуживают [1]).

Прежде всего нам предстоит рассмотреть мануфактуру, «тот род индустрии, который, не являясь еще новейшей крупной индустрией с ее машинами, не является уже больше ни средневековой, ни домашней промышленностью» («Нищета философии» стр. 121, нем. изд.). Как характерная форма капиталистического способа производства, она господствует приблизительно со средины 16-го вплоть до конца 18-го века [2]).

Происхождение мануфактуры было двоякое. С одной стороны, капитал застал продукты, которые должны были проходить через руки разных ремесленников, прежде чем они получили свою окончательную форму. Так, карета путешествовала от тележника к седельщику, к обойщику, живописцу, стекольщику и т. д. На место разнообразных самостоятельных ремесленников капиталист поставил наемных рабочих соответственных отраслей

---

[1]) Густав Гросс является одним из немногих понявших значение этих глав. См. «Karl Marx» von Dr. G. Gross Leipzig, 1885 г., стр. 82.

[2]) Слово — м а н у ф а к т у р а происходит от латинских слов manus (рука) и factus (сделанный, изготовленный). Одной из важнейших отраслей промышленности, которыми овладела мануфактура, была обработка волокнистых веществ, как шерсть, хлопок и т. п. Поэтому очень часто еще и теперь заведения текстильной промышленности называют мануфактурами, если даже они принадлежат уже не к области мануфактуры, а к области крупной индустрии, применяющей машины. Иногда даже, говоря о мануфактуре, имеют в виду самую текстильную промышленность. Этот способ выражения не верен.

труда, которые в одном и том же рабочем помещении планомерно работали вместе над изготовлением кареты.

Но мануфактура развивалась также и противоположным путем. Капиталист об'единил в одном рабочем помещении ряд работников, которые все производили один и тот же продукт, напр., игольщиков. Каждый из них исполнял в известной последовательности все те операции, которые необходимы были для приготовления продукта. Но как только большое число работников начало работать таким образом, это привело, естественно, к *разделению* различных функций между различными работниками. Итак, с одной стороны, мануфактура возникла путем *соединения* разнородных самостоятельных ремесл, с другой стороны, путем *разделения* различных функций одного ремесла между различными работниками.

Но была-ли детальная функция, которая достается на долю работника в мануфактуре, прежде самостоятельной функцией отдельного ремесленника, или она возникла из разложения функций одного ремесла. Всегда основу мануфактуры, не только историческую, но и техническую, составляет ремесло.

Неизменным условием ее является по прежнему то, что каждая отдельная операция выполняется *человеческой рукой.*

В мануфактуре, так-же как и в ремесле, результат труда зависит в очень сильной степени от ловкости, уверенности и быстроты отдельного работника.

Но между работником в ремесле и в мануфактуре возникает уже очень серьезное различие. Разнообразные операции ремесленного работника заменяются у мануфактурного работника операциями простыми, однообразными, монотонно повторяющимися изо дня в день, из года в год. Работник не является здесь уже больше целесообразно и осмысленно действующим самостоятельным производителем, он превращается в несамостоятельную часть одного большего рабочего механизма, он представляет как бы один из членов коллективного работника.

Виртуозность работника в той ограниченной области, в которой он теперь действует, благодаря этому, конечно, сильно возрастает. Он изобретает целый ряд новых приемов труда, сообщает их своим товарищам по мастерской и сам, в свою очередь, учится у них. Перемена места и орудий, которая необходимо связана с многосторонностью труда, причиняет излишнюю трату времени и рабочей силы; эта трата не имеет места у детального работника мануфактуры, который непрерывно работает на одном и том же месте и одним и тем-же орудием.

С другой стороны перемена занятий влечет за собой отдых и придает труду привлекательность, которых не достается на долю детального работника.

Разделение труда в мануфактуре развивает не только виртуозность работника, но вызывает также усовершенствование его орудий. Орудие, которое должно исполнять разнообразнейшие функции, не может быть приспособлено к совершенному выполнению каждой из них; орудие, которое употребляется исключительно при одной операции, может быть вполне приспособлено к ней и поэтому оно будет функционировать гораздо успешнее, чем прежнее орудие.

Все эти обстоятельства влекут за собой значительное повышение производительности труда в мануфактуре сравнительно с ремеслом.

2. Две основные формы мануфактуры

Мы рассматривали до сих пор двоякое происхождение мануфактуры и ее простые элементы, детального работника и его орудие. Рассмотрим теперь ее, взятую в целом.

Мануфактура имеет две, одна от другой существенно различающиеся основные формы, которые определяются природой продукта. Последний ими составляется из ряда самостоятельных детальных продуктов, или получается в результате ряда комбинирующихся манипуляций и операций, которые все последовательно имеют дело с одним и тем же предметом труда.

Каждую из этих двух основных форм мануфактуры мы можем иллюстрировать известным примером. Биллм Петти поясняет мануфактурное разделение труда *производства часов*, которое может быть причислено к первому типу мануфактуры. При ремесленном производстве часы были первоначально продуктом труда отдельного работника, который сам изготовлял их целиком от начала до конца. Но как только производство часов приняло капиталистический характер, приготовление каждой составной части часов, равно как и их соединение, было поручено особому детальному работнику.

Таким образом, имеются отдельные рабочие, изготовляющие часовые пружины, циферблаты, футляры, стрелки, оси и т. д. и наконец, рабочие, собирающие часы и дающие им правильный ход.

Пример мануфактуры второго типа дан нам Адамом Смитом в его знаменитом изображении производства булавок, как оно происходило в его время.

«Один рабочий тянет проволоку,—рассказывает он,—другой расправляет ее, третий режет на куски, четвертый заостряет, пятый оттачивает другой ее конец, на который должна быть надета головка. Изготовление булавочной головки само требует от двух до трех различных операций. Прикрепление головки к булавке представляет особую операцию, беление булавки опять-таки другую. Даже втыкание булавок в бумажки представляет особое занятие.

Таким образом труд приготовления булавки раздробляется на 18 различных операций, которые на некоторых фабриках этого рода выполняются таким же числом рабочих. (Богатство Народов, гл. I).

Одна и та же проволока проходит последовательно через руки различных детальных работников, но тем не менее все эти работники заняты одновременно. На одной булавочной мануфактуре проволоки одновременно тянутся, расправляются, режутся, заостряются и т. д.

Короче говоря, различные операции, которые ремесленный рабочий должен выполнять *последовательно*, в мануфактуре выполняются одновремено, *одна после другой*.

Благодаря этому, делается возможным произвести в тот же промежуток времени большее количество товаров. По сравнению с ремеслом в мануфактуре получается выигрыш также и в производительности труда, выигрыш, обусловливаемый ее кооперативным характером. Но мануфактура связана еще одним ограничением: принадлежит ли она к первому типу, который мы иллюстрировали примером часового производства, или ко второму, образец которого мы дали в булавочной мануфактуре, постоянно или сам продукт или его составные части должны *переходить* из рук в руки, на что тратится лишнее время и труд. Это ограничение устраняется лишь в крупной индустрии.

При этом переходе из рук в руки один работник доставляет другому *сырой материал* для его труда, один, следовательно, дает занятие другому.

Так, напр., работник, который насаживает головки на булавки, не может делать этого, если ему не будут доставлены в достаточном количестве соответственно приготовленные куски проволоки. Чтобы общая работа могла итти правильно и непрерывно, без всяких остановок и задержек в отдельных пунктах ее, для этого должно быть установлено рабочее время, необходимое для приготовления известного продукта в каждой детальной отрасли труда,

и на основании этого вычисления должно быть поставлено в соответствующее отношение одно к другому количество работников, занятых в каждой из этих отраслей. Если, напр., рабочий, режущий проволоку, может нарезать в час 1000 булавок, тогда как рабочий, насаживающий головки может за то же время спр виться лишь с 200 булавками, то чтобы доставить достаточно занятия 10 рабочим, насаживающим головки, необходимо двое рабочих, режущих проволоку. С другой стороны капиталист, занимающий одного рабочего, режущего проволоку, должен употреблять не меньше 5 рабочих, насаживающих головки, если он хочет вполне использовать рабочую силу первого. Если он хочет расширить свое предприятие, то число рабочих, которых он должен прибавить, если он только хочет вполне использовать их рабочую силу, не зависит от его усмотрения. Если он (мы берем снова наш пример) прибавит одного рабочего, режущего проволоку, то это будет вполне выгодно для него лишь тогда, когда он вместе с тем прибавит 5 рабочих, насаживающих головки, но не 3 или 4.

Производство товара в общественно-необходимое для того рабочее время есть, как мы знаем, требование товарного производства вообще; оно вынуждается *конкуренцией* Но с развитием капиталистической мануфактуры производство определенного количества продуктов в общественно-необходимое рабочее время становится также *технической* необходимостью. Если ремесленник работает быстрее или медленнее, чем это общественно-необходимо, то это влияет на заработок, который он получает от своего труда, но не делает невозможным самый труд. В капиталистической мануфактуре весь процесс труда останавливается, как только в одной отрасли частичного труда производство отклоняется от правильного хода. Но мы видели выше, что одновременное употребление большого числа рабочих, занятых одним и тем же делом, превращает их труд в средний труд. Эта выгода простой кооперации делается в мануфактуре необходимым условием производства.

Лишь с наступлением капиталистического производства каждый *отдельный товаропроизводитель* (капиталист) начинает постоянно производить посредством среднего общественно-необходимого труда, и он принужден поступать таким образом.

Только при капиталистическом производстве закон товарной ценности достигает полного своего развития.

Вместе с мануфактурой начинается уже местами применение *машин*, но последние играют, однако, в этот период постоянно лишь побочную роль. Главной машиной мануфактуры остается сам коллективный рабочий, а сцепляющимися друг с другом колесиками и механическими частями этой машины являются отдельные частичные рабочие. При мануфактурной системе рабочий на самом деле представляет только часть машины, и подобно ей, он должен действовать правильно и постоянно. Как во всякой машине имеются более или менее сложные части, так и различные частичные работы требуют более и менее обученных рабочих, рабочая сила которых, сообразно этому, обладает большей или меньшей ценностью. Когда производство иголок носило еще ремесленный характер, для каждого игольщика нужна была одна и та же выучка, а сообразно этому, и ценность рабочей силы каждого из них была, вообще говоря, однакова и относительно довольно высока. Когда же производство иголок подпало под власть мануфактурной системы, оно распалось на ряд частичных работ, из которых одни требовали продолжительного предварительного упражнения, а другие могли быть изучены без особого труда. Рабочая сила тех рабочих, которые должны были затратить много времени, чтобы приобрести необходимую сноровку, естественно, имела большую ценность, чем рабочая сила тех, которые предназначались для исполнения более простых работ. «Таким образом, мануфактура развивает иерархию рабочей силы, которой соответствует целая лестница

заработных плат»[1]). На нижней ступени этой лестницы стоят рабочие, исполняющие работы, на которые способен всякий человек без специальной подготовки и обучения. Такие простые работы имеются в каждом процессе производства; в ремесле они чередуются с более сложными работами, в мануфактуре они составляют специальное постоянное занятие особого разряда людей, которые теперь различаются как необученные рабочие от рабочих обученных.

Почти каждый мануфактурный рабочий нуждается для своей выучки в меньшем количестве времени, чем ремесленник соответствующей отрасли промышленности. Последний должен изучить все операции, которые необходимы для изготовления продукта его ремесла, каждый же из мануфактурных рабочих должен знать только одну или несколько из этих операций. У необученных рабочих, наконец, издержки на обучение совершенно исчезают.

Так падает в мануфактуре ценность рабочей силы, а вместе с нею уменьшается необходимое для содержания рабочего рабочее время, и увеличивается при том же рабочем дне продолжительность прибавочного труда, растет, следовательно, относительная прибавочная ценность.

Но рабочий уродуется физически и духовно, его труд теряет для него всякое содержание, всякий интерес, он сам становится простой принадлежностью капитала.

---

[1]) Следующая заимствованная у Babboge (On the Economy of Machineru an Manufacture, London, 1835, XXIV, 408 стр.) таблица отлично поясняет иерархическое расчисление заработной платы по ступеням, а также и техническую необходимость приноравливать одно к другому количества рабочих, занятых отдельными частичными операциями. Эта же таблица указывает нам на необходимость приводить в движение средний общественный труд. В таблице изображаются отношения на одной небольшой английской булавочной мануфактуре начала XIX века.

Название частной операции	Число рабочих	Дневная заработная плата
Вытягивание проволоки	1 мужчина	3 шиллинга 3 пенса
Растягивание проволоки	1 женщина 1 девушка	1 шилл. — пенса — » 6 »
Заострение	1 мужчина	5 шилл. 3 пенса
Приготовление головок	1 мужчина 1 мальчик	5 шилл. 4½ пенса — » 4½ »
Насаживание головок	1 женщина	1 шилл. 3 пенса
Полирование	1 мужчина 1 женщина	6 шилл. — пенса 3 » — »
Вкалывание в бумажки	1 женщина	1 шилл. 6 пенс

Размер заработной платы колеблется, следовательно, ст 4½ пенсов (18 коп.) до 6 шиллингов (около 2 р. 90 к.).

ГЛАВА X

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Эволюция машины

Разделение труда в мануфактуре, хотя и привело к изменению ремесленной формы труда, но не устранило ее. Ремесленные навыки остаются, вообще говоря, основой мануфактуры и делают возможной для ее, хотя и односторонне развитого, частичного рабочего некоторую *самостоятельность* по отношению к капиталисту. Его не легко заменить, а между тем его работа необходима для того, чтобы могло продолжаться все производство, как мы это видели на примере булавочного производства. И рабочие настолько хорошо сознают это преимущество, что они употребляют все усилия к тому, чтобы сохранить за мануфактурой этот ремесленный характер, поддерживая по в зможности различные ремесленные обычаи, как напр., существование ученичества.

Это стремление можно и теперь еще наблюдать в целом ряде производств, которые по сию пору сохранили мануфактурный характер. Здесь кроется также тайна многих успехов профессионального движения.

Но что составляет радость для одного, то доставляет горе другому. «В продолжении всего мануфактурного периода, — пишет Маркс (I. стр. 297),— слышатся, поэтому, жалобы на *недисциплинированность* рабочих. И если бы мы даже не имели свидетельств писателей той эпохи, то одни уже простые факты, что начиная с 16-го столетия вплоть до развития крупной промышленности *капиталу не удалось завладеть всем рабочим временем мануфактурных рабочих,* что мануфактуры вообще не долговечны, что, вместе *с передвижениями, эмиграцией и иммиграцией рабочих,* они вынуждены перемещать свое местопребывание из одних стран в другие,— одни уже эти факты, говорим мы, свидетельствовали бы не менее красноречиво, чем целые библиотеки». Понятен поэтому тот крик отчаяния, который вырывается у анонимного автора одного памфлета, появившегося в 1770 г.: «Рабочие никогда не должны считать себя независимыми от своих начальников... Порядок, так или иначе, должен быть водворен».

И порядок был водворен. Сама мануфактура создала необходимые для этого условия. Она вызвала к жизни иерархически расчлененную мастерскую для производства самых сложных орудий труда и «этот продукт м нуфактурного разделения труда произвел, в свою очередь, машины». Машина же нанесла господству ремесленной деятельности смертельный удар.

Чем отличается машина от ремесленного инструмента, каким образом орудие труда превращается из инструмента в машину? Это превращение заключается в том, что *механизм,* который должен только получить *соответствующее движение* «*исполняет* своими инструментами *те же*

самые операции, которые раньше подобными же инструментами исполнял рабочий». Исходит-ли при этом движущая сила от человека, или опять таки от машины, — это обстоятельство ничего не изменяет в существе дела. Мы считаем нужным подчеркнуть это, ввиду существования ошибочного представления будто-бы машина тем отличается от инструмента, что она приводится в движение не человеческой силой, а какой-нибудь из сил природы, напр., животным, водой, ветром и т. п. Употребление таких двигателей много древнее машинного производства, достаточно указать только на то, что плуг еще в древности тянули быками или лошадьми. Животные, ветер, сила воды и т. д., как известно, уже очень давно употреблялись людьми, как двигательная сила, при вращении мельниц, при работе гидравлическими машинами и т. п., не производя однако революции в способах производства; *даже паровая машина*, изобретенная в конце 17-го столетия, не вызвала еще революции в индустрии. Это совершилось лишь тогда, когда была изобретена первая значительная рабочая машина, именно «прядильная машина». Нет ничего нелепее басни об открытии силы пара, благодаря случайному наблюдению над кипящим чайником. Скрытая сила водяного пара была известна грекам, пожалуй, лет две тысячи тому назад, но они не умели ее утилизировать; позднее ее стали применять ко всякого рода механическим игрушкам. Изобретение-же *паровой машины* является продуктом деятельных, целесообразных духовных усилий, опирающихся на более ранние попытки и оно сделалось возможным только тогда, когда мануфактура создала необходимые для этого *технические условия,* в том числе достаточное количество искусных механических рабочих для изготовления паровой машины. Оно стало возможным далее только тогда, когда *потребность* в новых двигательных силах возбудила интерес к ним[1]). А это произошло тогда, когда была изобретена *рабочая машина.*

Последняя требовала для того, чтобы ею можно было воспользоваться, более мощной и правильнее функционирующей двигательной силы, чем имевшиеся до сих пор. *Человек* является инструментом, способным лишь очень несовершенно развивать *непрерывное* и *однообразное* движение и к тому-же он слишком слаб; более сильная *лошадь* не только очень дорога и бывает годна к применению на фабрике лишь в ограниченных размерах, но и обладает кроме того очень скверным качеством — иметь собственную голову и обнаруживать это по временам; ветер слишком непостоянен и не подается контролю; *а сила воды* которая много применялась уже во время мануфактурного периода, также перестала удовлетворять пред'являемым к ней требованиям, так как ее нельзя было увеличивать по произволу; в известное время года она совершенно исчезала и, прежде всего, она была *прикреплена* к определенному месту. Только когда *Джемс Уатт* изобрел, после многих усилий, свою вторую машину, так называемую паровую машину двойного действия, только после того, как он в *обширнейшем* промышленном заведении своего компаниона, *Матиаса Больтона,* нашел «как *технические силы* так и *денежные средства*» (см. Buch der Erfindungen), в которых он нуждался для осуществления своих планов, лишь тогда был найден двигатель «*который* сам, потребляя уголь и воду, *порождает свою двигательную силу* и *сила которого* находится вполне *под контролем человека.* Будучи *подвижным* (способным к перемене места) и служа, вместе с тем, *средством движения,* будучи двигателем *городским,* а не деревенским, как водяное, колесо он позволяет *концентрировать производство в городах*, между тем как водяное колесо рассеивало промышленность по всей стране. Наконец он допускает универсальное

---

[1]) Гете на вопрос «что такое изобретение» очень метко отвечает: «завершение искомого». (Buch der Erfindungen).

(повсеместное) техническое применение». (Капитал I т. стр. 304). А усовершенствованная двигательная сила, в свою очередь, естественно, оказывает влияние на все большее и большее развитие рабочей машины.

«Всякая развитая машина состоит из трех существенно различных частей: *двигательной машины, передаточного механизма,* и, наконец, *исполнительного механизма*, или собственно *рабочей машины*». Двигательную машину, как силу, *приводящую в движение весь механизм,* мы только что рассмотрели. *Передаточный* механизм, состоящий из маховых колес, валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, бесконечных ремней и канатов, всякого рода промежуточных приспособлений и снарядов, регулирует движение, изменяет, где нужно, его форму, превращая его, напр., из прямолинейного в круговое, *приносит и распределяет его на* различные части *и полнительного механизма*. «Обе эти части машины существуют только для того, чтобы сообщать рабочей машине движение, посредством которого она овладевает предметом труда и целесообразно изменяет его».

Рабочая машина есть именно та часть машины, которая, как мы уже указали, произвела промышленную революцию в 18-м столетии. Да и теперь еще она служит исходной точкой в процессе превращения какого-нибудь сохранившегося до сих пор ремесленного или мануфактурного производства в машинное. В начале она представляет собою либо лишь более или менее измененное механическое издание старого ремесленного инструмента, как напр., механический ткацкий станок; либо же приложенные к остову рабочей машины отдельные органы оказываются нашими старыми знакомыми, как напр., веретена у прядильной машины, спицы у чулочной машины, ножи у резальной машины и т. д. Но *количество инструментов,* которыми одновременно работает одна рабочая машина «с самого же начала оказывается независящим от тех органических рамок, в которые поставлен ручной инструмент рабочего».

Так как одна двигательная машина может теперь, с помощью целесообразно приспособленного передаточного механизма, приводить в движение одновременно целый ряд рабочих машин, то отдельная рабочая машина низводится в силу этого до степени простого *элемента* машинного производства. Там, где одна и та же рабочая машина выделывает весь продукт, напр., при механическом тканье, там в мастерской, основанной на машинном производстве, т.-е. на фабрике, перед нами каждый раз снова выступает *простая кооперация* в форме *ряда однородных рабочих машин* (рабочих мы оставляем здесь пока в стороне), действующих вместе, одновременно и на одном и том же пространстве. Но все-же здесь существует *техническое единство.* Одна и та же двигательная машина, один и тот же общий толчек, одновременно и планомерно приводит их всех в движение. Они образуют лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Но лишь там, где предмет труда должен проходить целый ряд связанных между собою *последовательных процессов,* выполняемых целой цепью разнородных, но *дополняющих друг друга* рабочих машин, где, следовательно, свойственная, *мануфактуре* кооперация, основанная на *разделении труда*, снова появляется, но уже в виде комбинации *частичных рабочих машин*, там только впервые место отдельной самостоятельной машины занимает настоящая система машин, каждая частичная машина доставляет другой, следующей за нею, частичной мишине ее сырой материал. Как в мануфактуре кооперация частичных рабочих создает известное количественное соотношение между особыми рабочими группами, так и в расчлененной системе машин постоянная зависимость между отдельными *частичными машинами* создает *известное определенное соотношение* между их числом, их размерами и скоростью их движения. Эта комбинированная рабочая машина тем совершеннее, чем непрерывнее протекает выполняемый ею общий процесс, т.-е. чем с *меньшими перерывами* сырой

материал доходит от первоначальной своей формы до последней, чем больше, следовательно, эти переходы с одной ступени производительного процесса на другую совершаются не с помощью человеческих рук, а посредством самой машины. Когда она исполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без всякой человеческой помощи, и ее работа нуждается лишь в некоторых поправках со стороны человека, мы имеем перед собою *автоматическую систему машин.* Что и эта система способна еще к дальнейшему развитию в своих частностях доказывает аппарат, автоматически останавливающий прядильную мащину, как только оборвется одна нитка. «Примером непрерывного производства и проведения автоматического принципа может, говорит Маркс, послужить *современная писчебумажная фабрика*».

Как паровая машина, изобретенная Уаттом, так и другие первоначальные изобретения в области машин, могли быть осуществлены лишь благодаря тому, что мануфактурный период подготовил значельное количество искусных механических рабочих в лице частичных рабочих мануфактуры, а также самостоятельных ремесленников, которые были в состоянии изготовить эти машины. Первые машины были произведены в ремесленных или мануфактурных мастерских.

Но пока машины были обязаны своим существованием личному искусству и личной силе рабочих, являвшихся еще полуартистами, они не только были очень дороги,— обстоятельство, к которому капиталисты всегда бывают особенно чутки — но и расширение сферы их применения, а следовательно, и развитие крупной индустрии, оставалось в зависимости от увеличения количества машиностроительных рабочих, которое может возрастать лишь постепенно, а не вдруг, вследствие особого характера их труда, требующего продолжительного обучения.

Но на известной ступени своего развития, крупная промышленность приходит также и в техническом отношении в противоречие со своими ремесленно-мануфактурными основаниями. Каждый шаг вперед, увеличение размеров машин, их постепенное удаление от ремесленных образцов, которыми первоначально всецело определялось их устройство, введение другого более пригодного, но труднее поддающегося обработке материала, напр., железа вместо дерева,— все это натыкалось на величуйшие трудности, которые не в силах была преодолеть даже и проведенная в мануфактуре система разделения труда. «Такие машины, как, напр., новейший печатный станок, новейший паровой ткатцкий станок и новейшая чесальная машина, (кард-машина), не могли быть созданы мануфактурой».

С другой стороны, переворот в способе производства в одной какой-либо отрасли промышленности обусловливает такой же переворот и в целом ряде других, связанных с нею отраслей. Так, машинное прядение сделало необходимым и машинное ткачество, а они оба вместе обусловили собою механическую и химическую революцию в белильном, красильном и ситцепечатном производствах. Революция же в способах производства в промышленности и земледелии вызвала, в свою очередь, *революцию в средствах сообщения и транспорта.* Крупная промышленность с ее лихорадочной быстротою производства должна иметь возможность быстро получать необходимые ей сырые материалы, быстро и в больших количествах выбрасывать на рынок свои продукты, она должна быть в состоянии сообразно своим потребностям притягивать и отталкивать болшие массы рабочих. Поэтому она вызвала полный переворот в кораблестроении, заменила парусные суда пароходами, телеги — железными дорогами, гонцов — телеграфами. Огромные же массы железа, которые пришлось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и отделывать потребовали со своей стороны таких циклопических (колоссальных) машин, создать которые мануфактурное машиностроение оказывалось совершенно бессильным».

Таким образом, крупная промышленность должна была создать для себя свою собственную, соответствующую ее сущности основу. Для этого она овладела машиной и посредством ее начала производить машины же. «Лишь благодаря рабочей машине, техника могла справиться с той колоссальной задачей, которую ей поставило машиностроение». (Buch der Erfindungen).

Для этого же было необходимо производить машинным способом нужные для отдельных частей машины строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. И эту проблему разрешил в первом десятилетии 19-го столетья Генри Маудсли изобретением суппорта («slide rest»), который вскоре был превращен в автоматический аппарат и затем был применен не только к токарному станку, но и к другим машиностроительным машинам. Благодаря этому механическому изобретению удалось производить геометрически правильные формы отдельных машинных частей «с такой степенью легкости, точности и быстроты, которой никакая опытность никогда не может доставить руке самого ловкого и искусного рабочего».

О грандиозности употребляемых в машиностроении машин нет надобности много распространяться. Кто не слыхал об исполинских орудиях на наших машиностроительных заводах, о тех мощных паровых молотах весом в то центнеров (около 600 пудов) и более, которые играя превращают в порошок гранитную глыбу и в то же время способны производить самые легкие, заранее с величайшей точностью размеренные, удары? Каждый день приносит нам новые успехи машинной системы, все новое и новое расширение области ее применения.

В мануфактуре разделение труда является еще преимущественно суб'ективным, частичный процесс приспособляется к *личности рабочего*, в системе же машин крупная промышленность обладает вполне *об'ективным* производственным организмом, с которым рабочий сталкивается как с готовым данным условием, к которому он в силу этого должен приспособляться. Кооперация, вытеснение изолированного рабочего коллективным обобществленным рабочим, представляется уже теперь не случайным явлением, а *«технической необходимостью, предписываемой природой самого орудия труда»*.

---

2. Ценность, переносимая машиной на продукт

Машина, подобно всякому простому инструменту, составляет часть постоянного капитала. Она сама не создает никакой ценности, она лишь передает продукту свою собственную ценность, в каждом отдельном случае ту ценность, которую она теряет в силу своего изнашивания.

Машина всегда входит *целиком* в процесс труда, и только — *частью* в процесс образования ценности. Это же справедливо и по отношению к инструменту, но у машины отношение между всею ее первоначальной ценностью и той частью ее ценности, которая перенесена на продукт, гораздо больше, чем у инструмента, так как, во-первых, она, будучи построена из более прочного материала, является более долговечной, чем инструмент, во-вторых, употребление ее, регулируемое строго научными законами, делает возможной большую экономию в расходовании ее составных частей и в потреблении различных вспомогательных веществ, как, напр., масла, угля и т. п., и, наконец, поле производства у нее несравненно шире, чем у простого инструмента.

При данной разнице между ценностью машин и той частью ценности, которую они ежедневно переносят на продукт, степень, в которой эта часть ценности повышает ценность продукта, зависит от его об'ема. В лекции, прочитанной в 1858 году, Baynes из Блэкборна высчитывает, что

«каждая реальная механическая лошадиная сила» [1]) приводит в движение 450 автоматических веретен, или 200 Drosselspindeln (throstles) или 15 ткацких станков для 40 дюймовых тканей и т. д. Таким образом, дневные издержки одной паровой лошадиной силы и изнашивание машин, приводимых ею в движение, распределяются в первом случае на дневной продукт 450 веретен мюль-машины, во втором случае на дневной продукт 200 throsthlesspindles и в третьем — на продукт 15-ти механических ткацких станков; так что на один лот пряжи или на один локоть ткани переносится очень незначительная часть ценности.

При данном *круге деятельности рабочей машины*, т.-е. при данном количестве ее инструментов или, если дело идет, как, напр., в случае парового молота, о ее силе, при данной величине их силы, количество продукта зависит от *скорости*, с которой машина действует.

Раз дана та пропорция, в которой машина переносит свою ценность на продукт, величина этой *части ценности* зависит от *величины ценности самой машины*. Чем меньше труда она сама содержит, тем меньше ценности она переносит на продукт. Если ее производство стоит столько же труда, сколько применение ее потом сберегает, то в действительности происходит лишь простое перемещение труда, но производительная сила его не увеличивается. Производительность машины измеряется той степенью, в которой машина сберегает *человеческую рабочую силу*. С принципом машинного производства отнюдь не стоит в противоречии то обстоятельство, что, вообще говоря, сравнительно с товарами, произведенными ремесленным и мануфактурным путями, в машинном продукте часть ценности, обязанная рабочему орудию *относительно*, т.-е. по сравнению с полной ценностью продукта возрастает, между тем как абсолютно она уменьшается.

Если рассматривать машину, как средство *удешевления продукта*, то граница ее применения определяется тем, что труд, потраченный на ее собственное производство должен быть меньше того труда, который заменяется ее применением. Но, как мы уже выше видели, капиталист оплачивает не *затраченный труд*, а *ценность* затраченной *рабочей силы*, для него, следовательно, употребление машины ограничено разницей между *ценностью машины* и *ценностью* заменяемой ею за все время ее службы *рабочей силы*, или, точнее говоря, так как действительная заработная плата рабочего иногда падает ниже ценности рабочей силы, иногда поднимается выше ее, так как она бывает различна в разных странах, в разные эпохи и в различных отраслях труда, то применение машины ограничено для капиталиста разницей между ее *ценою* и *ценою* рабочей силы, которая ею замещается. Только эта разница является определяющей для капиталиста, только она оказывает на него принудительное влияние властными законами конкуренции и этим об'ясняется то обстоятельство, что в настоящее время, иногда, машины, выгодные в одной стране, не находят себе применения в другой. В Америке изобрели машины для разбивания камня, но в Старом Свете их не применяют, так как пролетарии, исполняющие эту работу, получают плату за такую ничтожную часть своего труда, что применение машин только удорожило бы для капиталистов производство.

Низкая заработная плата является прямым *препятствием* для введения машин, а следовательно и с этой точки зрения она наносит ущерб общественному развитию.

Только в обществе, которое устранит антагонизм между трудом и капиталом, машины смогут найти арену для своего полного развития.

---

[1]) Здесь Энгельс, издатель 3-го и 4-го изданий «Капитала» прибавляет в примечании: «Одна лошадиная сила равна 33000 футофунтов в минуту, т.-е. силе, которая в одну минуту поднимает 33000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фунт на 33000 футов. Об этой лошадиной силе здесь и говорится».

3. Ближайшие действия машинного способа производства на рабочих

«Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для применения *рабочих без мускульной силы* или *с недостаточным телесным развитием,* но с более гибкими членами. Таким образом, машины, эти грандиозные по своему значению, заместители труда и рабочих, тотчас превратились в средство увеличивать число наемных рабочих, подчинением всех членов рабочей семьи, без различия пола и возраста, непосредственному владычеству капитала». Обязательный труд на капиталистов вторгся не только на место детских игр, но вытеснил собою также свободный труд в домашнем кругу, исполняемый для нужд самой семьи. «*Женский и домашний труд* был поэтому первым словом капиталистического применения машины!».

Действие этого обстоятельства в экономическом, социальном и нравственном отношениях должно было иметь одинаково роковой характер для рабочего класса.

До сих пор ценность рабочей силы определялась рабочим временем, необходимым для поддержания не только самого взрослого рабочего, но и всей *рабочей семьи*, кормильцем которой он являлся. Но теперь, когда его жена и дети, будучи выброшенными на рабочий рынок, сами получили возможность зарабатывать, с течением времени ценность рабочей силы мужчины стала раскладываться на всю его семью. И к этому движению *ценности* рабочей силы удивительно быстро приспособляется движение ее *цены,* т.-е. *заработной платы.* Вместо отца мало-по-малу вся семья, чтобы иметь возможность поддерживать свое существование, становится вынужденной работать по найму и доставлять, таким образом, капиталу не только труд, но и *прибавочный труд*. Таким образом, машины не только увеличивают материал для эксплоатации, но повышают и самую *степень последней.*

Это, впрочем, не исключает возможности известного номинального повышения дохода рабочей семьи. Если теперь вместо одного отца работают отец, мать и двое детей, то по большей части сумма получаемых ими всемм заработных плат, выше, чем прежний заработок одного отца. Но и *издержки на содержание* всей семьи также возросли. Машины дают большую экономию на *фабрике*, но они кладут конец экономий в доме рабочего. Фабричная работница не может быть в то же время и домашней хозяйкой. Бережливость и целесообразность в израсходовании жизненных средств становятся теперь невозможными.

Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он распоряжался в качестве формально, по крайней мере, свободной личности. Теперь он становится работорговцем и продает фабрике жену и детей. Если фарисеи капитализма громко вопиют о подобном «зверстве», то они забывают, что они сами создали его, сами эксплоатируют и хотели бы увековечить его под звонким названием «свободы труда». Всем этим разговорам о зверстве родителей-рабочих, достаточно противопоставить *тот факт,* что ограничение женского и детского труда на английских фабриках было отвоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами.

Маркс приводит многочисленные доказательства вредного действия фабричного труда на женщин и детей. Мы отсылаем читателя к его труду, а здесь мы приведем факт, относящийся к более позднему времени, который мы заимствуем из книги Зингера «Исследование социальных отношений в фабричных округах северо-восточной Богемии» (Лейпциг, 1885). Данные этой книги делают для нас возможным сравнение средней смертности детей, в стране с полным почти отсутствием крупной промышленности—*Норвегии*, со смертностью в местах, где крупная индустрия достигла сильного развития,

при отсутствии в них ко времени составления цитируемой книги фабричного законодательства. Мы имеем в виду северо-восточную Богемию.

В Норвегии приходилось (от 1866—1874 г.) на десять тысяч новорожденных обоего пола 1063 смертных случаев в возрасте до 1 года. В следующих же округах с высокоразвитой промышленностью на каждые десять тысяч новорожденных на первом году жизни приходилось:

Округ	Смертных случаев
Верхней Эльбы	3026
Габлонц	3104
Браунау	3236
Траутенау	3475
Рейхенберг с окрестностями	3805
Фридланд	4130

Смертность грудных младенцев в фабричных округах была, следовательно, в 3—4 раза выше, чем в отсталой, «в культурном отношении», Норвегии! И эта высокая смертность в первом случае не может быть приписана мальтузианцами слишком высокой степени размножения населения. Наоборот, цифра рождений там чрезвычайно низка. В исследованных Зингером округах на 1000 жителей ежегодно приходится неполных 35 рождений, в Германии же эта цифра достигает 42, а для всей Австрии она свыше 40.

Наряду с физическим и нравственным калечением, превращение незрелых людей в простую машину для фабрикации прибавочной ценности произвело также «*умственное одичание*», которое нужно отличить от того естественного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не губя его способности к развитию его естественной продуктивности».

Но привлечение женщин и детей к комбинированному рабочему персоналу, которое было вызвано системой машинного производства, имело все-таки одно «благодетельное» последствие: оно помогло, наконец, сломить сопротивление, которое мужчина-рабочий в мануфактуре еще оказывал деспотизму капитала.

Какова цель машинного производства, для чего капиталист вводит машины? Уж не с тем-ли, чтобы облегчить труд своих рабочих? Конечно нет. Машина имеет своей целью удешевить товары путем повышения *производительности* труда и сократить ту часть рабочего дня, которая необходима рабочему для производства ценности его рабочей силы, в пользу той части, в течение которой он создает *прибавочную ценность*.

Как мы уже видели, машина тем производительнее, чем меньшую долю своей ценности она переносит на определенное количество продукта.

Доля же эта тем меньше, чем большее количество продукта производит наша машина, масса же продукта будет тем больше, чем длиннее период, в продолжении которого машина функционирует.

Но теперь возникает вопрос, безразлично ли для капиталиста, распределяется ли «рабочий период» его машины на 15 лет при восьмичасовой работе ежедневно, или на $7^1/_2$ лет при ежедневной 16-ти часовой работе. Математически время пользования машиной в обоих случаях совершенно одинаково. Но наш капиталист считает иначе.

Он говорит себе: во-первых в $7^1/_2$ лет при ежедневной 16-ти часовой работе машина передаст продукту не больше ценности, чем в 15 лет при ежедневной 8 часовой работе, но зато в первом случае она воспроизводит свою ценность вдвое быстрее, чем во втором и доставляет мне приятную возможность получить в $7^1/_2$ лет столько же прибавочного труда, сколько во-втором случае получается лишь в 15 лет, не говоря уже о других выгодах, которые приносит с собою удлинение рабочего дня.

Далее, моя машина изнашивается не только от употребления, но и тогда, когда она остается в покое и становится в силу этого добычей стихий. От бездействия она ржавеет. Изнашивание второго рода представляет прямую потерю, которой я могу избегнуть, сокращая по возможности время, в течение которого машина бездействует.

Затем, в наше время непрерывных технических преобразований, я должен постоянно ожидать того, что моя машина будет обесценена какой-нибудь другой более дешевой или технически усовершенствованной конкуренткой. Чем быстрее, следовательно, заставлю я ее вернуть мне свою ценность, тем меньше опасность этого несчастия.

Между прочим, опасность эта наиболее велика при первоначальном введении машин в какую-нибудь отрасль производства; здесь новые методы быстро сменяют друг друга. Поэтому в первый период деятельности машин этот специальный мотив в пользу удлинения рабочего дня действует с особенной силой.

Далее, наш капиталист рассуждает: мои машины, строения и т. п. представляют капитал в столько-то и столько-то тысяч марок. Если первые остаются в бездействии, то и весь капитал лежит бесполезно. Чем дольше же они находятся в действии, тем лучше я могу использовать не только их, но и часть капитала, вложенного в строения и т. п.

К этим соображениям капиталиста присоединяется еще одна побудительная причина, которая, конечно, ему также мало приходит на ум, как и его ученному защитнику, политико-эконому, но которая тем не менее имеет огромное значение. Капиталист создает свои машины, чтобы с'экономить на заработной плате (переменном капитале), чтобы впредь рабочий в один час производил такое же количество товаров, как прежде в 3 или 4 часа. Машина повышает производительность труда и делает возможным в силу этого увеличение прибавочного труда за счет труда необходимого, т.-е. *повышение уровня прибавочной ценности.* Но она может достичь этого результата лишь путем *уменьшения числа нанимаемых данным капиталом рабочих.* Машинное производство превращает в машины, т.-е. в постоянный капитал часть капитала, бывшего прежде переменным, т.-е. превращавшегося в живую рабочую силу.

Но мы знаем, что масса прибавочной ценности определяется во-первых, *уровнем прибавочной ценности,* а во-вторых, *числом занятых рабочих.* Введение машин в капиталистическую крупную промышленность стремится увеличить первый фактор, определяющий массу прибавочной ценности, путем уменьшения второго. Таким образом, в приложении машин с целью производства прибавочной ценности заключается внутреннее противоречие. Это противоречие заставляет капиталиста стремиться к крайнему удлинению рабочего дня для того, чтобы возместить относительное уменьшение числа эксплоатируемых рабочих усилечением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда.

Капиталистическое применение машин создает, таким образом, новые могущественные мотивы для беспредельного удлинения рабочего дня. Но оно же увеличивает и возможность осуществить такое удлинение. Так как машина может непрерывно находиться в движении, то капитал в своем стремлении удлинить рабочий день связан только теми границами, которые ставит ему естественная усталость человеческого придатка при машине, т.-е. рабочего и его сопротивление. Последнее он сламывает как путем привлечения к производству более гибкого и податливого элемента в лице женщин и детей, так и путем создания «избыточного» рабочего населения, составляющегося из вытесненных машиной рабочих. Таким образом, машина разрушает всякие моральные и физические границы рабочего дня и, несмотря на то, что она является «могущественнейшим средством для сокращения рабочего времени», становится самым действительным средством

превращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его ценности.

Маркс заключает главу, в которой он это констатирует, следующими словами: «Если бы,— мечтал Аристотель, этот величайший мыслитель древности,— если бы каждое орудие труда могло, по приказанию или собственному побуждению, само выполнять свою функцию, подобно тому, как творения Дедала двигались сами собою, или как треножники Гефеста производили сами собой священный труд; если бы, напр., ткацкие челноки сами ткали, то мастеру не нужны были бы подмастерья, а господину — рабы! А Антипарос, греческий поэт времени Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы — этой элементарной формы всех производительных машин,— провозглашая ее освободительницей рабынь и восстановительницей золотого века. «Язычники, да, язычники!» Они, как открыл умный Бастиа, и до него еще более ученый Мак-Куллох, решительно ничего не смыслили в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина есть вернейшее средство удлинения рабочего дня. Они оправдывали рабство одних, как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедывать рабство масс для превращения немногих грубых, полуобразованных выскочек в «eminent spinners» (выдающихся прядильных фабрикантов), «extensive sausage makers» (крупных колбасников) и «intluential shoe-black dealers» (влиятельных фабрикантов ваксы),— до этого они еще не доходили: им недоставало специфических «христианских чувств» (т. I, стр. 333 р. п.).

Чем более развивается применение машин, а вместе с ним и специальный клас опытных рабочих при машинах, тем более, естественно, увеличиваются скорость, а следовательно и напряженность, *интенсивность труда*. Это повышение интенсивности труда возможно, однако, только до тех пор, пока длина рабочего дня не доведена до известного предела, равно как и на известной ступени развития дальнейшее увеличение интенсивности труда возможно только при соответствующем сокращении рабочего дня. Там, где дело идет о правильном, изо дня в день повторяющемся труде, природа, вступая в свои права, категорически заявляет: «до сих пор, и не дальше!».

На первых порах развития фабричной индустрии в Англии увеличение рабочего дня шло рука об руку с ростом интенсивности фабричного труда. Но как только вынужденное растущим недовольством рабочего класса законодательное ограничение рабочего дня отрезало у капитала всякую возможность добиваться первым путем увеличения производства прибавочной ценности, он устремился со всей энергией на достижение желанного результата при помощи ускоренного развития машинной системы и большей экономии в процессе производства. Если до сих пор метод производства относительной прибавочной ценности, в общем, состоял в том, чтобы с повышением производительной силы труда сделать рабочего способным, с одинаковой тратой труда, производить в одинаковый промежуток времени большее количество продуктов, то теперь стремление капитала направляется на то, чтобы получить большее количество труда путем *повышения траты последнего* рабочим *за один и тот же промежуток времени*. Сокращение рабочего дня сводится для рабочего к повышенному напряжению его рабочей силы, к «более плотному наполнению пор рабочего времени», т.-е. «большей конденсации труда». В течение одного часа десятичасового рабочего дня он должен работать больше, чем раньше в течение 1 часа двенадцатичасового рабочего дня. Теперь большая масса труда получается сжатой в пределы данного периода времени.

Мы уже назвали оба пути, посредством которых может быть достигнут этот результат: *большая экономия в процессе труда и ускоренное развитие машинной системы*. В первом случае капитал посредством метода оплаты (в особенности, посредством поштучной платы, к которой

мы еще вернемся ниже) заботится о том, чтобы рабочий в более короткий промежуток времени расходовал больше труда, чем прежде. Увеличивается, затем правильность, единообразие, порядок и энергия труда. И даже там, где капитал не располагал вторым средством выжимания из рабочего большего количества труда, т.-е., где он не мог *повысить скорость* движения машин или *увеличить размеры* механизма, при котором работает один рабочий, даже там были достигнуты в этом отношении результаты, которые отвергли все, имевшие до того место, сомнения. Почти при каждом сокращении рабочего времени, фабриканты об'являют, что труд находится в их заведениях под таким тщательным надзором, внимание их рабочих так напряжено, что было бы бессмыслицей ожидать каких-либо значительных результатов от увеличения внимательности рабочих, но лишь только такое сокращение вводится, те же самые фабриканты вынуждены бывают сознаться, что их рабочие теперь в более короткий промежуток времени доставляют им не только столько же, но иногда и более труда, чем прежде в более длинный промежуток, и это даже в том случае, когда орудия труда остались неизменными. Совершенно так же обстоит дело и с усовершенствованием машины. Как ни часто приходится слышать заявления, что технический прогресс в какой-нибудь области достиг такой высоты, что в течение долгого времени нельзя уже ждать в ней никаких серьезных усовершенствований, и все же постоянно этот «предел достижимого» очень быстро оказывается перейденным.

Увеличение интенсивности труда рабочих, при сокращении рабочего дня, настолько велико, что английские фабричные инспектора, хотя «неустанно восхваляют результаты фабричных законов 1844 и 1850 г. г.», однако, в шестидесятых годах уже признают, что сокращение рабочего дня породило *интенсивность труда, разрушительную для здоровья рабочих.*

Те, которые думают, что введение нормального рабочего дня установит гармонию между трудом и капиталом, находятся в большом заблуждении.

«Не подлежит никакому сомнению,— говорит Маркс,— что тенденция капитала вознаграждать себя, коль скоро у него законом отнята возможность дальнейшего увеличения рабочего дня, систематическим повышением степени интенсивности труда и превращением всякого улучшения в машинах в средство для большего высасывания рабочей силы,— должно скоро опять привести к такому поворотному пункту, с которого *новое сокращение рабочего дня станет неизбежным*».

Там, где вводится *десятичасовый* нормальный рабочий день, там только что указанные усилия фабрикантов делают, через особенно продолжительный промежуток времени, необходимым *восьмичасовый* рабочий день.

В наших глазах это говорит, конечно, не *против* установления нормального рабочего дня, а *за* него. Как всякая истинная социальная реформа, оно не может остановиться на данной точке, а стремится все далее и далее, являясь элементом *развития* общества, а не его *застоя.*

---

4. Машина, как „воспитательница“ рабочего

Мы говорили до сих пор, главным образом, об экономическом значении введения машины, теперь займемся рассмотрением непосредственно морального влияния машины на рабочего.

Если мы сравним новейший машинный способ производства, существующий в его целом на *фабрике*, с мануфактурным или ремесленным, то нам сейчас же бросится в глаза, что тогда, как в мануфактуре и ремесле, рабочий заставляет орудие труда *служить себе*, на фабрике он *сам служит* машине; он представляет «*живой придаток*» существующего независимо от него *мертвого механизма.*

Философ, или, как называет его Маркс, Пиндар машинного производства, Д-р Эндрью Юр называет современную фабрику «огромным автоматом», составленным из множества механических и сознательных органов, действующих в согласии и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы *подчиняются* одной двигательной силе, которая движется сама собой». В другом месте он говорит о подданных «благодетельной силы пара». За этой «благодетельной силой» стоит, конечно, применяющий ее капиталист, который благодетельствует только сам себя.

На всякой фабрике, наряду с массой рабочих, занятых при самых рабочих машинах, и наряду с их подручными, мы находим количественно незначительный персонал, занятый наблюдением за всеми машинами и поддержанием их в надлежащем виде. Этот высший, частью научно образованный (инженеры), частью ремесленно-обученный (механики, столяры) рабочий класс стоит вне круга фабричных рабочих и поэтому не подлежит здесь нашему рассмотрению. Не подлежат ему также и подручные рабочие, услуги которых, благодаря их простоте, могут большею частью легко быть заменены машинами (что и замечается повсюду, где самые дешевые из этих подручных — дети, были отняты у фабрики фабричными законами) или допускают быструю смену лиц, занятых этой работой. Здесь речь идет о собственно фабричных рабочих, о *рабочих при рабочей машине*.

Вместе с прежними рабочими инструментами (иглой, веретеном, долотом) и виртуозность управления ими перешла от рабочего к машине. Теперь ему нужен только *один* род искусства — это искусство *приспособить* свои собственные движения к однообразному и непрерывному движению машины. Такая ловкость быстрее всего приобретается в юношеском возрасте. Рабочий должен рано поступать на фабрику, а фабрикант не ограничен уже более узкой категорией рабочих, специально приспособленных к работе при машинах, но постояно легко находит в подрастающем рабочем поколении заместителей уходящим со сцены рабочим силам.

Прудон в своей «Философии нищеты» характеризует машину, как «протест гения индустрии против *раздробленного* и человекоубийственного труда», как «*восстановление работника*». В действительности же, хотя машинное производство и выбрасывает за борт старую систему разделения труда вместе с ее техническими предпосылками, однако в иной и притом еще более унизительной форме, она продолжает существовать и на фабрике. Правда, рабочий не управляет уже в течение всей своей жизни одним частичным инструментом, но зато, в интересах растущей эксплоатации, машиной злоупотребляют для превращения самого рабочего с раннего детства в *частицу частичной машины* и, таким образом, его *беспомощая зависимость* от фабричного целого или, другими словами, от капиталиста, выливается в законную и совершенную форму. Труд его, лишаясь всякого духовного содержания, принимает чисто механический характер и разрушая нервную систему рабочего, высасывает из него все силы. Специальное искусство отдельного рабочего, исчезает, как жалкая и мелкая подробность перед наукой, перед огромными силами и перед общественным массовым трудом, воплощенными в машинной системе. И лишенный собственной воли рабочий должен не только подчиняться автоматическому ходу машин, но вместе с тем он подпадает вообще под власть дисциплины, установленной владельцем фабрики.

Правда, какова бы ни была форма общественной организации, проведенный в крупном масштабе современный труд и общее пользование орудиями производства, в особенности машинами, постоянно будут требовать управления процессом труда, которое делало бы этот процесс независимым от прихоти отдельных участников его. Если не желают отказаться от выгод машинного производства, то введение дисциплины, которой все должны подчиняться, является неизбежным. Но дисциплина

дисциплине рознь. В свободном обществе, где она одинаково распространяется на всех, она не гнетет никого; установленная же принудительно к выгоде определенных личностей она означает *рабство*, и переносится с крайней неохотой, как тяжелое иго, только потому, что всякое сопротивление является бесплодным. Поэтому потребовалась жестокая борьба, прежде чем удалось сломить сопротивление рабочих, которое они противоставляли тому принудительному труду, на который их осудила машина. Юр (Ure) указывает в упомянутой уже книге, что Уатт еще задолго до Аркрайта изобрел искусственно прядущие пальцы, но что *главная трудность* заключалась не столько в изобретении самодействующего механизма, сколько в изобретении и успешном применении соответствующего нуждам автоматической системы *дисциплинарного кодекса!* Поэтому лаврового венка заслуживает «благородный цирюльник Аркрайт», приведший в исполнение это достойное Геркулеса предприятие.

Дисциплинарный кодекс, или попросту говоря *фабричный распорядок*, современного капиталиста, ничего не знает о столь излюбленной буржуазией конституционной системе «разделения властей», «ни о еще более излюбленной ею представительной системе, напротив того, он является выражением *абсолютного самодержавия предпринимателя* над его рабочим. Все наказания, естественно, превращаются в *денежные штрафы и вычеты из платы* и, благодаря законодательной изобретательности фабричных Ликургов, нарушение законов становится для фабрикантов, пожалуй, еще более выгодным, чем соблюдение их». Так сламывается упорство и сопротивление рабочего. Притом он вследствии односторонней мускульной работы уродуется физически, изнемогает от дурного фабричного воздуха и от оглушительного шума во время работы — вот каково *обезображивающее воспитательное действие* машины.

Мы говорили только что о сопротивлении, которое оказывали рабочие введению машин. Но при этом, однако, мысль, что машины наносят смертельный удар свободе рабочего, зарождалась в них более инстинктивно, чем сознательно, прежде же всего это сопротивление машине направлялось против нее, как против средства *делать излишним* человеческий труд. С этой точки зрения даже изобретенные в Данциге уже в средине 16-го века ленточные машины были запрещены в Баварии, в Кельне, а в 1685 г. императорский указ воспретил употребление их во всей Германии. Бунты английских рабочих против введения машин продолжаются вплоть до 19-го столетия и подобные же явления повторяются и в других странах. Во Франции они происходили еще в 30-х годах, а в Германии еще в 1848 г.

Нетрудно, конечно, фарисейски возмущаться этими варварскими попытками задержать величайший прогресс нового времени, но фактом остается то, что машина выступила всюду сначала, как враг рабочего, имевший своей целью *вытеснить* последнего. В течение мануфактурного периода разделение труда и кооперации внутри мастерской обнаруживали себя, главным образом, своей положительной стороной, состоящей в том, что они повышают *производительность* уже занятых рабочих, машина же сразу выступила *конкурентом* самого рабочего. Большим утешением для вытесненных машиной рабочих должно служить отчасти то, что страдания их «временны» отчасти же то, что машины лишь постепенно овладевают всем полем производства, вследствие чего уменьшаются и размеры и интенсивность их разрушительного действия. «Но одно из этих утешений, — отвечает Маркс, — побивает другое». Во втором из указанных случаев машина производит *хроническую нищету* в конкурирующих с нею слоях рабочего населения, там же, где переход совершается быстро, действие ее имеет массовой и острый характер. «Всемирная история не представляет иного более возмутительного зрелища, чем постепенная медленная агония английских ручных хлопчатобумажных ткачей, тянувшаяся целые десятилетия и завершившаяся,

наконец, в 1838 г. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 2½ пенса (около 10 коп.) в день. Напротив того, в Ост-Индии английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие. Тамошний генерал-губернатор констатировал в 1834—35 г., что «бедствие это вряд ли имеет себе аналогию в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопчатобумажных ткачей». «Конечно, — добовляет с горьким сарказмом Маркс, — поскольку эти ткачи оставили сию временную юдоль и переселились в вечность, постольку и машины произвели лишь временные страдания». Орудие труда убивает рабочего; это проявляется особенно осязательно каждый раз, когда вновь введенная машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и внутри самой крупной индустрии постоянное улучшение машин оказывает аналогичное действие. Маркс для доказательства этого положения приводит целый ряд свидетельств из отчетов английских фабричных инспекторов, на которых мы не станем здесь останавливаться, так как факт этот настолько несомненен, что он не может подвергаться оспариванию.

Перейдем лучше еще раз от машины, как конкурента рабочего, к машине, как его «воспитательнице». Все те многочисленные «пороки», к которым рабочий класс, как это несомненно доказано его капиталистическими друзьями, склонен, назовем здесь только непокорность, леность и пьянство — не имеет более действительного противника, чем машина. Она является самым могущественным боевым оружием, которое капитал пускает в ход против рабочих, когда они восстают против его самодержавия, когда они бывают недовольны платой, которую он им предлагает, рабочим временем, которое он на них налагает, когда они осмеливаются восставать против него в форме стачки. «Можно было бы, — говорит Маркс, — написать целую историю открытий, сделанных с 1830 г. и введенных исключительно в качестве боевых средств капитала против возмущения рабочих». Но так как каждое дальнейшее применение «научных данных» к индустрии, т.-е. развитие машин, является желанным шагом вперед, то кажется, будто рабочие наделены упомянутыми пороками специально для того, чтобы помимо своей собственной воли содействовать прогрессу. Таким образом мы видим, что в капиталистическом мире все, даже самые пороки рабочих, ведет, в конце-концов, к лучшему.

---

5. Машина и рабочий рынок

То, что машина вытесняет рабочего, представляет настолько несомненный факт, что отрицать его нет никакой возможности. Но факт этот очень неприятен для тех, кто существующий способ производства считает наилучшим в мире, и поэтому мы встречаемся с многочисленными попытками затушевать и скрыть эту неприятную действительность.

Так, например, целый ряд экономистов утверждал, что всякая вытесняющая рабочих машина необходимо освобождает всегда соответствующих размеров капитал, потребный для того, чтобы дать занятие этим самым рабочим. Капиталом этим, по их мнению, являются те средства к жизни, которые рабочие потребили бы, если бы они не потеряли работы! Средства к жизни, рассуждают они, освобождаясь вследствие увольнения рабочих, обладают потребностью доставить последним какое-нибудь занятие, чтобы быть потребленными ими.

Но средства к жизни, которые рабочий покупает для собственного потребления, противостоят ему в действительности не как капитал, а как простые товары. В качестве капитала же ему противостоят те *деньги*, за которые он продает свою рабочую силу. Эти деньги при введении

машины затрачиваются на ее приобретение и таким образом не освобождаются, а, наоборот, получают вполне *определенное назначение*. Введение машин не освобождает всего того переменного капитала, который служил для найма вытесняемых ими рабочих, по крайней мере часть его превращается при этом в постоянный капитал. При остающейся неизменной величине приложенного капитала, всякое введение новых машин означает, поэтому, возрастание постоянного и уменьшение переменного капиталов.

Поясним сказанное примером:

Предположим, что капиталист затрачивает капитал в 200000 марок, из них 100000 марок представляют переменный капитал, который служит ему для найма 500 рабочих. Затем он вводит машину, которая дает возможность производить то же количество продуктов с помощью 200 рабочих вместо прежних 500. Машина стоит 50000 марок.

Прежде капиталист употреблял 100000 марок переменного капитала и столько же постоянного. Теперь он употребляет 150000 марок постоянного и только 40000 марок переменного капитала. Освободилось при этом лишь 10000 марок, которые могут послужить для того, чтобы дать занятие не 300, а едва лишь 10 рабочим, если только деньги эти будут затрачены при тех же обстоятельствах, как и остальная сумма. Ибо из 10000 марок около 8000 должны быть израсходованы на машины и т. п. и только около 2000 марок остаются свободными в виде переменного капитала.

Ясно, следовательно, что «соответствующий» капитал отнюдь не освобождается при этом.

Полная неосновательность теории, гласящей, что машина вместе с рабочими освобождает и соответствующий капитал, была убедительно доказана Марксом, и единственное средство, остающееся в распоряжении защитников этой теории для того, чтобы ослабить фатальность его доказательств, заключается в том, что они приписывают Марксу различные столь же неосновательные утверждения.

Так, в одном сочинении, автор которого «научно» разделывает Маркса, мы натолкнулись на такое местечко.

«Машина попросту вытесняет у него (Маркса) *труд*, тогда как она может создавать возможность добавочного труда, и фактически часто делает это. При этом не является вовсе необходимым, чтоб и следствием этого увеличения размеров производства было освобождение, ставшего теперь излишним, труда, где-нибудь в другом месте, как это совершенно определено и многократно утверждалось впоследствии в различных социалистических изданиях. Добавочное производство уже потому легко может иметь место, что произошел общий рост производительнных сил, а вместе с этим и возможность расширить потребление». (Профессор Lehr в Vierteljahresschrift fur Volkswirthschaft 23 г., 2 том, стр. 113).

А профессор Юлиус Вольф в своем сочинении, переполненном искажениями и извращениями учения Маркса, заставляет даже последнего утверждать, что «если весь капитал страны возрастает, то в лучшем случае едва ли то же количество рабочих, что и прежде, может найти себе работу, так как все большее количество людей замещается машиной». («Socialismus und kapitalistische Jesellchaftsordnung» Штуттгарт, 1892 г. стр. 258).

В действительности же Марксу, конечно, и в голову никогда не приходило утверждать то, что ему тут приписывают. Он отнюдь не полагал, что «машина попросту заменяет труд», а, наоборот, систематически и основательно, как, насколько нам известно, никто до него этого не делал, исследовал условия, при которых машина «может создавать возможность добавочного труда и фактически часто делает это». Но это обстоятельство не стоит вовсе в противоречии с утверждением, что машина вытесняет рабочих.

Маркс утверждает, что машина уменьшает число занятых рабочих ***по отношению к затраченному капиталу***, что с развитием машинного

производства переменный капитал *относительно* убывает, постоянный растет. Но переменный капитал и число занятых рабочих в известной отрасли труда могут, несмотря на введение, увеличение или уменьшение машин, одновременно расти, если в достаточной степени увеличивается затрачиваемый общий капитал[1]). Если, в таком случае, число занятых рабочих не уменьшается, то это приходится приписать не освобождению капитала машиной, а притоку *нового добавочного капитала*. Тенденция машины лишать рабочих их работы задерживается и временно побеждается указанным обстоятельством, но она им не устраняется; и лишь только приток новых добавочных капиталов замедляется и падает ниже известного предела, как эта тенденция снова проявляется и относительное уменьшение числа занятых рабочих превращается в абсолютное.

Вернемся для большей наглядности представления к нашему прежнему примеру. У нас был капитал в 200000 марок, из которых 100000 марок представляли переменный капитал, служивший для найма 500 рабочих. Введение новой машины повысило долю постоянного капитала до 158000 марок и уменьшило переменный капитал до 42000 марок, число занятых рабочих упало при этом до 210. Предположим теперь, что одновременно в предприятие был вложен новый капитал в 400000 марок; оно соответствующим образом расширяется, и число занятых рабочих возрастает до 630, то-есть становится на 130 больше, чем прежде. Правда, если бы машина не была введена, то то же утроение капитала вызвало бы и утроение числа рабочих, — с 500 оно возросло бы до 1500.

Но если машина всегда производит относительное, а иногда и абсолютное уменьшение числа рабочих в той отрасли труда, в которой она вводится, то она может вызвать одновременно увеличение числа рабочих в других отраслях труда, с которыми связана эта отрасль.

Машина создает необходимость в новой категории рабочих — *в машино-строительных рабочих*.

Введение машин в какой-нибудь отрасли промышленности вызывает увеличение общей массы производимых в ней продуктов. Но это увеличение обусловливает, в свою очередь, соответственное *увеличение сырого материала* и, следовательно, при всех прочих равных условиях, увеличение числа занятых его производством рабочих. Если вводится машина, на которой, даже, может быть, с меньшим, чем прежде, числом рабочих, изготовляется теперь 1000 локтей пряжи так же быстро, как раньше изготовлялось 100 локтей ее, то число прядильщиков может при этом и уменьшиться, но зато возрастет число рабочих, занятых на хлопковых плантациях. Развитие прядильных машин в Англии было главной причиной увеличения числа негров-рабов в Соединенных Штатах.

Если пряжа дешевеет, то ткач (мы предполагаем, что он является еще ручным ткачем) может без увеличения затрат на сырой материал производить больше, чем прежде, его заработок растет и поэтому растет число ткачей. «Если машина захватывает первую или промежуточные ступени процесса, которые какой-либо предмет труда должен пройти до достижения своей окончательной формы, то вместе с рабочим материалом увеличивается и спрос на труд в тех ремесленных или мануфактурных еще отраслях, которые пользуются этим машинным продуктом».

С развитием машинного производства растет прибавочная ценность, а также и масса продуктов, в которой она реализуется. Вместе с тем растет роскошь класса капиталистов и их присных. В силу этого увеличивается спрос на *рабочих, производящих предметы роскоши, и на слуг,*

---

[1]) Рост производства, естественно, предполагает также соответственное расширение рынка сбыта. Но мы не можем еще заняться здесь более близким рассмотрением этого чрезвычайно важного фактора.

лакеев и т. п. В 1861 г. в Англии в текстильной индустрии было занято всего 642,607 человек, на долю же прислуги приходилось 1,208,648 человек.

Наряду с этими факторами, которые обусловливают то, что введение машин имеет своим следствием *увеличение* спроса на труд, Маркс называет еще один: возникновение новых отраслей труда, как, напр., газовое производство, железные дороги и т. п.

Достаточно сравнить это резюме всего сказанного Марксом по данному вопросу с тем, что вкладывают ему в уста господа профессора, не говоря уже о плодах их собственной учености, чтобы получить представление о научной ценности их трудов.

Конечно, когда Маркс исследовал, каким образом введение машин может повлиять на увеличение спроса на труд, он не ставил себе при этом целью затушевать и скрыть те страдания, которые несет с собой рабочему классу фабричная система. Фабрика разрушает семью рабочего, отнимает у него юность, увеличивает его труд, лишая последний всякого содержания, калечит его физически и духовно и превращает его в лишенное воли орудие капиталиста, а буржуазные экономисты воображают, что они блестяще прославляют капиталистическое применение машин, когда они доказывают, что с ним возрастает и число наемных рабочих на фабриках!

Как-будто этот рост не является ростом нищеты! А наряду с бедствиями и страданиями труда растут и бедствия безработицы.

Переменный капитал *может* абсолютно возрастать с прогрессом машинного производства, но рост этот не является необходимым; в различных отраслях крупной промышленности уже не раз наряду с увеличением постоянного капитала констатировалось абсолютное уменьшение переменного капитала, убывание числа занятых рабочих. (Несколько относящихся сюда фактов мы даем в третьем отделе, в главе о перенаселении). При этом не имеется в виду та безработица и нищета, которые вызываются конкуренцией крупной индустрии с ремеслом как внутри, так и вне страны. Пусть читатель вспомнит, что говорилось в предыдущем параграфе о ручных ткачах Англии и Ост-Индии, которые сотнями тысяч умирали с голоду, тогда как число английских машинных ткачей возросло за то же время лишь на несколько тысяч. Вульгарные экономисты, которые хотят убедить рабочих, что машина создает новое занятие для освобожденных ею рабочих, видели эти тысячи новых рабочих, но благоразумно умалчивали о сотнях тысяч «освобожденных от труда».

Если даже одновременно с освобождением рабочих в одной отрасли труда наступает увеличение спроса на труд в других отраслях промышленности, то все же это служит еще плохим утешением для вытесненных. Может ли рабочий, который всю свою жизнь работал в определенной отрасли труда, сразу перескочить в другую?

С развитием крупной индустрии, наряду с тем движением на рабочем рынке, которое вызывается непрерывным изменением в отношении постоянного капитала к переменному, к невыгоде для последнего, развивается воздействие на рабочий рынок еще и другого своеобразного фактора, влияние которого переплетается и перекрещивается с только что упомянутым.

Как только созданы общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, как только машинное производство, добыча угля и железа, транспортное дело и тому подобное — достигли известной степени развития, с этого момента машинный способ производства приобретает способность к невероятно быстрому расширению, пределы которому ставятся лишь наличным сырым материалом и рынком сбыта. Отсюда постоянная погоня за открытием новых рынков, которые доставили бы новые сырые материалы и новых покупателей для машинных продуктов. За каждым значительным расширением рынка следует период лихорадочного производства,

пока не наступит переполнение рынка, за которым следует период застоя. «Промышленная жизнь, таким образом, превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветание производства, кризиса и застоя». Для рабочих этот цикл означает постоянные колебания между чрезмерным трудом и безработицей, полную необеспеченность, как относительно высоты заработной платы, так и относительно получения работы, и вообще неустойчивость и необеспеченность судьбы рабочего.

Движение это переплетается с вызванным техническим прогрессом, относительным, а зачастую и абсолютным уменьшением переменного капитала. То действуют они друг против друга, в периоды процветания, когда технический прогресс заботится о том, чтобы рабочие не слишком «избаловались», то действуют они совместно в одном и том же направлении, в период кризисов, когда одновременно с безработицей действует и самая необузданная конкуренция, самое отчаянное стремление к понижению цен; это стремление осуществляется частью путем введения новых сберегающих труд машин, частью путем удлинения рабочего времени, частью путем понижения заработной платы, но всегда за счет рабочего.

---

6. Машина, как революционный фактор

Когда какому-нибудь из апостолов общественной гармонии показывают изображение капиталистической фабричной системы и спрашивают его, думает ли он все еще, что мы живем в лучшем из миров, то, обыкновенно, он старается отвертеться от прямого ответа на поставленный ему вопрос заявлением, что мы живем в переходную эпоху. Капиталистическая крупная промышленность не могла еще вполне развернуть свои благодеяния, так как ее стесняют в ее развитии различные вредные остатки средневековья. Но достаточно только сравнить положение фабричных рабочих с положением рабочих в соответственных отраслях домашней промышленности или ремесла, чтобы увидеть насколько положение первых лучше положения вторых; ясно, следовательно, что крупная промышленность существенно *подняла* пложение рабочих, а не *ухудшила* его. Так извещают нам апостолы гармонии интересов.

Нельзя отрицать, что там, где крупная промышленность завоевывает себе преобладающее место, рабочие в сохранившихся еще остатках домашней промышленности, ремесла и мануфактуры находятся в гораздо более жалком положении, чем на фабрике. Но говорит ли это обстоятельство в пользу капиталистической крупной промышленности? Мы в этом сильно сомневаемся. Указанный факт об'ясняется просто тем, что фабричная система в тех отраслях производства, в которых она укореняется, не только ухудшает положение тех рабочих, которых она притягивает на фабрику, но также и тех рабочих, которые продолжают работать вне фабрики, и даже положение последних она ухудшает *еще сильнее*, чем первых. «Прогреесс», который вызывает крупная капиталистическая промышленность, состоит в том, что теми же муками и лишениями, которые она налагает на фабричных рабочих, она вдвое и втрое наделяет рабочих в домашней промышленности, ремесле и мануфактуре.

«Эксплоатация дешевых и незрелых рабочих сил практикуется в современной мануфактуре еще с большим цинизмом, чем на настоящих фабриках, вследствие того, что техническое основание последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, большею частью, отсутствуют в первой, кроме того, женский или неокрепший еще организм подвергается там, без всякого зазрения совести, действию ядовитых веществ и т. п. В так называемой домашней промышленности, эта эксплоатация проявляет еще большее бестыдство, чем даже в мануфактуре, вследствие того, что способность

рабочих к сопротивлению уменьшается с их разделением и что целый ряд хищных паразитов втискивается между действительным работодателем и рабочими. Кроме того, домашней промышленности везде приходится бороться с машинным или, по крайней мере, с мануфактурным производством в той же самой отрасли, а бедность рабочих лишает их необходимых условий труда, достаточного помещения, света, воздуха и т. п.; нерегулярность занятий и заработка здесь увеличивается и, наконец, конуренция между рабочими, по необходимости, достигает своего максимума в этом последнем убежище для всех, ставших, благодаря торжеству крупной промышленности и крупного земледелия, «излишними». Экономизирование средств производства, впервые систематически организованное машинной системой и изначала сопровождаемое беспощадным расточением рабочей силы и хищническим отношением к нормальным условиям трудовой деятельности, теперь тем обостреннее обнаруживает свою антагонистическую и человеко-убийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническое основание комбинированных трудовых процессов» [1]).

Что только в силах вынести человек, не погибая тут же на месте, все это приходится претерпевать рабочим в домашней промышленности. В своем стремлении соперничать в дешевизне с машиной они все более и более сокращают свои потребности в пище, одежде, в свете, воздухе, отдыхе, достигая, наконец, такого уровня, ниже которого не может спуститься самая ужасная фантазия. Маркс рассказывает о так называемых кружевных школах, в которых занимают работой детей в возрасте от 2-х лет. В английских мастерских, занятых плетением соломы, дети, начиная с 3-х летнего возраста, работали иногда до полночи, в тесных помещениях, в которых подчас на человека приходилось только 12—17 куб. фут. Эти цифры, говорил комиссар White перед комиссией для исследования детского труда, «свидетельствуют о *помещениях вдвое меньше* того, которое занимал бы ребенок, упакованный в кубической коробке, имеющей 3 фута по всем измерениям».

Но как ни много может вынести человеческая природа, не изнемогая тут же на месте, существуют все-таки границы, за которые она не может перейти. Раз они достигнуты, то, в результате введения машин, для домашней промышленности бьет час быстрой гибели; рабочие, занятые в домашней промышленности, должны найти себе другое занятие или же им приходится еще быстрее, чем до того, погибать голодною смертью. Совершенно то же происходит и в ремесле и мануфактуре, отживших свой век.

Переход от мануфактуры к крупной промышленности ускоряется введением фабричных законов. Домашняя индустрия тотчас теряет у себя почву под ногами, как только она подвергается законодательным ограничениям. Только неограниченная, доведенная до последних пределов эксплоатация рабочей силы женщин и детей могла еще поддерживать ее существование.

Но если машина производит такой полный переворот во всех отраслях промышленности, которыми она только завладевает, то она действует пожалуй еще революционнее тогда, когда она проникает в область *земледелия*. Здесь она обыкновенно делает рабочих излишним и не только относительно, но и абсолютно, исключая тех случаев, когда одновременно происходит очень сильное увеличение обрабатываемой земельной площади, что, напр., имело место в Соединенных штатах.

---

[1]) За последние годы появился целый ряд исследований, рисующих ужасную нищету в домашней промышленности в Германии. Некоторые из этих исследований являются чрезвычайно ценными. Желающим более подробно ознакомиться с этим вопросом мы рекомендуем сочинение Dr. Emanuel Sax, «Домашняя промышленность в Тюрингене» («Die Hausindustrie in Turingen»).

Там, где машина проникает в земледелие, крестьянину грозит та же участь, что и устаревшему ручному способу производства в промышленности. Вместе с ним рушится и самый крепкий устой старого общества. Сделавшиеся «излишними» в деревнях крестьяне и наемные рабочие устремляются в города. Крупные города, растут с колоссальной быстротой, а деревня обезлюживается. Скопление в городах огромных масс людей порождает физическую слабость промышленных рабочих. Раз'единение сельских рабочих уменьшает интенсивность их духовной жизни, сламывает их силу сопротивления капиталу. С ростом крупных городов растет и истощение почвы, так как взятые от земли в виде питательных веществ составные части ее не возвращаются ей обратно, а в форме экскрементов и всяких отбросов заражают города, вместо того, чтобы удобрять деревенскую почву. Применение же к сельскому хозяйству современной технологии увеличивает возможность получать от земли все большее количество продуктов. Все больше берется от нее и все меньше возвращается ей. Так капиталистическое применение машин, наряду с человеческой рабочей силой, хищнически расхищает и земельные богатства. Оно опустошает землю и губит рабочего физически и духовно.

Но в то же время оно развивает и зародыши новой высшей культуры и создает те силы, которые помогут ей пробить себе дорогу. Маркс видел в нищете не одну только нищету, но и зародыши лучшего будущего, которое она таит в своих недрах. Он не *осуждает* фабричную систему, не *сетует* на нее, он хочет *понять* ее. Он не *морализует*, а *исследует*. И он сам обращает наше внимание на предшественника, который впервые признал революционную сторону современной фабричной системы, на Роберта Оуэна.

Крупная промышленность создала такую страшную нищету, какой не видал ни один из предшествовавших ей способов производства. Но теперешняя нищета масс не приведет к застою. Мы не видим теперь стоячего болота нищеты, в которое бы общество погружалось медленно и незаметно, как некогда римское общество времен цезарей. Современный способ производства напоминает скорее водоворот, который, увлекая и перемешивая все слои общества, держит их всех в постоянном движении. Все унаследованные отношения производства уничтожаются им, а с ними и все унаследованные предрассудки. Но и новые отношения производства сами недолговечны, они также подвержены постоянным изменениям. Одно изобретение, один метод труда вытесняется другими; массы капитала и труда непрерывно перебрасываются из одной отрасли производства в другую, из одной страны в иную, исчезает всякая прочность отношений, а с нею исчезает и вера в эту прочность. Консервативные элементы уничтожаются, крестьянин гонится в большие города, где концентрируется в настоящее время историческая движущаяся сила и где он способствует усилению роста движения вместо того, чтобы тормозить его. Женщины и дети притягиваются на фабрику, консервативный элемент буржуазной формы семьи разрушается, хозяйка, занимающаяся домашним хозяйством, превращается в зарабатывающую, борющуюся за существование наемную работницу.

И в этом полном разрушении старого, которое происходит на наших глазах, уже замечаются зародыши нового.

Чрезмерно продолжительный, однообразный, односторонний труд довел рабочее юношество до такой степени одичания и отупения, что во всех промышленных государствах начальное образование было признано в той или иной форме необходимым условием труда. С тех пор было обнаружено, что фабричные дети учатся не только так же хорошо, но, пожалуй, даже лучше и легче чем обыкновенные ученики, регулярно посещающие школу. «Дело очень просто, говорит один фабричный инспектор. Тот, кто проводит в школе лишь полдня, постоянно свеж и почти всегда готов и способен

учиться. Система попеременного занятия учением и физическим трудом делает каждое из этих занятий отдыхом от другого и, следовательно, гораздо более пригодна для детей, чем однообразные занятия одним каким-нибудь делом». К этому Маркс прибавляет: «В фабричной системе, как это более подробно можно проследить на Роберте Оуэне, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей свыше известного возраста соединит производственный труд с обучением и гимнастикой, и это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитого человека».

К этому перевороту в педагогике должны будут присоединиться и другие перевороты. Далеко проведенное общественное разделение труда в виде отдельных профессий и специальностей, которое свойственно уже ремесленному периоду, и разделение труда внутри отдельных производств, присоединяющееся к нему в период мануфактуры, оказали чрезвычайно неблагоприятное действие на работающих индивидуумов. Условия производства развивались медленно, иногда совершенно закосневали; цельный человек на всю жизнь приковывался к известной детальной операции, в которой он достигал необыкновенного искусства, но в то же время он односторонне изувечивался и утрачивал то гармоническое развитие, которое еще классической древности придавало ее идеальную красоту.

Машина в тех отраслях производства, которыми она завладевает, устраняет для рабочего необходимость в многолетнем беспрестанном упражнении, чтобы сделать его способным к производительному труду в какой-нибудь определенной специальности. Но она же устраняет возможность того, чтобы человек в течение всей своей жизни оставался прикованным к выполнению одной и той же частичной операции, так как она производит постоянные перевороты в условиях производства, и отрывая рабочего от одной отрасли труда, бросает его в другую.

Но каких только страданий не приносит с собой это постоянное движение в настоящее время, когда постоянно сотни тысяч пролетариев образуют резервную армию безработных, готовых ухватиться за всякую работу, которая им только представится! И как незначительна теперь способность приспособляться к различным видам деятельности у наемных рабочих, у которых смолоду еще искалечены и дух и тело, у которых отсутствует понимание различных механических и технических процессов, лежащих в основе современного крупного производства, и которым не достает эластичности, чтобы приспособиться к этим процессам. И, наконец, если рабочий в крупной промышленности и не приковывается на всю свою жизнь необходимо к одной и той же определенной частичной функции, то все-таки он бывает принужден исполнять ее изо дня в день месяцы, годы, с теми лишь перерывами, которые вносятся в деятельность безработицей и голодом.

Как все пошло бы по другому, если бы различные частичные функции ежедневно, даже ежечасно сменяли друг друга, так чтобы труд не утомлял и отуплял, а возбуждал и освежал; если бы исчезла гибельная безработица и технические перевороты не совершались на счет рабочего.

Между различными предварительными условиями этого изменения есть одно педагогическое. Рабочий класс должен приобрести научное знание методов производства и практический навык в употреблении самых различных орудий производства. Попытки осуществить это предпринимаются уже и теперь в профессиональных школах и тому подобных учреждениях, но все это пока в слишком недостаточной степени. «Если фабричное законодательство, в качестве вырванной с трудом у капитала первой уступки, соединило элементарное обучение с фабричной работой, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание рабочим классом политического господства завоюет в школах для рабочих место теоретическому и практическому обучению технологии.

А какие еще перевороты в области семейных отношений несет с собой современная крупная промышленность! Уже в настоящее время она уничтожает для наемного рабочего устарелые формы семьи. Система промышленной работы женщин и детей изменила не только отношения между мужем и женой, но и между родителями и детьми. Родители сплошь да рядом делаются из защитников и кормильцев своих детей их *эксплоататорами*. Мы упоминали уже о несчастных детях в английской промышленности, занятых плетением соломы, которые, начиная с трехлетнего возраста, вынуждены были работать часто до полуночи при самых ужасных условиях. «Голодные, одичалые родители» этих маленьких плетельщиков соломы, говорит Маркс, «думают только о том, чтобы выколотить из детей возможно больше труда. Выросши, дети, естественно, не обращают на родителей никакого внимания и бросают их». «Однако не злоупотребление родительской властью, говорит Маркс в другом месте, создало эту прямую или косвенную эксплоатацию капиталом незрелой рабочей силы, а, наоборот, капиталистический способ эксплоатации вызвал злоупотребление родительской властью уничтожением соответствующего этой власти экономического строя. Как ни ужасно, как ни отвратительно разрушение внутри капиталистической системы старинного семейного строя, тем не менее крупная промышленность, посредством той решающей роли, которую она возлагает на женщин, подростков и детей обоего пола в общественно-организованном процессе производства вне сферы домашнего очага, создает новую экономическую основу для более высокой формы семьи, и для более высоких отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать христианско-германскую форму семьи абсолютной, как и древнегреческую, древне-римскую или восточную форму, которые, впрочем, образуют последовательные ступени целого исторического развития. Точно так же и составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола, и самого различного возраста, хотя в своей стихийной и грубо капиталистической форме, в которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, оно и представляет заразительный источник разврата и рабства — при соответствующих условиях должно, наоборот, сделаться и источником развития человеческой личности».

Эта открываемая нам Марксом, перспектива будущего должна примирить нас с машинной системой и с крупной промышленностью. Как ни неизмеримы страдания, которые она несет с собой рабочему классу, но, по крайней мере, они не бесплодны. Мы знаем, что на поле труда, удобряемом миллионами трупов пролетариев, должен произрасти новый посев,— высшая форма общества. Машинное производство образует основу, на которой возникает новое, далекое от односторонней ограниченности ремесленного и мануфактурного периода, состоящего не из рабов природы, как человек первобытного коммунистического периода, не покупающее себе духовную и телесную красоту и силу ценою угнетения бесправных рабов, как это было в классической древности; но поколение гармонически развитое, жизнерадостное и способное к наслаждению, господствующее над землею и силами природы, охватывающее в братстве и равенстве всех своих членов.

Отдел III

Заработная плата и прибыль на капитал

ГЛАВА I

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

1. Изменения в величине цены рабочей силы и прибавочной ценности

Во втором отделе мы занимались, главным образом, вопросом о производстве прибавочной ценности. Здесь мы прежде всего обратимся к изучению законов *заработной платы*. Введением к этому изучению и переходом от второго отдела к третьему, стоящим некоторым образом на границе их обоих, является исследование изменений в величине цены рабочей силы и прибавочной ценности, производимых изменением трех факторов, с которыми мы уже познакомились во втором отделе; эти три фактора суть: 1) длина рабочего дня, 2) нормальная *интенсивность труда* и 3) его *производительная сила*.

Все эти три фактора могут изменяться самыми разнообразными способами: переменной величиной могут являться то один из них, то два, то все три, причем величина и направление изменений могут быть различны. Исследование всех могущих получиться здесь комбинаций завело бы нас слишком далеко; да и раз даны главнейшие комбинации, самостоятельное рассмотрение прочих не представляет уже труда. Поэтому мы займемся здесь исследованием только этих главных комбинаций. Мы изучим изменения, происходящие в относительной величине прибавочной ценности и цены рабочей силы, когда меняется один из трех названных факторов, а два другие остаются неизменными.

а) Величина рабочего дня и интенсивность труда постоянны, производительная сила труда меняется. Производительная сила труда имеет, конечно, влияние на количество продуктов, которые производятся в определенную единицу времени, но она не влияет на величину ценности этой массы продуктов. Если в результате какого-нибудь изобретения прядильщик хлопка будет в состоянии выпрясть в 1 час 6 фунтов хлопка, между тем, как до сих пор он прял в 1 час только 1 фунт, то он теперь произведет в 1 час в 6 раз больше пряжи, чем прежде, но ценность производимая им, останется без изменения. Ценность же, которую он прибавляет теперь к одному фунту хлопка, превращая его своим трудом в пряжу, теперь будет в шесть раз меньшей. Это падение ценности отражается в свою очередь на ценности средств существования рабочего, напр., его одежды. Ценность рабочей силы падает, и на ту же величину увеличивается прибавочная ценность. При падении производительной силы труда произойдет, конечно, обратное явление. Увеличение или уменьшение прибавочной ценности есть всегда *следствие*, и никогда не является *причиной* соответствующего увеличения или уменьшения ценности рабочей силы.

От различных причин, и, в том числе, от силы сопротивления рабочего класса, зависит, в какой степени падению *ценности* рабочей силы будет соответствовать падение ее *цены*. Предположим, что в результате увеличения производительной силы труда, дневная ценность рабочей силы упала с 3 марок до 2 м., цена же ее уменьшилась только до 2 м. 50 пф. Если прибавочная ценность, доставляемая до сих пор ежедневно одним рабочим, равнялась 3 м., то теперь она к великому негодованию капиталиста возрастет не до 4 м., а только до 3 м. 50 пф. К счастью для последнего такие случаи бывают редко. Они предполагают не только большую силу сопротивления рабочих, но также и неизменность двух других факторов — длины рабочего дня и интенсивности труда.

Влияние изменения этих двух факторов упускается обыкновенно из виду экономистами по примеру Рикардо. Рассмотрим теперь действие каждого из этих последних изменений.

в) Рабочий день и производительная сила труда постоянны, интенсивность труда меняется. Работать интенсивнее, значит расходовать в то же самое время большее количество труда, следовательно, создавать в тот же промежуток времени большую ценность. Если прядильщик, выпрядавший в 1 час 1 ф. хлопка, теперь, при неизменной производительной силе труда, в результате лишь более напряженной работы прядет в 1 час $1^1/_2$ ф. хлопка, то он производит также в час в полтора раза большую ценность, чем прежде. Если прежде он производил в 12 часов ценность, равную 6 маркам, то теперь за то же время он произведет ценность в 9 марок. Если раньше цена его рабочей силы равнялась 3 м., а теперь она возросла до 4, то несмотря на это возрастает одновременно прибавочная ценность, именно с 3 м. до 5 м. Неверно, следовательно, так часто повторяемое утверждение, будто повышение цены рабочей силы возможно только на счет прибавочной ценности. Это справедливо лишь для первого рассмотренного нами выше случая, но неприменимо к тому, который мы теперь разбираем. Кроме того, следует заметить, что повышение цены рабочей силы в этом втором случае не всегда означает, что цена поднялась выше ценности. Если возрастание цены не достаточно, чтобы вознаградить более быстрое изнашивание рабочей силы, необходимо вытекающее из повышенной интенсивности труда, тогда в действительности цена рабочей силы *падает* ниже ее ценности».

У различных наций интенсивность труда не одинакова. Более интенсивный рабочий день одной нации получает более высокое денежное выражение, чем менее интенсивный — другой нации.

На английских фабриках рабочий день обыкновенно короче, чем на немецких, но, именно, поэтому труд на первых гораздо интенсивнее, так что английский рабочий производит в один час труда большую ценность, чем его немецкий товарищ. «Большее законодательное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках,—говорит Маркс,—было бы самым верным средством для уменьшения этой разницы между континентальными и английскими рабочими часами».

с) Производительная сила и интенсивность труда постоянны, длина рабочего дня меняется. Это изменение может происходить в двух направлениях: 1) *Рабочий день сокращается.* Ценность рабочей силы от этого не изменяется; сокращение происходит на счет прибавочной ценности. Если капиталист желает сохранить ее неурезанной, он должен понизить цену рабочей силы ниже ее ценности. Возможностью такой комбинации охотно аргументируют противники нормировки рабочего дня. Но их доводы были бы справедливы лишь в том случае, если бы интенсивность и производительность труда оставались неизменными. В действительности же сокращение рабочего времени постоянно является либо причиной, либо следствием повышения интенсивности и производительности труда.

2) *Рабочий день удлиняется.* Результаты этого изменения причиняли капиталистам еще очень мало забот. В силу этого удлинения растет ценность произведенной в течение рабочего дня массы продуктов, а вместе с нею растет и прибавочная ценность. Цена рабочей силы может также возрасти. Но здесь, как и при увеличении интенсивности труда, повышение цены фактически может означать падение ее ниже уровня ее ценности, если это повышение не уравновешивает увеличившегося изнашивания рабочей силы.

Рассмотренные нами под пунктами *а*, *в*, и *с*, случаи редко выступают в совершенно чистом виде. Обыкновенно изменение одного из трех факторов влечет за собою изменение в остальных. Маркс исследует, между прочим, случаи, когда интенсивность и производительность труда растут и одновременно сокращается рабочий день и указывает при этом границу, до которой может идти сокращение рабочего дня. При капиталистическом способе производства рабочий день не может быть сокращен до того количества рабочего времени, которое необходимо для поддержания рабочего. Это означало бы уничтожение прибавочной ценности, составляющей основу капитализма.

Уничтожение капиталистического способа производства дало бы возможность ограничить рабочий день только необходимым трудом. Но при всех прочих равных условиях, с устранением капиталистического способа производства возникла бы потребность в *удлинении* необходимого рабочего времени, во-первых, потому что возрасли бы жизненные потребности рабочего и, во-вторых, потому, что накопление фонда для продолжения и расширения производства должно было бы происходить на счет необходимого труда, тогда как теперь она происходит на счет прибавочной ценности.

Но, с другой стороны, вместе с сокращением рабочего дня росла бы и интенсивность труда. Система общественно-организованного труда привела бы к экономии средств производства и устранению всякого бесполезного труда. «Тогда как в каждом индивидуальном предприятии капиталистический способ производства вынуждает экономию, свойственная ему анархическая система конкуренции порождает безграничную трату общественных средств производства и рабочих сил при наличности громадного множества функций, ныне неизбежных, но по существу излишних». «При данной интенсивности и производительной силе труда,—продолжает Маркс,—часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, часть же времени, остающаяся для свободной умственной и общественной деятельности личности тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми способными к труду членами общества, чем менее один слой общества может свалить на другой естественную необходимость труда. Абсолютной границей сокращения рабочего дня в этом направлении является всеобщность труда. В капиталистическом обществе свободное время для одного класса создается путем превращения всей жизни масс в сплошное рабочее время».

---

2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату

До сих пор мы говорили о *ценности и цене рабочей силы* и об их отношениях к прибавочной ценности. Но то, что на поверхности общества является в виде заработной платы, кажется не ценою *рабочей силы*, а ценой *труда*. «Если бы спросить рабочих: «Как высока ваша заработная плата? то один ответил бы: я получаю от моего буржуа 1 марку за рабочий день; другой сказал бы: я получаю 2 марки, и т. д. Сообразно различным отраслям труда, в которых они заняты, они указывали бы различные денежные суммы, которые они получают от своих буржуа за определенное рабочее время или за выполнение определенной работы,

напр., за тканье одного локтя холста или за набор одного печатного листа. Но, несмотря на различие своих показаний, все они сойдутся в одном пункте: заработная плата есть сумма денег, которую капиталист платит за определенное рабочее время или за определенное количество труда»[1]).

Ценою товара называется его ценность, выраженная в деньгах. Если труд имеет цену, то он должен обладать также ценностью, рассуждали далее экономисты. Но как же велика его ценность? Подобно ценности всякого другого товара, она определяется количеством рабочего времени, необходимого для его производства. А сколько рабочих часов необходимо для того, чтобы произвести двенадцати-часовый труд? Очевидно 12 часов.

Из сказанного вытекает, что если труд оплачивается по своей полной ценности, то рабочий получает в форме заработной платы ценность, равную той, которую он прибавляет к продукту своим трудом. Этот расчет приводит нас, таким образом, к альтернативе: мы должны признать ошибочной либо теорию прибавочной ценности, либо теорию ценности, либо, наконец, обе вместе, и должны, следовательно, признать неразрешимой загадку капиталистического производства. Классическая буржуазная политическая экономия, достигшая в лице Рикардо высшего пункта своего развития, не могла разрешить своего противоречия, вульгарная политическая экономия, которая ставит себе задачей, не *исследовать,* а *оправдать* и прикрасить современный способ производства, использовала упомянутое противоречие для аналогии капиталистических отношений.

Маркс вскрыл заблуждения как одной, так и другой стороны тем, что ясно установил разницу между *трудом и рабочей силой*, которые совершенно не различались предшествовавшими ему экономистами.

В 1847 году Маркс еще не дошел до этого своего основного открытия. В своей «Нищите философии», как и в статьях «Наемный труд и капитал» он говорит еще о ценности труда, которая незаметно для него самого превращается у него в ценность рабочей силы. Но наши экономисты так мало поняли всю важность различия между трудом и рабочей силой, что они и по сию пору смешивают еще оба эти понятия и толкуют постоянно о Марксовско-Родбертусовской теории ценности, хотя Родбертус без всяких оговорок принял теорию ценности Рикардо с ее смешением труда и рабочей силы и со всеми теми противоречиями, которые вытекают из этого смешения, тогда как Маркс освободил ее от ее противоречий, как в упомянутом пункте, так и в некоторых других существенных пунктах, (мы напомним лишь об ограничении образующего ценность труда — трудом общественно-необходимым, о различении всеобщего, создающего ценность труда и труда специфического, создающего потребительную ценность и т. п.) и из теории Рикардо создал действительно исчерпывающую и прочно обоснованную теорию ценности.

Маркс первый доказал, что *труд* не является товаром и не обладает поэтому товарной (меновой) ценностью, хотя он и представляет источник и мерило всех товарных ценностей. На рынке фигурирует не труд, а рабочий, предлагающий свою рабочую силу. Труд возникает в результате потребления товара — рабочая сила, как известное опьянение является результатом потребления товара — шампанское вино. Подобно тому, как капиталист покупает шампанское, а не вызываемое им опьянение, точно также он покупает и рабочую силу, а не труд.

Но рабочая сила представляет своеобразный товар; он оплачивается только после того, как он уже потреблен; рабочий получает заработную плату лишь по выполнении известной работы.

Покупается *рабочая сила*, а кажется при этом, как-будто оплачивается *труд*. Заработная плата не носит характера цены рабочей силы. Прежде

---

[1]) Маркс. «Наемный труд и капитал».

чем она в форме заработной платы выйдет из кармана капиталиста на свет божий, она претерпевает превращение и представляется нашему взору в виде цены труда.

Понятно, что предшествовавшие Марксу экономисты не могли научно исследовать того, каким образом происходит это превращение и каковы его результаты, так как они не понимали разницы, существующей между ценой рабочей силы и ценой труда. Маркс, следовательно, впервые дал нам строго научную теорию заработной платы. Две основные формы, в которых выступает заработная плата, суть *плата* по *времени и поштучная плата*.

---

3. Плата по времени

Нам известно, что при данных обстоятельствах ценность дневной рабочей силы представляет величину данную. Предположим, что ценность эта равна 2 маркам 40 пфеннигам и что *обычная* длина рабочего дня составляет 12 часов. Мы примем здесь, как это постоянно принимается в нашем изложении, если только не имеется специальной оговорки, что ценность и цена рабочей силы, как и всех прочих товаров, совпадают. Тогда цена 12-ти часового труда представляется равной 2 м. 40 пф. и цена одного часа труда равняется 20 пфеннигам. Найденная таким способом цена одного часа труда служит единицей для измерения цены труда.

Цена труда находится, следовательно, путем деления ценности дневной рабочей силы на число рабочих часов, заключающихся в *обычном* рабочем дне.

Цена труда и поденная или недельная заработная плата могут изменяться в различные стороны. Предположим, что рабочий день удлинился с 12 до 15 часов и одновременно цена труда упала с 20 до 18 пфеннигов. Поденная плата составит теперь 2 марки 70 пфеннигов, она возросла, хотя цена труда при этом понизилась.

Цена труда, как только что было сказано, зависит от ценности дневной рабочей силы и от *обычной* длины рабочего дня.

Если теперь в силу какого-нибудь *чрезвычайного* события, как напр. кризиса, капиталист, которому стало трудно сбывать свои товары, сокращает длину рабочего дня, скажем, до половины прежнего, то он не повышает при этом пропорционально цену труда. Если она равнялись 20 пфеннигам, то при шестичасовом рабочем дне, рабочий станет зарабатывать только 1 м. 20 пф., хотя ценность его дневной рабочей силы гораздо выше; в нашем примере она достигает 2 м. 40 пф.[1]).

Мы видели выше, что *удлинение* рабочего дня представляет источник мучений для рабочих, теперь мы находим новый источник этих мучений в его временном *сокращении*.

Капиталисты пользуются этим обстоятельством и всякий раз, когда возникает вопрос о законодательном ограничении длины рабочего дня, они, ссылаясь на свое сочувствие к бедным рабочим, начинают возражать против такого ограничения. «Мы и без того были принуждены платить жалкую нищенскую плату за пятнадцати-часовой труд, восклицают они, а теперь вы хотите сократить рабочий день до десяти часов и таким образом отнять у голодающих рабочих еще третью часть их заработка! Против подобного варварства мы должны протестовать самым энергичным образом».

---

[1]) Цена труда может также одновременно понизиться, но если-бы это случилось, это-бы не было следствием сокращения рабочего дня, а явилось бы результатом большого предложения рабочей силы и тому подобных явлений, рассмотрение которых не входит теперь в нашу задачу. Необходимо *постоянно иметь* в виду, что в настоящем исследовании речь идет об *основных* явлениях капиталистического способа производства, а не о полной картине его.

Благородные друзья человечества забывают при этом, что *цена труда* повышается с сокращением *обычной* длины рабочего дня; чем выше ценность дневной рабочей силы и чем меньше длина *обычного* рабочего дня, тем выше цена труда.

Временное сокращение рабочего дня *понижает* заработную плату, *длительное* сокращение его повышает ее. Это наблюдалось между прочим в Англии. Согласно отчетам фабричных инспекторов от апреля 1860 г. за двадцатилетие от 1839 до 1859 г. заработная плата возросла на фабриках, подчиненных закону о десятичасовом нормальном рабочем дне, и *упала* на тех фабриках, на которых работа продолжалась по 14 — 15 часов. Многочисленные позднейшие наблюдения, делавшиеся вплоть до настоящего времени, подтверждают вполне *это* правило.

Длительное увеличение рабочего дня понижает цену труда и обратно, низкая цена труда заставляет рабочего подчиняться удлинению рабочего дня, чтобы обеспечить себе хотя-бы жалкую заработную плату. Низкая цена труда и длинный рабочий день имеет при этом тенденцию сохраняться. Капиталисты понижают заработную плату и удлиняют рабочий день для того, чтобы увеличить свою прибыль, но взаимная конкуренция заставляет их в конце-концов понизить в соответствующей мере и цены товаров. Добавочная прибыль, явившаяся в результате удлинения рабочего дня и понижения заработной платы, исчезает теперь, низкие же цены остаются и насильственно удерживают заработную плату на достигнутом ею низком уровне, сохраняя в то же время чрезмерно длинный рабочий день. Капиталисты не получают от такой комбинации никакой длительной выгоды, рабочим же, наоборот, она наносит длительный ущерб. Законодательное установление нормального рабочего дня кладет прочный предел развитию такого рода явлений.

Здесь заслуживают также упоминания еще другие благотворные результаты, к которым приводит нормальный рабочий день.

В известных отраслях труда капиталист не платит рабочему определенной еженедельной или поденной платы, а оплачивает его труд по часам. Рабочий должен в течение всего дня находиться в распоряжении капиталиста, но от усмотрения последнего зависит, обременить ли рабочего чрезмерно долгим трудом или заставить его работать только в течение нескольких часов. Цена труда определяется при этом соответственно длине обычного рабочего дня.

Таким образом, платя «нормальную» цену за труд, капиталист получает в свое распоряжение всю рабочую силу рабочего, не оплачивая ее, однако, по ее полной ценности; в тех случаях, когда он заставляет рабочего работать меньше нормального числа часов, указанное обстоятельство выступает с полной очевидностью; но оно существует и тогда, когда капиталист удлиняет рабочий день за его нормальные пределы.

Ценность затрачиваемой в течение часа рабочей силы не представляет постоянной величины. Затрачиваемую в течение первых часов рабочего дня рабочую силу легче восстановить, нежели ту, которая расходуется в последние часы его.

Поэтому и ценность израсходованной в первый час рабочей силы меньше ценности рабочей силы, израсходованной в течение десятого или двенадцатого часа, хотя потребительная ценность последней может быть гораздо меньше, чем первый. В силу этого даже не на основании каких-нибудь физиологических или экономических соображений, а чисто естественным путем во многих предприятиях установился обычай считать до известного предела рабочий день за «нормальный», а остальное рабочее время рассматривать как *сверхурочное* и выше оплачивать его, хотя зачастую это увеличение платы за сверхурочное время происходит в совершенно ничтожном размере.

Вышеупомянутые капиталисты, нанимая рабочих по часам, избегают, таким образом, необходимости оплачивать сверхурочное время по повышенной расценке.

Различие, которое делает вышеупомянутая система между «нормальным» рабочим днем и сверхурочным временем, не должно быть понимаемо в том смысле, что цена труда в продолжении нормального рабочего дня составляет нормальную заработную плату, а добавочная плата, которая платится за сверхурочное время, представляет излишек сверх ценности дневной рабочей силы. Существуют фабрики, на которых круглый год работа ведется в сверхурочное время. Там «нормальная» заработная плата так низка, что рабочий на нее не имеет возможности существовать и принужден поэтому браться за сверхурочные работы. В тех предприятиях где работа регулярно ведется в сверхурочное время, «нормальный» рабочий день представляет лишь часть действительного рабочего дня, а «нормальная» заработная плата — лишь часть той платы, которая необходима для поддержания жизни рабочего. Более высокое вознаграждение за сверхурочное время является часто только средством заставить рабочего согласиться на удлинение рабочего дня.

Последнее же, как мы уже видели, соответствует понижению цены труда.

Нормальный рабочий день имеет тенденцию ставить прочную преграду всем этим уловкам для понижения заработной платы.

---

4. Поштучная плата

Плата по времени представляет превращенную форму цены рабочей силы; поштучная плата — это превращенная форма платы по времени.

Предположим, что обычный рабочий день длится 12 часов, ценность дневной рабочей силы равна 2 маркам 40 пфеннигам и один рабочий изготовляет ежедневно в среднем 24 штуки какого-нибудь определенного товара. В капиталистическом предприятии опытным путем быстро устанавливается, какую работу может совершить в течение рабочего дня один рабочий при средней ловкости и интенсивности труда. Этого рабочего можно нанимать поденно по цене 20 пфеннигов в час, ему же можно платить и по 10 пфеннигов за каждую изготовленную им штуку товара. В последнем случае заработная плата является в форме поштучной платы.

Основами поштучной платы являются, как мы видим, ценность дневной рабочей силы и обычная длина рабочего дня, совершенно так же, как и при плате по времени. На первый взгляд, правда, поштучная плата определяется количеством произведенного продукта, но заблуждение это тотчас рассеивается, если вспомнить, что поштучная плата соответственно понижается, как только увеличивается производительность труда. Если рабочему для изготовления одной штуки товара, о котором шла речь в вышеприведенном примере станет необходимо уже не полчаса, а, вследствие, напр., усовершенствования машин, только четверть часа, то капиталист, при всех прочих равных условиях, будет платить ему уже не 10 пф. за штуку, а только 5 пфеннигов. Часто бывают случаи,— всякому имеющему дело с рабочими, конечно, известны таковые — когда отдельным рабочим или целым группам их, которым посчастливилось вдруг изготовить за данный период времени необыкновенно большее для этого срока количество продуктов, произвольно урезывалась условленная заранее поштучная плата, причем мотивировалось такое урезывание тем, что сумма заработка черезчур уже превышает обычный уровень платы. Едва ли возможно яснее, чем приведенным способом, показать, что поштучная плата есть только превращенная форма платы по времени, форма, которую капиталист добровольно применяет только тогда, когда она представляется ему более выгодной, чем непревращенная форма платы по времени.

Обыкновенно, поштучная плата представляет для капиталиста большие преимущества. Оплачивая рабочую силу по времени, капиталист платит за нее соответственно *количеству* доставленного ею *труда*, платя поштучно, он оплачивает ее соответственно количеству доставленного *продукта*. Во втором случае он может быть уверенным, что, и без всякого понуждения с его стороны, рабочий в своем собственном интересе доставит ему в течение каждого рабочего часа возможно большее количество продукта. Ему при этом приходится лишь контролировать, доставляет ли рабочий продукт среднего качества, а такой контроль является наиболее легким. Малейший изъян служит тогда причиной, а очень часто простым только поводом для понижения платы рабочему и для всяких прижимок и притеснений.

Вследствие этого при поштучной плате надзор капиталиста и его агентов за рабочими становится в значительной мере излишним, и капиталист, экономит, таким образом, труд и расходы по управлению. В известных отраслях промышленности поштучная плата делает даже возможной работу рабочих у себя на дому и, благодаря этому, капиталист сберегает целый ряд расходов по устройству и издержек производства (на отопление, освещение, поземельную ренту и т. п.); в силу этого у него освобождается часть капитала, которую он, в противном случае, должен был бы вложить в предприятие.

В производствах, в которых распространена работа на дому, напр., в портняжном или сапожном ремесле, случается, что хозяин требует с рабочих, работающих не у себя на дому, а у него в мастерской *платы* за помещение и инструменты! Рабочим приходится еще дорогонько оплачивать удовольствие надрываться под «хозяйским оком».

При системе поштучной платы личный интерес рабочего побуждает его работать, как можно дольше и как можно интенсивнее, чтобы по возможности повысить свой дневной или недельный заработок. Он не видит, что его чрезмерный труд не только разрушает его здоровье — аккордная работа — смертельная работа (Akkordardeit ist Mordardeit), говорит немецкая пословица — но и стремится понизить цену его труда. А если он даже замечает это, он все-таки не в состоянии избежать действия закона конкуренции с другими рабочими.

Эта взаимная конкуренция рабочих и фикция свободы и самостоятельности, которая вызывается поштучной работой, наряду с взаимной разобщенностью их (при работе на дому) сильно затрудняют организацию рабочих и их совместные действия.

Но система поштучной платы обладает, с точки зрения интересов рабочего, еще и другими темными сторонами. Она делает возможным появление паразитических элементов, которые, вдвигаясь в качестве посредников между рабочим и капиталистом, живут тем, что урывают в свою пользу от платимой капиталистом заработной платы значительную часть. Система поштучной платы позволяет также капиталисту в тех случаях, когда работа совершается целыми группами рабочих, заключать условия об изготовлении продуктов по известной цене за штуку только с представителями этих групп, представляя упомянутым представителям расплачиваться по собственному усмотрению со своими помощниками. «Эксплоатация рабочего капиталом осуществляется здесь с помощью эксплоатации рабочего самим же рабочим».

Насколько невыгодна поштучная плата рабочим, настолько же она прибыльна капиталистам. Поштучная плата представляет форму вознаграждения рабочих, свойственную именно капиталистическому способу производства. Она не совсем была неизвестна и цеховому ремеслу. Но широкое распространение она получила лишь в период мануфактурного производства. В эпоху возникновения крупной промышленности, она служила одним из могущественнейших средств удлинить рабочий день и понизить цену труда.

5. Национальные различия в заработной плате

Мы наблюдали целый ряд комбинаций, от которых зависят ценность и цена рабочей силы и их отношение к прибавочной ценности, комбинаций, обусловленных изменениями в длине рабочего дня, в интенсивности и производительности труда. Вместе с тем количество средств существования, в которых реализуется цена рабочей силы, претерпевает изменения, независимые от колебаний этой цены. Все указаные изменения обуславливают также изменения в превращенной форме цены рабочей силы, в заработной плате. Так, в каждой стране заработная плата подвержена постоянным колебаниям, она различна в разное время. Этому различию во времени соответствует и различие в пространстве. Всякому известно, что в Америке заработная плата выше, чем в Германии, в Германии выше, чем в Польше.

Но произвести сравнение заработных плат у различных национальностей не так то просто. «При сравнении заработной платы у различных народов, — говорит Маркс, — надо принимать во внимание все моменты, от которых находится в зависимости изменение величины ценности рабочей силы: цену и размер необходимых жизненных потребностей, как естественных, так и развившихся исторически, издержки на воспитание рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величины. Даже самое поверхностное сравнение требует, во-первых, чтобы средняя поденная плата данной отрасли промышленности в разных странах была приведена к рабочему дню одинаковой длины. Затем, после такого приведения поденных плат, плату по времени следует перевести в поштучную плату, так как только последняя является мерилом как производительности, так и интенсивности труда».

Абсолютная цена труда может быть у какой-нибудь нации сравнительно очень высокой и все-таки *относительная заработная плата*, т.-е. цена труда по сравнению с прибавочной ценностью или с ценностью всего произведенного продукта, равно как и реальная плата, т.-е. количество средств существования, приобретаемое рабочим за полученную им плату, могут быть весьма низки.

У наций с высоко развитым капиталистическим способом производства производительность и интенсивность труда выше, чем у наций, отставших на пути развития капиталистического производства. А на мировом рынке более производительный, как и более интенсивный труд считаются производящими также и большую ценность.

Предположим, что в России прядильщик, плохо питающийся и мало развитой, переутомленный продолжительным трудом и работающий на плохих машинах, изготовляет за один час в среднем 1 фунт хлопчатобумажной пряжи; английский же прядильщик, наоборот, изготовляет 6 ф. ее. Однако 1 ф. русской пряжи не будет в силу этого цениться на мировом рынке выше, чем один фунт английской. Труд прядильщика в Англии производит за одно и то-же время большую ценность, чем в России; ценность его труда за одинаковое время воплощается в Англии в большем количестве золота, чем в России. Поэтому в развитой в капиталистическом отношении стране выраженная в деньгах плата может быть выше, чем в стране отсталой и все таки цена труда по сравнению с прибавочной ценностью может при этом быть гораздо ниже, потому что ценность всего продукта здесь выше.

Но в стране с более высокой производительностью труда, ценность денег является более низкой. Поэтому цена рабочей силы может быть там выше, чем в других странах и все-таки рабочий не будет в состоянии приобрести себе за свою более высокую плату большего количества средств существования.

При выполнении крупных предприятий вне пределов Англии, напр., при постройке железных дорог в Азии, английские предприниматели были

принуждены наряду с дешевыми туземными рабочими применять также и других английских. В упомянутых и подобных им случаях опыт показал, что самый, повидимому, дорогой труд оказывается наиболее дешевым, как по отношению к его производительности, так и по сравнению с прибавочной ценностью.

Русская промышленность с ее нищенскими заработными платами и неограниченной эксплоатацией труда влачит лишь с помощью запретительных пошлин жалкое существование. Она не в состоянии конкурировать с английской промышленностью, которая производит при относительно высокой заработной плате и коротком рабочем дне, при наличности многочисленных ограничений женского и детского труда, всевозможных санитарных предписаний и т. п. *Абсолютная* цена русского труда и его *денежное* выражение — *низки*. Его *относительная* цена по сравнению с ценностью на мировом рынке произведенного им продукта — *высока*.

ГЛАВА II

ДОХОД С КАПИТАЛА

Мы видели как деньги превращаются в капитал и как наемный рабочий не только сохраняет своим трудом ценность той части капитала, которая была затрачена на приобретение необходимых средств производства, но и создает новую ценность, равную ценности его рабочей силы плюс прибавочная ценность.

Но движение капитала не заканчивается с появлением прибавочной ценности. Она подобно товару не исполнила своего предназначения, если ей не удалось превратиться в деньги, так как она также первоначально воплощается в определенном количестве товара — в прибавочном продукте. После того как прибавочная ценность была *произведена* в форме прибавочного продукта, остается еще *реализовать* его ценность в деньгах, довести произведенные товары до их потребителя. На пути к своей реализации прибавочная ценность, подобно всякой другой ценности, встречает ряд то веселых, то печальных приключений. Сегодня она реализуется по необыкновенно высокой цене, завтра по необычайно низкой или же остается совершенно нереализованной. Один раз товар, в котором она воплощается, составляет предмет поисков покупателей еще раньше, чем она успеет появиться на рынке, другой раз он годами валяется в лавке, не находя себе сбыта и т. д. А во время всех этих странствований и по окончании их ей грозят еще другие опасности. Здесь купец, взявший на себя заботу о продаже товаров, отрывает в свою пользу часть прибавочной ценности и присваивает ее в форме торговой прибыли. Там приходится платить землевладельцу поземельную ренту, затем налоги, проценты на занятые деньги и т. п., пока, наконец, оставшаяся часть не исчезает в карманах нашего капиталиста в форме предпринимательской прибыли.

Но здесь мы не станем заниматься всеми теми приключениями и превращениями, которые претерпевает прибавочная ценность на этом пути. Частью они принадлежат к сфере процесса обращения капитала, который рассматривается Марксом во втором томе его труда, частью они изучаются им при исследовании процесса капиталистического производства, взятого в целом, которому посвящен третий том. Первый том «Капитала» занимается только одной сторочой этого процесса, именно непосредственным *процессом производства;* дальнейшей судьбой прибавочной ценности, после того как она уже была произведена, мы будем заниматься здесь лишь постольку, поскольку она оказывает влияние на этот процесс производства. Мы, следовательно, в дальнейшем, как и во всем предшествовавшем изложении, предполагаем всюду, где прямо не оговорено противное, что капиталист продает на рынке свои товары по их полной ценности; мы предполагаем далее, что прибавочная ценность целиком попадает в руки капиталиста.

Противоположное допущение только усложнило бы и затруднило исследование, вовсе не меняя, однако, по существу его результатов.

Прибавочная ценность может оказывать влияние на процесс производства только при его *повторении*, иными словами при процессе *воспроизведения*.

Каждый общественный процесс производства есть в то же время и процесс воспроизведения; производство, какие бы общественные формы оно не принимало, должно быть непрерывно или должно повторяться через определенные промежутки времени. Этим определяется для каждой общественной формы производства необходимость непрерывно производить не только средства потребления, но и средства производства.

Если производство принимает капиталистическую форму, то такую же форму принимает и воспроизведение. Как для каждого общества необходимо непрерывно или в правильно повторяющиеся периоды времени производить потребительные ценности, так и для капитала необходимо, для того, чтобы он мог оставаться капиталом, *постоянно* производить *прибавочную ценность*, постоянно ее *воспроизводить*. Высидев однажды прибавочную ценность, он должен быть снова обращен на производство, чтобы вторично ее высидеть и т. д. Капитал, следовательно, все снова и снова производит прибавочную ценность, он воспроизводит ее. Последняя получает форму всегда возобновляющегося плода, находящегося в движении капитала, форму *постоянного дохода*, происходящего от капитала, форму прибыли.

Сказанным о прибавочной ценности можно ограничиться, поскольку речь идет об ее *происхождении* из процесса воспроизведения. Но этот же процесс представляет ей случай снова *войти* в процесс производства. Предположим, что капиталист затрачивает капитал в 100.000 марок, приносящий ему 20.000 марок годового дохода. Как распорядится он этим доходом? Тут возможны два крайних случая: или он потребит весь свой годовой доход, или же он прибавит к капиталу всю сумму прибавочной ценности. По большей части не произойдет ни того, ни другого, а капиталист часть своей прибавочной ценности потребит, другую же часть он присоединит к своему прежнему капиталу.

Если вся прибавочная ценность потребляется, тогда капитал остается все время на одном и том же уровне. Если прибавочная ценность целиком или частью прибавляется к капиталу, тогда происходит *накопление* капитала и получается воспроизведение в расширенных размерах.

ГЛАВА III

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

Простое воспроизведение есть лишь повторение процесса производства в его прежнем размере. Но уже простое повторение придает ему ряд новых свойств.

Предположим, что владелец известной суммы денег, безразлично каким путем, напр. собственным трудом, добывший их, превращает свои деньги в капитал. Из 10000 марок, которыми он обладает, он вкладывает 9000 в постоянный капитал, а 1000 составляет переменный капитал, т.-е. идет на плату рабочим. Затратив этот капитал, он производит известное количество продуктов ценностью в 11000 марок, которые он продает по их полной стоимости. Прибавочную ценность в 1000 марок он потребляет, и воспроизведение продолжается в прежнем размере: 9000 марок затрачиваются в виде постоянного капитала, 1000 марок — в виде переменного. Но теперь уже картина меняется: 1000 марок, затраченная на заработную плату в первом процессе производства, не была произведена трудом рабочих, занятых в данном предприятии, эта 1000 была получена из другого источника, возможно, что капиталист сам заработал ее. Наоборот, какого происхождения та 1000 марок, которая затрачивается на заработную плату при повторении процесса производства? Она представляет реализацию ценности, произведенной *рабочими* во время *предыдущего процесса производства*. Рабочие не только перенесли на продукт ценность постоянного капитала (9000 марок), но и создали новую ценность (в размере 2000 марок), часть которой (1000 марок) равна ценности их рабочей силы, а другая часть представляет прибавочную ценность.

Если мы рассматриваем капиталистический процесс производства, как единичный производственный процесс (или если мы рассматриваем первый производительный период, следующий непосредственно за тем, как капитал был вложен в данное предприятие), то рабочая плата представляется нам *ссудой*, которую *капиталист* выдает из своего собственного кармана.

Если же мы взглянем на капиталистический процесс производства, как на процесс воспроизведения, то мы увидим, что рабочий *оплачивается из продукта его собственного труда*. В этом смысле справедливым является утверждение, что в виде заработной платы рабочий получает долю продукта своего труда. Но только он получает при этом свою долю из проданного уже продукта прежнего производительного периода.

Возвратимся к нашему примеру. Предположим, что каждый производительный период продолжается полгода. Ежегодно наш капиталист присваивает 2000 марок прибавочной ценности, которую он потребляет. По прошествии 5 лет он потребит 10000 марок, т.-е. ценность, равную его

первоначальному капиталу. Но теперь, как и раньше, он обладает капиталом в 10000 марок.

Этот новый капитал равен по величине первоначальному капиталу, но основа его уже совершенно иная. Первоначальные 10000 марок не были созданы трудом рабочих, занятых в предприятии нашего капиталиста: они происходили из другого источника. Но за 5 лет он успел прожить эти 10000 марок; если же у него все-таки имеются еще 10000 марок то источником их является *прибавочная ценность*. Таким образом, всякий капитал, из какого бы источника он не происходил, превращается через известный промежуток времени уже в силу простого воспроизведения в капитализированную прибавочную ценность, в продукт чужого прибавочного труда в *накопленный капитал*.

Исходным пунктом капиталистического процесса производства является отделение рабочего от средств производства, скопление не имеющих собственности рабочих на одном, а средств производства и существования на другом полюсе. В капиталистическом *процессе воспроизведения* этот *исходный пункт* процесса производства становится его *результатом*. Капиталистический процесс воспроизведения сам постоянно воссоздает капитал и класс наемных рабочих и этим поддерживает условия своего собственного существования.

Средства существования и производства, создаваемые наемными рабочими, принадлежат не им, а капиталистам. Рабочие выходят постоянно из процесса производства совершенно такими же, как они вступили в него, не имеющими собственности пролетариями; капиталисты-же, напротив, в конце каждого производительного периода снова оказываются обладателями средств существования, которые покупают рабочую силу, средств производства, которые порабощают производителей.

Так рабочий сам постоянно вновь создает условие своей зависимости и своей нищеты.

Но процесс воспроизведения капитала делает также необходимым и воспроизведение рабочего класса.

Пока мы рассматривали процесс производства, как *единичное* и поэтому *обособленное* явление, мы имели дело лишь с *отдельным* капиталистом и с *отдельным* рабочим. Здесь рабочая сила, а следовательно и сам рабочий, который не может быть отделен от нее, принадлежали, казалось, капиталисту только во время ее *производительного* потребления, в течение рабочего дня. Во все прочее время рабочий принадлежал себе самому и своей семье. Когда он ел, пил, спал, он делал это для себя лично, а не для капиталиста.

Но, как только мы станем рассматривать капиталистический способ производства в его целом, в его непрерывном возобновлении, иными словами: как процесс воспроизведения, нам прежде всего приходится при этом иметь дело не с отдельным капиталистом и рабочим, а *с классом капиталистов* и *с классом рабочих*. Процесс воспроизведения капитала требует увековечения рабочего класса. Для того, чтобы процесс производства мог постоянно возобновляться, рабочие должны постоянно восстановлять свою затраченную рабочую силу и заботиться о создании нового поколения свежих рабочих сил. Тут капитал находится в особенно приятном и удобном положении — он имеет возможность представить выполнение этой важной функции инстинкту самосохранения и размножения самих рабочих.

Повидимому, вне рабочего времени рабочие живут исключительно для себя самих, но, в действительности, они живут для класса капиталистов, даже и тогда, когда они «праздны». Когда, по окончании работ они едят, пьют, спят и т. д., они поддерживают всем этим существование класса наемных рабочих, а следовательно, и капиталистического способа производства. Когда капиталист — *кормилец*, как его называли в патриархальные

времена, *работодатель*, как его окрестили немецкие катедер-экономисты,— выплачивает рабочему его плату, он этим дает последнему лишь средства для поддержания его собственного существования, а вместе с тем и существования всего его класса в интересах класса капиталистов.

Но в силу того, что средства существования, приобретаемые рабочими на получаемую ими заработную плату, целиком потребляются ими, рабочие оказываются вынужденными все снова и снова выносить на рынок свою рабочую силу.

Таким образом, с точки зрения воспроизведения, рабочий занят в интересах капитала не только в продолжение рабочего времени, но и в течение его «свободных» часов. Он ест и пьет уже не для себя, а для того, чтобы сохранить классу капиталистов свою рабочую силу. Поэтому капиталисту вовсе не безразлично, как именно ест и пьет его рабочий. Если рабочий, вместо того, чтобы дать отдохнуть своей рабочей силе и восстановить ее, напивается в воскресенье так, что в понедельник у него с похмелья трещит голова, то капиталисту это представляется не нарушением интереса самого же рабочего, а преступлением по отношению к капиталу, *растратой* той рабочей силы, которая принадлежит последнему.

Теперь уже не *купленная только рабочая сила*, а *весь рабочий целиком, весь рабочий класс* представляется, с точки зрения процесса воспроизведения, *принадлежностью капитала*. Там, где рабочий не проникается этой мыслью и где он имеет возможность, путем, напр., эмиграции, избегнуть указанной участи, капиталист, когда ему это нужно, не останавливается перед тем, чтобы с помощью принудительных законов внушить ему, что он должен жить и размножаться не для себя, а для капитала. Так, например, в прежнее время в большинстве государств закон воспрещал под страхом наказаний эмиграцию искусных рабочих. В настоящее время нет необходимости в таких мерах. Капиталистический способ производства настолько окреп, что его законы, вообще говоря, осуществляются как принудительные *экономические* законы, не нуждаясь ни в какой особой поддержке со стороны политической власти. Рабочий в настоящее время тысячами невидимых нитей привязан к капиталу, и он наталкивается на последний всюду, куда бы он ни обратился.

Нашим «социальным реформаторам» эта зависимость рабочих от класса капиталистов кажется, правда, все еще недостаточно далеко идущей. Прикрепление рабочих к *отдельным* капиталистам путем ограничения свободы передвижения, устройство усовершенствованных систем рабочих домов и другие подобные им «реформы» — вот средства, предлагаемые ими для «решения социального вопроса».

ГЛАВА IV

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ В КАПИТАЛ

1. Каким образом прибавочная ценность становится капиталом

Случаи, когда капиталист потребляет целиком всю прибавочную ценность, представляют исключение. Как общее правило, он, по крайней мере, часть своей прибавочной ценности превращает снова в капитал. «Затрата прибавочной ценности в виде капитала или обратное превращение прибавочной ценности в капитал, называется *накоплением капитала*».

Операцию эту нетрудно себе представить. Вспомним пример, которым мы пользовались в предыдущей главе. Допустим, что капитал в 10000 марок доставляет своему владельцу прибавочную ценность в размере 2000 марок в год. Если капиталист вместо того, чтобы прожить ее, прибавит эту прибавочную ценность к своему первоначальному капиталу, то капитал его возрастет до 12000 марок, а при прочих равных условиях принесет ему 2400 марок в год прибавочной ценности. Прибавленная снова к капиталу, она увеличивает размеры последнего до 14400 м., а прибавочная ценность за год возрастет до 2880 марок. Повторяя ту же операцию в следующем году, мы получим капитал в 17280 марок, который приносит в год 3456 марок прибавочной ценности, которая, будучи прибавлена к капиталу, даст сумму в 20736 марок и т. д. За четыре года капитал более, чем удвоился, вследствие накопления прибавочной ценности.

Мы не занимаемся еще здесь вопросом, накопляется ли вся прибавочная ценность целиком или только частью. Точно также не имеет значения для настоящего исследования и то, каким образом происходит накопление прибавочной ценности: *прибавляется* ли она к *старому* капиталу или образует *новый*. Владелец прядильной фабрики может употребить полученную им прибавочную ценность на увеличение своей фабрики, на установки добавочных машин, на наем новых рабочих, на покупку в большем против прежнего количестве сырых материалов; но он может также употребить ее на постройку новой прядильни или на устройство совершенно нового предприятия, напр.: ткацкой фабрики, каменноугольной копи и т. п. Но на что бы ни была употреблена прибавочная ценность, она всегда в рассматриваемом случае превращается снова в капитал, превращается в ценность, порождающую прибавочную ценность.

Для того, однако, чтобы прибавочная ценность стала капиталом, она должна, превратившись предварительно из товара в деньги, снова проделать превращение из денег в соответствующий товар. Возьмем, напр., какого-нибудь фабриканта хлопчато-бумажной пряжи. Он продал свою пряжу и обладает теперь, кроме первоначально затраченного капитала,

еще прибавочной ценностью в форме денег. Наряду с первоначальным капиталом, эта прибавочная ценность должна быть также превращена в новый капитал. Но это возможно лишь в том случае, если он находит на рынке соответственно увеличившееся количество товаров, которые могут служить ему в качестве средств производства; для того, чтобы прибавочная ценность превратилась в добавочный капитал, необходима наличность добавочного сырого материала — в нашем примере: хлопка, добавочных орудий труда — машин добавочных средств существования для поддержания увеличившегося количества рабочих сил и, наконец, добавочных рабочих сил,— иными словами: накопление капитала возможно только при наличности материальных условий, позволяющих расширение производства.

Но фабрикант пряжи должен еще найти на товарном рынке необходимые ему добавочные средства производства, т. к. не в одной только прядильне, но и на хлопковых плантациях, на машиностроительных заводах, в каменноугольных копях и т. д. единовременно производится *прибавочная ценность*, а следовательно, и *прибавочный продукт*.

Если подвергнуть рассмотрению не прибавочную ценность, получаемую за год отдельным капиталистом, а годичную сумму прибавочной ценности, которую присваивает себе весь класс капиталистов, то можно установить следующее правило: прибавочная ценность не может (целиком или частью) превратиться в капитал, если прибавочный продукт (целиком или в соответствующей своей части) не состоит из средств производства и средств существования для рабочих.

Но откуда взять добавочных рабочих? Над этим вопросом капиталисту не приходится особенно ломать себе голову; достаточно, чтобы он в форме заработной платы давал рабочим средства для поддержания их жизни; о дальнейшем же своем существовании и размножении позаботятся они сами.

Рабочий класс сам производит добавочных рабочих, необходимых для расширения производства.

Мы видели, что уже при простом воспроизведении всякий капитал превращается по прошествии известного ряда лет в накопленный капитал, составленный из одной только прибавочной ценности. Но такой капитал может, по крайней мере, при своем вступлении в жизнь представлять плод трудов его обладателя. Иначе обстоит дело с капиталом, образованным с самого начала из накопленной прибавочной ценности. Он сразу же откровенно предстает перед нами, как результат трудов тех, кто не владеет им. Накопление прибавочной ценности означает присвоение неоплаченного труда с целью дальнейшего присвоения такого же неоплаченного труда в расширенных размерах.

Какое противоречие с основными принципами товарного обмена! Мы видели, что первоначально обмен товаров предполагает, с одной стороны, частную собственность товаропроизводителей на их продукты и, с другой стороны, обмен равных ценностей, так что никто не может сделаться обладателем известной ценности, не создав ее собственным трудом или не отдав за нее другой, равной ей, ценности.

Теперь же мы находим в качестве основных принципов капиталистического способа производства, с одной стороны, отделение рабочего от продукта его труда: производитель продукта и владелец его — теперь уже два различных лица; а, с другой стороны, мы находим присвоение ценности, без отдачи в обмен за нее равной ей ценности, мы находим *прибавочную ценность*. И сверх того, мы находим теперь прибавочную ценность не только как *результат*, но и как *основу* процесса капиталистического производства. Не только капитал создает прибавочную ценность, но и из прибавочной ценности создается капитал, так что, наконец, главная масса всего богатства начинает состоять из ценностей, которые были присвоены без обмена на другие, равные им, ценности.

Но такое превращение основных принципов товарного производства в их собственную противоположность происходит, однако, не вследствие *нарушения* законов товарного производства, а, наоборот, именно *в силу* этих же законов.

«Как товарное производство на известной ступени развития необходимо превращается в капиталистическое товарное производство, — и даже только на основе капиталистического способа производства товар становится всеобщей господствующей формой продукта, так и законы собственности товарного производства необходимо преобразуются в законы капиталистического присвоения. Остается только подивиться остроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставив ей вечные законы собственности товарного производства».

---

2. Воздержание капиталиста

До сих пор мы рассматривали лишь два крайних случая: когда прибавочная ценность *целиком* потреблялась или же целиком накоплялась. Но, как было уже говорено выше, чаще всего только часть прибавочной ценности потребляется, а другая часть накопляется. Первую часть называют *прибылью в узком смысле* этого слова.

Как велика будет та доля прибавочной ценности, которую потребит капиталист, какую часть ее он превратит в капитал — зависит вполне от его личного усмотрения. Вопрос этот возбуждает в его душе глубокое раздвоение.

Вместе с Фаустом он мог бы воскликнуть:

Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые — и жаждут разделенья.
Из них одной мила земля
И здесь ей любо, в этом мире;
Другой — небесные поля,
Где вырастают золотые...

Старая борьба между стремлением к наслаждению и аскетизмом, между язычеством и христианством повторяется в своеобразной форме в душе капиталиста. С вожделением глядит капиталист на радости мира сего, но всякое наслаждение, которое он не может получить даром, кажется ему греховным.

Та часть прибавочной ценности, которая составляет предмет личного потребления капиталиста, не является обыкновенно произвольной, а представляет исторически определенную величину; определяется она, как и заработная плата, обычным «приличествующим званию» образом жизни соответствующего слоя общества.

Вся жизнь капиталиста, подобно жизни рабочего, хотя и в ином смысле, принадлежит капиталу. Конкуренция не только заставляет его подчиняться законам капиталистического способа производства в своем собственном *предприятии*: она подчиняет своим требованиям и его *личную жизнь*. Если он живет слишком роскошно, его считают мотом, и кредит его падает. Если он отличается скаредностью, тратит недостаточно для своего общественного положения, это возбуждает подозрение, что его дела плохи, что его предприятие приносит доход ниже среднего — его кредит опять-таки страдает. Таким образом, капиталист принужден потреблять известную для данного времени и данного общественного круга вполне определенную часть своей прибавочной ценности. Но размеры ее гораздо эластичнее, чем размеры заработной платы.

Наоборот, та часть прибавочной ценности, которая должна подвергаться накоплению, не имеет других границ, кроме тех, которые ставятся ей всей суммой прибавочной ценности и эластичным личным потреблением капиталиста. Чем больше удается накопить, тем лучше. Капиталистический способ производства сам делает необходимым непрерывное накопление капитала. Мы уже видели, как с прогрессом техники все возрастает размер капитала, потребного для устройства предприятия в определенной отрасли производства, если только продукты должны производиться с затратой среднего необходимого труда. Если в какой-нибудь отрасли производства в настоящий момент необходимо, например, вложить в предприятие минимальную сумму в 20000 марок, чтобы оно в состоянии было выдерживать конкуренцию, то лет через 20, благодаря введению новых методов труда, новых более сложных и крупных машин и т. п., эта минимальная сумма может возрасти до 50000 марок. Капиталист, начавший свое предприятие с капиталом в 20000 марок, но не успевший за 20 лет накопить достаточного количества прибавочной ценности, по прошествии этого срока располагающий капиталом не в 50000, а только в 30000 марок, не в состоянии будет, по всей вероятности, выдержать конкуренцию и разорится. Но для того, чтобы побудить капиталиста к накоплению, нет даже необходимости в указанном стимуле. Современный способ производства развивает у капиталиста страсть к накоплению капитала ради накопления, как на предшествовавшей ступени товарного производства он был охвачен страстью к собиранию сокровищ, которая выражалась у него в форме накопления запасов золота и серебра. Это накопление капитала, подобно собиранию сокровищ, совершенно не имеет границ. Как бы ни было велико богатство капиталиста, он, даже в том случае, когда доход его далеко превышает его потребности, продолжает стремиться ко все новой и новой прибавочной ценности уже не с целью расширить круг доступных ему наслаждений, а с тем, чтобы увеличить свои капиталы.

Классическая политическая экономия совершенно откровенно излагала последствия и причины как накопления, так и потребления класса капиталистов. Она рассматривала явление накопления капитала не с нравственной, а только с экономической точки зрения, что, правда, было очень безнравственно. Но вскоре начал просыпаться пролетариат и стал приобретать известное классовое сознание. С конца двадцатых годов в Англии и во Франции начинается энергичное рабочее движение. Теперь уже приходилось думать не о том, чтобы *исследовать* экономические проблемы, а о том, как бы *оправдать* капитал. В политическую экономию была введена «этика», почтенная дама стала вдруг очень нравственна на склоне своих лет. Наука отошла на второй план, на первый план выступило «чувство», и с его помощью скоро сделано было открытие, что капиталист, *воздерживаясь* от потребления прибавочной ценности и накопляя ее, проявляет удивительный героизм. Само собой разумелось, что рабочие обязаны этому новому подвижнику уважением и благодарностью, но само собой разумелось также и то, что ни при каком воздержании не проживешь одним только уважением и благодарностью. И вот для поощрения сытой добродетели и буржуазной морали экономисты признали за нашим святым нравственное право на вознаграждение за накопление неоплаченного труда; неблагозвучное слово «прибыль» было изгнано и заменено другим, более красивым — «*вознаграждение за воздержание*».

---

3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер накопления

Чем больше «воздержание» капиталиста, в тем больших размерах происходит накопление. Но, к счастью для него, имеются еще другие факторы, влияющие на размер накопления. Все то, что повышает массу

прибавочной ценности, увеличивает, при прочих равных условиях, размер накопления. Нам известны уже условия, определяющие количество прибавочной ценности. Здесь мы коснемся только тех из них, которые приобретают новое освещение с той точки зрения, на которую мы теперь встали. Одним из важнейших среди этих условий является воздержание *рабочего*. Ясно, что, с уменьшением получаемого рабочим вознаграждения, увеличивается уровень прибавочной ценности, а вместе с ним увеличивается, при неизменяющемся потреблении капиталиста, и та часть прибавочной ценности, которая накопляется им. Все, что понижает ценность рабочей силы или способствует падению заработной платы ниже этой ценности, содействует накоплению капитала. Отсюда — нравственное возмущение капитала и его приспешников, направляющееся против «роскоши» рабочих, подрывающих «народное благосостояние» тем, что они пьют пиво и курят сигары. Басня о шампанском, которое один берлинский рабочий якобы заказал себе в ресторане однажды, в 1872 году, обошла всю капиталистическую прессу в качестве неопровержимого доказательства совершенной испорченности рабочего класса.

С изумительной изобретательностью капиталистический мир придумывал всевозможные методы и приспособления, долженствующие помочь воздержанию рабочих; мы находим тут и похлебку Румфорда и народные столовые, и вегетарианство. Маркс приводит в «Капитале» некоторые характерные примеры таких изобретений, и мы отсылаем к нему желающих подробнее познакомиться с этим вопросом.

Очень неприятным для капиталиста является то обстоятельство, что всякое расширение предприятия требует относительно крупной затраты постоянного капитала, и эта затрата становится все более значительной по мере усовершенствования машин в крупной промышленности. Но хоть некоторым утешением при этом может ему служить то, что раз имеется налицо необходимый для данного предприятия постоянный капитал, производство может быть до известных пределов расширяемо путем вкладывания дополнительного переменного капитала, без одновременного возрастания в соответствующей пропорции постоянного капитала. Если дела фабриканта идут хорошо, и он хочет расширить производство, он может достичь этого, заставляя рабочих работать лишних 2—3 часа. Ему нет надобности ставить новые машины или возводить новые фабричные здания — достаточно только увеличить количество сырых и вспомогательных материалов.

Существуют, однако, отрасли промышленности, в которых совершенно не приходится покупать сырых материалов, как напр горное дело, или такие, в которых сырой материал представляет относительно ничтожную ценность — напр., в сельском хозяйстве он ограничивается семенами и удобрением. Эти отрасли промышленности берут свой сырой материал непосредственно у земли В них достаточно бывает зачастую простого увеличения прилагаемого труда, чтобы увеличить вместе с тем и количество получаемого продукта. Таким увеличением продукта данное предприятие обязано исключительно земле и труду, но капитал завладел ими обоими и получил, в силу этого, возможность «расширять элементы своего накопления далеко за пределы, повидимому, положенные ему его собственной величиной, т. е. ценностью, и массой тех уже произведенных средств производства, в которых воплощается его бытие».

Присвоив себе землю и рабочего, капитал подчинил себе также и науку. Не принимая, как таковой, непосредственно никакого участия в научном прогрессе, он один пользуется всеже всеми теми плодами, которые приносит с собой прогресс науки, повышающий производительность труда и способствующий этим накоплению капитала. С повышением производительности труда падает ценность рабочей силы и повышается уровень прибавочной ценности; с другой стороны, повышение производительности

труда позволяет капиталисту приобретать теперь для своего личного потребления большее количество подешевевших продуктов, не увеличивая своих расходов, или же сократив расходы, сохранить прежнее потребление; ему представляется на выбор — либо жить лучше прежнего, либо увеличить накопление; часто он может одновременно достичь и того и другого.

Чем больше размеры вложенного капитала, тем производительнее труд и тем больше не только уровень, но и количество прибавочной ценности, тем в большем размере капиталист может и потреблять и накоплять.

Из сказанного уже явствует, что капитал представляет не *постоянную*, а *весьма растяжимую величину*, способную очень сильно расширяться и сокращаться; он составляет только *часть* общественного богатства, которая может возрастать за счет фонда потребления класса капиталистов, а также и рабочего класса, и может, в свою очередь, уменьшаться для их увеличения. Его действие усиливается путем удлинения рабочего дня, повышения производительности труда и усиленной эксплоатации земли. Мы совершенно отвлекаемся здесь от отношений процесса обращения, как, напр., от ускорения или замедления оборота капитала; мы отвлекаемся также от отношений кредитной системы, которые оказывают такое серьезное влияние на сокращение и расширение капитала и его поля действия. Все это не может еще здесь подлежать нашему рассмотрению. Но и одни только отношения процесса производства показывают нам, как велика эластичность капитала. У экономистов, однако, капитал фигурирует как определенная величина с определенной силой и сферой действия. Поэтому и переменный капитал рассматривается ими как имеющий неизменную величину, это — так называемый *рабочий фонд*. «Такой-то капитал, — говорят они, — предназначен служить для вознаграждения рабочих. Чем больше их количество, тем меньше доля, приходящаяся на каждого; чем меньше рабочих, тем крупнее эта доля». Они отождествляют также переменный капитал со средствами существования рабочих и говорят: «количество рабочих, занятых в данной стране, и высота их заработной платы зависят от количества имеющихся в наличности средств существования. Если заработная плата слишком низка или большое количество рабочих не может найти себе работы, то причиной этого является лишь то, что число рабочих возрастает быстрее, нежели средства существования. Не *способ производства*, а сама *природа* обуславливает нищету рабочего класса».

На этих предпосылках была построена так называемая теория *Мальтуса*.

ГЛАВА V

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

1. „Железный закон" заработной платы

Мальтузианцы, как известно, заявляют, что рабочие, в силу своих «легкомысленных привычек», размножаются быстрее, чем может возрастать количество наличных средств существования. или, выражаясь точнее, переменный капитал В силу этого, по их мнению, наступает перенаселение, предложение рабочих рук превышает то количество их, которое может быть занято капиталистами, наличных средств существования не хватает на всех рабочих, и, следовательно, до тех пор, пока не будет положен предел размножению рабочих, безработица, голод и являющиеся следствием их пороки и нищета будут естественным уделом, по крайней мере, части рабочего класса.

Так поучают мальтузианцы. Посмотрим же теперь, каково действительное соотношение между ростом капитала и ростом рабочего класса. Обратимся для этого к исследованию Маркса.

«Важнейшим фактором этого исследования, — говорит Маркс (стр. 512 русск. перев.; это место появилось только в 3-ем немецк. изд., в двух первых изданиях оно отсутствовало), — является *состав* или *строение* капитала и те изменения, которым этот состав подвергается во время процесса накопления».

«Строение капитала можно понимать в двояком смысле. В отношении ценности строение капитала определяется той пропорцией, в которой капитал делится на постоянную часть или ценность средств производства, и на переменную часть или ценность рабочей силы, т.-е. общую сумму заработной платы. В отношении материала или вещества, которое функционирует в процессе производства, каждый капитал делится на средства производства и на живую рабочую силу; строение капитала в этом отношении определяется пропорцией между массой примененных средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимого для их приложения к делу, — с другой. Первое я называю *ценностным строением* второе — *техническим строением* капитала. Между обоими существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить его, я называю ценностное строение капитала, поскольку он определяется техническим строением и обращает на себя все изменения этого последнего, *органическим строением*, капитала. Везде, где я просто говорю о строении или составе капитала, подразумевается его органическое строение» (стр. 513 русск. перев.).

Это строение различно у отдельных капиталов, и в дальнейшем изложении мы принимаем, что имеем дело с *средним* строением общественного капитала страны.

Приступим теперь, после этих предварительных замечаний, к нашему исследованию.

Начнем с простейшего случая: накопление капитала происходит *без изменения* в его строении, т.-е. применение определенного количества средств производства требует постоянно одного и того же количества рабочей силы. Для большей наглядности предположим, что у нас имеется капитал в 100000 марок, состоящий на три четверти из постоянного и на одну четверть из переменного капиталов. Если часть прибавочной ценности, присоединяемая к первоначальному капиталу, равна 20000 марок, то этот дополнительный капитал, согласно нашему предположению, будет также разделен в указанном выше отношении, и теперь уже весь капитал будет состоять из 90000 марок постоянного и 30000 марок переменного капиталов; как первый, так и второй возросли одинаково на 20%. Но для того, чтобы новый дополнительный капитал мог возрастать, потребны и добавочные рабочие силы. Предназначенная для накопления прибавочная ценность в 20000 марок может в рассматриваемом случае превратиться в капитал лишь тогда, если число находящихся в распоряжении капитала наемных рабочих возрастет также на 20%.

Если при неизменном строении капитала число наемных рабочих увеличивается медленнее, чем капитал, то спрос на рабочих возрастает быстрее, чем предложение, и заработная плата растет.

Когда мальтузианцы рекомендуют для «решения социального вопроса» воздержание рабочих от чрезмерного размножения, они имеют в виду именно указанный случай. При этом, прежде всего, они не замечают, что повышение заработной платы не уничтожает капиталистических отношений, не уничтожает существующих взаимных отношений между капиталистами и наемными рабочими. Накопление капитала означает воспроизведение капиталистических отношений *в расширенных размерах*, означает рост капиталов, количества прибавочной ценности и неоплаченного труда, с одной стороны, и *численный рост пролетариата* — с другой стороны.

Даже в том случае, когда накопление капитала повышает цену труда, это все же не может произойти без одновременного численного возрастания пролетариата, без расширения сферы господства капитала.

Но заработная плата никогда не может подняться так высоко, чтобы подвергнуть опасности самое существование прибавочной ценности. При капиталистическом способе производства спрос на рабочую силу вызывается стремлением капитала к самовозрастанию, к производству прибавочной ценности. Поэтому капитал никогда не станет покупать рабочую силу по цене, которая исключал бы возможность производить прибавочную ценность.

Если, в результате накопления капитала, заработная плата повышается, то тут возможны два случая: либо повышение цены труда не мешает прогрессу накопления — несмотря на падение *уровня* прибавочной ценности, *количество* ее может все же расти благодаря накоплению. «В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда нисколько не мешает расширению господства капитала». Либо накопление ослабевает, «так как притупляется стремление к прибыли». Накопление уменьшается, но вместе с тем исчезает и причина, вызывавшая рост заработной платы. Последняя также падает, пока не достигнет уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала. «Таким образом, механизм капиталистического способа производства устраняет сам те препятствия, которые он создает на своем пути».

Мы наблюдаем при этом своеобразное соотношение между оплаченным и неоплаченным трудом. «Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает достаточно быстро для того, чтобы превращаться в капитал только

при чрезвычайном количестве добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд падает. Но как только это уменьшение достигает того предела, когда прибавочный труд, питающий капитал, не предлагается больше в нормальном количестве, наступает реакция: меньшая часть дохода капитализируется, накопление ослабевает и восходящее или повышательное движение заработной платы прекращается. Повышение цены труда, следовательно, заключено в известные границы, которые не только оставляют неприкосновенные основы капиталистической системы, но и обеспечивают ее расширенное воспроизведение» («Капитал», русск. пер. т. I, стр. 520).

Колебания в накоплении капитала, которые удерживают заработную плату в известных границах, кажутся буржуазным экономистам колебаниями в числе наемных рабочих, выносящих на рынок свою рабочую силу. Они впадают при этом в такое же заблуждение, как и люди, воображающие, что солнце вращается вокруг неподвижно стоящей земли [1]). Если накопление капитала замедляется, то это вызывает представление, что рабочее население растет быстрее обыкновенного; если накопление начинает идти более быстрым темпом, то кажется, что рабочее население уменьшается или растет медленнее прежнего. Как большинству наших читателей должно быть известно, явление колебаний заработной платы внутри известных границ — так называемый «железный закон заработной платы» — об'ясняется обыкновенно тем, что, в результате повышения заработной платы, рабочее население численно быстро возрастает и увеличившееся предложение рабочих рук понижает плату; это же понижение увеличивает смертность в среде рабочего класса и усиливает его нужду, вследствие чего уменьшается предложение рабочей силы и заработная плата снова повышается.

Против такого об'яснения говорит уже тот простой факт, что, как каждому известно, заработная плата колеблется не от поколения к поколению, а в гораздо более короткие промежутки времени. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

---

2. Промышленная резервная армия

До сих пор мы предполагали, что накопление капитала происходит без изменений в его строении. Но в процессе накопления такие изменения неизбежно наступают от времени до времени.

Всякое изменение *производительной силы труда* влияет на *техническое* строение капитала. С повышением производительности труда, увеличивается, при прочих равных условиях, и количество средств производства, которые рабочий превращает в продукт. Возрастает количество сырого материала, который он перерабатывает, количество орудий, которыми он работает и т. д. Словом, вместе с производительностью труда растет и количество средств производства по сравнению с приложенным к ним трудом или, иначе говоря, количество труда, приводящего в движение данные средства производства, уменьшается сравнительно с их количеством.

---

[1]) Маркс говорит: «Так, в период кризиса в промышленном цикле, общее падение товарных цен выражается, как повышение относительной ценности денег, а в период процветания общее повышение товарных цен выражается, как падение относительной ценности денег. Так называемая «Currency School» заключает из этого, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало денег, а при низких — слишком много. Ее невежество и совершенное непонимание фактов находят достойную себе параллель в экономистах, об'ясняющих отмеченные выше явления накопления тем, что в одном случае имеется слишком мало, а в другом — слишком много наемных рабочих». (Русск. пер., т. I, стр. 520)

Такое изменение *технического строения* капитала отражается, в свою очередь, на его *ценностном строении: переменная* часть капитала относительно убывает, а *постоянная* возрастает. Но эти изменения ценностного строения капитала не соответствует в точности изменениям его технического строения, потому что с ростом производительности труда не только *увеличивается количество* приводимых им в движение средств производства, но и *падает* ценность последних. Это падение ценности, однако, происходит в меньшей степени, чем возрастание их количества. В начале 18-го столетия, напр., ценность капитала, вложенного в прядильную фабрику, состояла наполовину, приблизительно, из постоянного и наполовину из переменного капиталов. *Масса* сырого материала, средств труда и т. д., которые в настоящее время перерабатываются одним прядильщиком при той же затрате труда, в несколько сот раз больше, чем прежде, *ценностное* же *соотношение* между постоянным и переменным капиталами изменилось при этом гораздо меньше: теперь эти две части капитала и относятся между собой, приблизительно как 7 к 1.

Но, во всяком случае, рост производительности труда влечет за собой при капиталистическом способе производства *относительное* уменьшение переменного капитала.

Между производительностью же труда и накоплением капитала существует самое тесное соотношение.

Товарное производство предполагает частную собственность на средства производства, развитие же общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в широких размерах, обширные мастерские, большие массы сырых материалов и орудий труда и т. п. На основе товарного производства такая концентрация колоссальных средств производства в руках отдельных лиц возможна лишь тогда, когда индивидуальные капиталы достигли соответствующей степени накопления. «На фундаменте товарного производства крупное производство может существовать только в капиталистической форме». Известная степень накопления капитала составляет, поэтому, необходимую предпосылку известной высоты производительной силы труда. Но все методы увеличения производительности труда составляют, вместе с тем, при господстве капиталистического способа производства, и методы увеличения прибавочной ценности, облегчая, таким образом, усиленное накопление. Последнее, со своей стороны, становится основанием производства в более широких размерах, которое, в свою очередь, дает сильный толчок новому повышению производительной силы труда. Таким образом, накопление капитала и производительная сила труда все более и более развиваются в результате взаимного воздействия.

Росту отдельных капиталов, совершающемуся путем накопления, противодействует одновременное дробление старых капиталов, в силу, напр., наследственных разделов и откалывания новых самостоятельных капиталов. Но это противодействие, в свою очередь, побеждается *централизацией, соединением образовавшихся уже капиталов*, которое происходит путем поглощения мелких капиталов крупными. Эта централизация, подобно накоплению, вызывает повышение производительности труда и изменение технического строения капитала. С другой стороны, накопление и централизация взаимно способствуют друг другу. Чем крупнее размеры накопленного капитала, тем легче ему в борьбе, проявляемой здесь в виде конкуренции, победить и поглотить мелкие капиталы. Чем большее количество мелких капиталов поглотил он, тем выше производительность применяемого им труда и тем успешнее идет накопление.

Но сосредоточение колоссальных капиталов в немногих руках не только увеличивает производительность в тех отраслях труда, которыми овладел уже капиталистический способ производства. Целый ряд мелких капиталов, вытесненных из крупных отраслей промышленности, набрасывается

на такие отрасли ее, в которых этот способ не стал еще твердо на ноги и где, поэтому, мелкий капитал в состоянии еще выдержать конкуренцию. Таким образом, подготовляется почва для втягивания все новых и новых отраслей труда в сферу господства капитализма.

Так капиталистический способ производства оказывается подверженным непрестанным техническим переворотам, следствием которых является непрерывное возрастание постоянного и относительное уменьшение переменного капиталов.

Это относительное уменьшение переменного капитала происходит гораздо быстрее накопления. Вновь образовавшийся в процессе накопления капитал занимает, сравнительно с своей величиной, все меньше и меньше дополнительных рабочих. А одновременно с накоплением происходит и революционизирование *старого* капитала. Износившаяся машина, если за время ее существования были сделаны какие-нибудь технические усовершенствования, заменяется не такой же, как она сама, а другой — улучшенной, с помощью которой рабочий может производить больше продукта, чем прежде. Старый капитал воспроизводится во все более производительной форме, но, вследствие этого, он освобождает все больше и больше рабочих, которых он до того занимал.

Централизация является одним из могущественнейших рычагов такого преобразования старого капитала.

Чем быстрее совершается централизация и техническая революция старого капитала, тем ускореннее должно происходить накопление нового капитала для того, чтобы не уменьшалось число занятых рабочих; но ускоренное накопление содействует, в свою очередь, централизации и технической революции.

Мальтузианцы толкуют нам, что причиной «перенаселения» является то, что средства существования (или, выражаясь точнее — переменный капитал) растут в *арифметической прогрессии*, т.-е., как 1 : 2 : 3 : 4 : 5 и т. д., тогда как население имеет тенденцию возрастать в *геометрической прогрессии*, т.-е., как 1 : 2 : 4 : 8 : 16 и т. д. Поэтому прирост населения постоянно опережает прирост средств существования; естественным следствием этого являются пороки и нищета.

Но в действительности прогрессирует *убывание* переменного капитала параллельно с *ростом* всего капитала. Если первоначально переменный капитал составлял $^1/_2$ всего капитала, то прогрессивно он становится равным лишь $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$ и т. д. его.

Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и притом быстрее, чем его собственное возрастание, кажется, с другой стороны, наоборот, возрастанием рабочего населения, опережающим возрастание переменного капитала или средств, доставляющих занятие рабочим. Но дело обстоит наоборот: капиталистическое накопление постоянно создает пропорционально своей энергии и своим размером, относительно, т.-е. для *потребностей капитала в самовозрастании*, *излишнее* или добавочное рабочее население» («Капитал», русск. пер., т. I, стр. 529).

Изменение строения всего общественного капитала в его совокупности не происходит одновременно и равномерно во всех его частях. Здесь капитал возрастает путем накопления на неизменной технической основе и привлекает добавочные рабочие силы соответственно своему возрастанию; там происходит изменение строения капитала без возрастания его абсолютной величины, вследствие одного только воспроизводства старого капитала в более производительной форме — и число занятых рабочих падает как относительно, так и абсолютно. Кроме этих двух крайних случаев, существует еще бесконечное множество комбинаций, обусловленных взаимодействием накопления, централизации и преобразования старого

капитала в более производительную форму, комбинаций, в результате которых является или прямое отталкивание занятых уже рабочих, или «менее заметная, но не менее действительная форма затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обыкновенными отводными каналами». Рабочее население поддерживается, таким образом, в постоянном движении: здесь оно притягивается, там отталкивается, и это движение тем сильнее, чем быстрее изменяется строение капитала, чем выше производительность труда, чем интенсивнее происходит накопление капитала.

Маркс приводит много данных английской статистики, иллюстрирующих относительное, а часто и абсолютное убывание числа рабочих, занятых в различных отраслях промышленности. Мы заимствуем уже из позднейших переписей два примера абсолютного уменьшения числа рабочих при одновременном расширении производства.

Первый пример показывает нам эволюцию *хлопчатобумажной индустрии в Великобритании* за период времени от 1861 по 1871 годы.

Ч И С Л О	1861 год	1871 год
Фабрик	2888	2483
Веретен	30387467	34695221
Паровых ткацких станков . .	399992	440676
Рабочих	456646	450087

Мы наблюдаем здесь наряду с уменьшением числа занятых рабочих и уменьшением числа фабрик, возрастание количества веретен и механических ткацких станков,— признак централизации и накопления капитала.

Аналогичную картину представляют некоторые отрасли германской текстильной индустрии: здесь также наблюдается сильное убывание числа занятых рабочих, хотя это явление и ограничивается одними только мелкими предприятиями. Число крупных предприятий и их рабочих растет, что указывает на сильную централизацию и накопление капитала при одновременном освобождении рабочих. Так, напр., в шелкоткацкой промышленности Германии мы находим:

Год	Мелкие предприятия (до 5 рабочих)		Средние предприятия (от 5 до 50 рабочих)		Крупные предприятия (свыше 50-ти рабочих)	
	Предпр.	Раб.	Предпр.	Раб.	Предпр.	Раб.
1882	39500	57782	412	4902	69	13580
1895	16527	20484	192	3469	140	32129
Увелич. (+) или уменьшен. (—)	— 23033	— 37298	— 220	— 1433	+ 71	+ 18549

То же и в льноткацкой промышленности.

1882	71195	91039	404	5226	73	7543
1895	34082	43228	291	4598	120	19966
Увелич. (+) или уменьшен. (—)	— 37833	— 47811	— 113	— 628	+ 47	+ 12423

За 13 лет число рабочих в шелкоткацкой и льноткацкой промышленности *уменьшилось* на 56198, но это уменьшение вызвано упадком одного только мелкого производства: в обеих упомянутых отраслях производства

число мелких предприятий сократилось на 60866, т.-е *более чем на половину,* а число занятых в них рабочих упало на 85109. Число крупных же предприятий, наоборот, почти *удвоилось,*— оно возросло с 142 до 260, а количество занятых в них рабочих увеличилось с 21123 до 52093, т.-е. *более чем вдвое.*

До сих пор мы принимали, что увеличение или уменьшение числа занятых рабочих точно соответствует увеличению или уменьшению переменного капитала. Но дело происходит не всегда так, если при неизменной цене труда фабрикант *удлинит рабочий день,* то ему придется выплачивать в форме заработной платы большую сумму, чем прежде,— переменный капитал возрастет, а число занятых рабочих при этом не только не увеличится, а может даже уменьшиться.

Предположим, что предприниматель нанимает 1000 рабочих по 2 марки в день, при длине рабочего дня в 10 часов. Если он хочет вложить в свое предприятие добавочный капитал, он может это сделать разными способами. Он может расширить помещение, поставить в нем новые машины и приставить к ним добавочных рабочих. Но он может также этот добавочный капитал, поскольку последний не затрачивается на приобретение новых сырых материалов, употребить на то, чтобы удлинить рабочий день занятых уже у него рабочих. Предположим, что он удлиняет рабочее время на 5 часов. Если цена труда остается при этом прежней, то поденная заработная плата возрастает до 3 марок, и переменный капитал, при всех прочих равных условиях, увеличится на 50%, тогда как число занятых рабочих останется старое. Но всякий капиталист заинтересован в том, чтобы достичь увеличения количества труда путем удлинения рабочего времени или повышения интенсивности труда, а не путем увеличения числа рабочих, так как затрата на постоянный капитал растет в первом случае медленнее, чем во втором. Чем крупнее предприятие, тем чувствительнее для капиталиста упомянутая разница. Она растет, следовательно, вместе с накоплением капитала.

Если, например, орудием рабочего является заступ, стоящий 2 марки, то едва ли предприниматель будет употреблять особые усилия, чтобы добиться увеличения количества труда не путем соответствующего увеличения числа рабочих, а каким нибудь другими способами. Совершенно иначе обстоит дело, когда рабочий прилагает свой труд к машине, стоящей 100000 марок.

Но с накоплением капитала не только растет стремление капиталистов достичь увеличения количества труда без соответствующего увеличения числа рабочих, но и затрудняется для рабочего класса борьба с этой тенденцией. Созданное накоплением капитала избыточное рабочее население своей конкуренцией уменьшает силу сопротивления занятых рабочих. Последние видят себя, таким образом, принужденными соглашаться на чрезмерный труд, который, в свою очередь, ведет к пополнению рядов избыточного рабочего населения. Безработица одной части рабочего класса влечет за собой чрезмерный труд другой его части, и обратно.

Как мы видим, накопление капитала с сопровождающими его явлениями и последствиями — централизацией капиталов, техническими преобразованиями старого капитала, чрезмерным трудом и т. д.,— имеет тенденцию *уменьшать,* сравнительно с величиной всего вложенного в предприятие капитала, число *занятых* рабочих; иногда же наблюдается даже абсолютное уменьшение их числа.

Но тот же процесс накопления капитала *увеличивает* число *предлагающих* капиталу свои услуги рабочих, и это увеличение далеко превосходит прирост населения.

Мы видели уже во 2-м отделе, что мануфактура, и в еще большей степени — крупная промышленность, замещают в процессе своего развития обученные рабочие силы необученными; время обучения рабочего сокращено

до минимума, капитал начинает применять рабочего в более раннем возрасте, срок воспроизведения последнего укорачивается. В то же время во многих отраслях труда взрослые мужчины заменяются женщинами и детьми. Это не только непосредственно увеличивает в огромной степени размеры рабочей армии; экономическая самостоятельность девушек и молодых людей, их совместная работа, возможность заставить детей искать себе заработка уже в раннем возрасте — все это благоприятствует раннему вступлению в брак и сокращает, таким образом, также время, необходимое для воспроизведения рабочего класса.

Другой мощный фактор быстрого возрастания рабочей армии начинает действовать, когда капиталистический способ производства овладевает *сельским хозяйством*. Здесь повышение производительности сразу ведет не только к относительному, но и к абсолютному уменьшению числа занятых рабочих. Так, в Великобритании в 1861 году число занятых в сельском хозяйстве рабочих равнялось 2210449, а в 1871 году оно упало до 1514601, т.-е. почти на 700000. Созданные таким путем «излишние» рабочие, если они не эмигрируют совершенно из страны, направляются в промышленные округа и увеличивают там ряды рабочей армии, находящейся в распоряжении капитала.

Не следует также забывать влияния улучшенных путей сообщения — железных дорог и пароходов, которые дают возможность капиталу привлекать из отсталых в промышленном отношении местностей новые массы рабочих, как, напр., ирландцев, поляков, словаков, итальянцев, китайцев и т. п.

Таким образом, рабочее население возрастает с огромной быстротой, гораздо быстрее, чем потребность капитала в новых рабочих силах, и в результате этого является относительное *перенаселение*, создаваемое, как мы видели, накоплением капитала и *ростом производительности* труда, а не ее *уменьшением*, как утверждают экономисты.

Существование так называемого перенаселения, наличность *промышленной резервной армии* не только не тормазит, однако, капиталистического развития, но является даже с известного момента одной из его предпосылок.

Капитал представляет, как нам известно, растяжимую величину. С развитием капиталистического способа производства, его периодические расширения и сокращения становятся все более сильными и резкими. Современная крупная промышленность подвержена, как мы уже указывали во II-м отделе, своеобразному круговому движению, периодически возобновлявшемуся до 1872 года приблизительно каждые десять лет; оно начинается со среднего оживления хозяйственной деятельности, последняя быстро развивается, наступает хозяйственный под'ем, внезапное колоссальное расширение производства, принимающее какой-то лихорадочный характер; затем следует крах, застой в делах, и это продолжается до тех пор, пока рынки не расширятся в достаточной степени и не поглотят излишки товаров, после чего наступает некоторое равновесие, и старая история возобновляется снова, но уже в большем масштабе.

Так обстояло дело, когда Маркс писал свой «Капитал», вышедший в свет в 1867 г. Так же обстояло оно и тогда, когда он писал послесловие ко второму изданию «Капитала» (24 января 1873 г.). В этом послесловии Маркс предсказывал близкое наступление всеобщего кризиса [1]).

---

[1]) Цитированный уже нами выше во II-ом отделе д-р Штегеман с ужасом замечает по поводу этого места послесловия: «*Маркс без малейшего колебания (!)* предвещает близ ое наступление всеобщего кризиса» («Preussische Jahrbücher» LVII, стр. 227). В действительности Маркс говорит о «превратностях того *периодического цикла*, который проходит *современная промышленность* и *высшую ступень* которого представляет всеобщий кризис». (Русск. пер. стр. XVIII). Яснее нельзя, кажется, выразиться. Но это не мешает ученому доктору уверять, что, говоря о кризисе, Маркс имеет в виду *революцию*. Подобные, выражаясь мягко, «недоразумения», всегда, однако, в сторону приписывания Марксу всевозможных ужасов, слишком часто случаются с нашими «учеными», читавшими, — а подчас и не читавшими, — и цитирующими Маркса.

Нам всем хорошо известно, как быстро и, к сожалению, точно осуществилось это предсказание.

Но с кризисом, начавшимся в 1873 г., капиталистический способ производства как бы вступил в новую фазу. Если до тех пор производительность крупной промышленности росла с такой быстротой, что временами она обгоняла расширение мирового рынка, то теперь, казалось, наступило время, когда, вследствие колоссального прогресса техники и грандиозного расширения сферы господства капиталистического способа производства, распространившегося на Россию, Америку, Ост-Индию, Австралию, —мировой рынок только временно и в исключительных случаях в состоянии поглотить продукты всемирной индустрии. Десятилетний цикл хозяйственной жизни, в котором чередовались периоды среднего оживления, лихорадочного под'ема, краха, застоя и нового оживления, сменился с 1873 года *хроническим застоем* в экономической области, застоем, который только в 1889 г. был прерван непродолжительным улучшением в делах. Но это была только короткая, быстро миновавшая вспышка спекулятивной горячки, уступившая место еще худшему застою в хозяйственной жизни. Казалось, что вообще нельзя уже больше ждать сколько-нибудь значительного «хозяйственного под'ема».

Но такое предположение было ошибочно. Время от 1895 г. по 1900 г. было периодом такого хозяйственного оживления, такого сильного под'ема, что он ввел даже в заблуждение многих оптимистов, решивших, что время кризисов либо вообще уже миновало, либо последние начинают идти на убыль.

Но и это мнение было совершенно неправильно, так как при капиталистическом способе производства всякий хозяйственный под'ем необходимо должен закончиться кризисом, и кризис действительно очень скоро наступил.

Здесь, однако, нас интересует самый факт периодических расширений и сокращений капитала, независимо от того, происходят ли они во время хронического застоя в делах или в продолжении десятилетнего цикла смены кризиса и хозяйственного расцвета.

Всякое такое периодическое расширение капитала создает потребность в новых рабочих силах. Как же удовлетворяется эта потребность? Согласно теории вульгарных экономистов, повышение заработной платы способствует росту народонаселения и, по прошествии двадцати лет, рабочее население становится достаточно многочисленным, чтобы дать капиталу возможность использовать благоприятную кон'юнктуру (стечение обстоятельств). Но ведь последняя длится каждый раз всего несколько лет и зачастую для капитала дело складывается в действительности иначе, чем гласит теория «железного закона» заработной платы. Как мы уже видели выше, капиталистический способ производства искусственно создает избыточное рабочее население; последнее образует ту *резервную рабочую армию*, из которой капитал в каждый данный момент может почерпнуть столько добавочных рабочих, сколько ему нужно; без нее своеобразное, идущее толчками, развитие капиталистической крупной промышленности было бы невозможно. Что сталось бы с германской промышленностью, если бы в начале семидесятых и во второй половине девяностых годов она не нашла бы такого количества «свободных» рабочих рук, которое она могла бы сразу массами бросить на постройку железных дорог, в новые каменноугольные копи, железные рудники и т. п. Но эта резервная армия не только делает возможным внезапное расширение капитала: она производит давление на активную рабочую армию, понижая своей конкуренцией заработную плату; а так как даже в момент наивысшего промышленного расцвета едва ли вся резервная армия находит себе работу, то заработная плата даже и в это время не может подняться выше известного уровня.

То, что кажется возрастанием и убыванием народонаселения, есть в действительности только отражение периодических расширений и сокращений капитала. Когда мальтузианцы требуют от рабочих, чтобы последние приноравливали свое размножение к степени возможности найти себе работу, то это означает лишь, что рабочие должны постоянно сообразовать свою численность с меняющимися потребностями капитала.

Мальтузианская теория покоится на смешении изменчивых производственных потребностей капитала с производительной силой наличных средств производства. Такое смешение всегда было нелепо, но особенно очевидной стала его нелепость за последние два десятилетия. Земледельческие округа Европы страдают все это время от перенаселения, вызванного избытком в средствах существования, от перенаселения, явившегося вследствие конкуренции американского, индийского, австралийского мяса и хлеба!

Но, как ни нелепы требования мальтузианства, они являются лишь точным выражением того положения, которое занимает рабочий по отношению к капиталу в современном общественном строе: рабочий составляет в нем простую принадлежность капитала. Во время процесса производства не средства производства служат ему, а он им; но и вне процесса труда он, как мы уже видели, принадлежит капиталу; когда он потребляет, поддерживает свое существование и существование своего рода, он должен делать это таким образом, как это наиболее соответствует интересам капитала. Рабочий подпадает под иго своего собственного продукта: он служит ему не только своей рабочей силой, но и всеми проявлениями своего человеческого существования.

ГЛАВА VI

ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Мы видели в предыдущих главах, как капитал постоянно воссоздает предварительные условия своего существования. Но очевидно, что капитал не мог образоваться в своей классической форме до тех пор, пока эти предварительные условия не достигли известной степени развития. Какие именно отношения вызвали их к жизни — на этот вопрос мы пока не дали еще ответа. В нашем исследовании превращения денег в капитал мы исходили из предположения, что, с одной стороны, частные лица обладают крупными денежными суммами, а, с другой стороны, рабочая сила предлагает себя как товар на рынке. Но каким образом превратилась в товар рабочая сила, что об'единило в одних руках эти денежные суммы — эти вопросы мы оставляли без рассмотрения.

Теперь нам остается еще ответить на них по существу.

Накопление капитала означает воссоздание предварительных условий его существования, первоначальное же возникновение этих условий предшествовавшее развитию капитала, Маркс называет *первоначальным накоплением*.

От вопроса о происхождении капитала экономисты отделываются тем ответом, который постоянно пускается ими в ход, когда они не знают или не хотят знать действительного положения дел: они выдвигают *робинзонаду*. Последняя представляет ту двойную выгоду, что, во-первых, измышление ее не требует от автора никаких знаний, и, во-вторых, ее всегда можно состряпать таким образом, чтобы она доказывала как раз ту мысль, которую желательно доказать.

Робинзонады, которыми пытаются об'яснить происхождение капитала и привести его в соответствие с ходячими правовыми представлениями буржуа, принадлежат к числу самых плоских историй этого рода, и от тех сказок, которые мы находим в наших детских хрестоматиях, отличаются лишь тем, что они несравненно скучнее их[1]).

---

[1]) Послушаем, напр., Рошера: «Представим себе рыбачье племя, не знающее ни частной собственности на землю, ни капитала, которое живет нагишом в пещерах и питается морской рыбой, остающейся после прилива в прибрежных лагунах, откуда она вылавливается голыми руками. Предположим, что все работники равны и каждый ловит и съедает ежедневно по 3 рыбы. Но вот какой-нибудь умный человек ограничивает в продолжение 100 дней свое потребление лишь двумя рыбами и образовавшийся таким образом запас в 100 рыб употребляет на то, чтобы в течение 50 дней направлять всю свою рабочую силу на изготовление лодки и рабочей сети. С помощью этого капитала он начинает теперь добывать по 30 рыб в день». («Основы политической экономии», Штуттгарт, 1874 г., стр. 423). На подобных «гнилых рыбах» построены все эти сказки о происхождении капитала.

Это все та же старая история о хорошем, прилежном и бережливом рабочем, ставшим капиталистом, и о бездельниках и лентяях, прокучивающих весь свой заработок и осужденных в наказание за это вместе со всем своим потомством трудиться во веке веков в поте лица своего на капиталистов и все их наследие.

Но, если мы проследим историю Европы, начиная с XIV столетия, то первоначальное накопление предстанет перед нами в совершенно ином освещении. Оно имеет две стороны, но только одна из них стала известна народу, благодаря либеральным историкам.

Промышленный капитал не мог возникнуть без свободных рабочих, свободных от крепостной, цеховой и всякой другой зависимости. Он нуждался в свободе производства, которую стесняли путы феодализма, он должен был освободиться от опеки феодалов. С этой точки зрения, борьба развивающегося капитализма представляется борьбою против гнета и привилегий, борьбой за свободу и равенство.

Эта сторона, и только она одна, постоянно выдвигается литературными защитниками буржуазии. Мы не имеем вовсе намерения преуменьшать значение этой борьбы, в особенности теперь, когда сама буржуазия начинает отрекаться от своего прошлого. Но из-за этой гордой и блестящей стороны истории буржуазии, мы не должны забывать ее *оборотной стороны* — образования пролетариата и самого капитала. Эта сторона освещена еще далеко не достаточно. Маркс основательно исследовал ее в своем «Капитале» по отношению к одной лишь стране, именно Англии — родоначальнице капиталистического способа производства, являющейся единственной страной, в которой первоначальное накопление выступило в своей классической форме. Некоторые указания на соответствующий процесс мы находим и в «Нищете философии» (2 гл., § 2).

К сожалению, по отношению к Германии можно дать только далеко не полную картину развития соответствующих отношений, так как развитие это было замедлено и искажено изменением торговых путей на Восток, исходные пункты которых были перенесены из побережья Средиземного моря в побережье Атлантического океана тридцатилетней войной и, веками длившимся, вытеснением Германии с мирового рынка.

Крупнейшим препятствием, которое встретил на своем пути возникающий капитал, было, кроме цеховой организации в городах, еще общинное владение землею, сосредоточенное в руках сельских общин, а иногда и более крупных общественных единиц. Пока оно существовало, до тех пор не было и пролетарских масс. К счастью для капитала, феодальное дворянство оказалось его союзником. Со времени крестовых походов торговля и товарное производство стали развиваться все сильнее и сильнее. Начали возникать новые потребности, которые удовлетворялись *товарами*, поставлявшимися за *деньги* городскими промышленниками или городскими купцами. Но богатство феодального дворянства покоилось на оброках и личных повинностях подвластных ему крестьян. *Деньги* же были у него большой редкостью. То, чего ему не удавалось *купить*, оно пыталось добыть путем *грабежа*. Усиление государственной власти положило, однако, предел разбоям рыцарей на больших дорогах: их смирили наемные войска богатых городов и князей. Из крестьян феодалы старались выколотить как можно больше денег, доводя их этим до отчаяния — достаточно вспомнить крестьянские войны, — но они сами мало при этом выигрывали. Наконец, чтобы иметь возможность вкусить от новых наслаждений, благородные господа начали постепенно находить в себе достаточно решимости, чтобы, подобно горожанам, становится *товаропроизводителями* и стали добывать деньги производством сельско-хозяйственных продуктов, как, напр., шерсть, хлеб и т. д., для *продажи*, а не только для собственного потребления, как в былые времена.

Это требовало расширения размеров хозяйств, ведение которых стало переходить к управляющим или арендаторам, а такое расширение было возможно только на счет *крестьянство*. Крепостные крестьяне подвергались так называемому *холощению*, т.-е. их изгоняли из их участков, и последние присоединялись к землям, на которых велось помещичье хозяйство. Общинная собственность деревень, подвластных господам дворянам, была превращена в частную собственность последних, и это привело крестьян к полному разорению.

Из всех сельско-хозяйственных продуктов *шерсть* была товаром, на который пред'являлся особенный спрос, т. к. в нем нуждалась текстильная промышленность городов. Но расширение производства шерсти означало превращение полей в пастбища для овец и удаления крестьян массами с их земель,— удаление, которое производилось как законными, так и незаконными средствами, путем экономического или же прямо физического принуждения.

По мере роста городской текстильной промышленности возрастало и число прогнанных со своих земель и обездоленных крестьян.

К этому присоединилось еще и то, что феодалы распустили свои многочисленные свиты, которые при новых условиях стали для них уже не источником силы, а причиной их финансовой слабости. Наконец, реформация также сослужила службу капиталу, так как она не только бросила в ряды пролетариата обитателей монастырей, но и отдала церковные земли в руки спекулянтов, которые прогоняли старых наследственных держателей этих земель.

Таким образом, значительная часть сельского населения была отделена от земли, была лишена своих средств производства, и таким путем создалось искусственное «перенаселение» — та армия неимущих пролетариев, которая принуждена изо дня в день продавать свою рабочую силу, в которой так нуждался развивающийся капитал.

Феодалы, следовательно, расчистили почву для капитала, доставив сельскому и городскому капиталу нужных ему пролетариев и создав в то же время возможность товарного производства в крупном масштабе в области сельского хозяйства,— возможность, иными словами, капиталистического сельского хозяйства. Капиталистический характер, который приняло с тех пор сельское хозяйство в крупных имениях, не *уничтожался* сохранившимися еще различными формами крепостничества, а только *ухудшался* ими.

Тем комичнее видеть, что крупные землевладельцы пытаются выставить себя в настоящее время как класс, *по самой природе своей* призванный защищать рабочих от капитала и восстановить гармонию в их взаимных отношениях.

Следствием массовой экспроприации крестьян в XV и XVI веках было возникновение повального бродяжничества. Оно становилось серьезной угрозой самому существованию тогдашнего общества и, в целях самозащиты, это общество расправлялось с ними самым жестоким образом; оно прибегало к кнуту, клеймению, обрезанию ушей и даже к смертной казни.

Но если число освобождавшихся рабочих было больше того количества их, которое мог поглотить капитал, то все же зачастую он не мог найти в нужном для него количестве годных для себя рабочих. Пока капиталистический способ производства не перешагнул еще за *мануфактурный* период, он находился в зависимости от рабочих, нуждавшихся в известной сноровке для выполнения своих частных операций. Часто нужны были целые годы для достижения рабочим соответствующей выучки. Сверх того, переменная часть капитала сильно превосходила тогда его постоянную часть. Поэтому спрос на рабочие руки сильно возрастал при каждом новом накоплении капитала, тогда как предложение годных рабочих лишь медленно возрастало. Но искусные рабочие не только были относительно

редки, и потому на них имелся большой спрос: в их среде были еще живы традиции ремесла, где подмастерье стоял близко к мастеру в социальном отношении и мог надеяться сам с течением времени сделаться мастером. Наемные рабочие обладали сознанием собственного достоинства, были горды и непокорны, они не хотели подчиниться дисциплине и вечному однообразию капиталистической промышленности и имели возможность не делать этого. Нужно было вмешательство «высшей власти», чтобы создать рабочих, готовых подчиниться капиталу.

Как на защиту собственности от бродяг, как для поощрения превращения общинной собственности в собственность частную (как это было подробно показано Марксом по отношению к Англии), так и для приучения рабочих к капиталистической дисциплине, выступила снова *государственная власть*. Строгие указы устанавливали максимумы заработной платы, удлинили рабочий день и воспретили рабочие союзы.

Насколько все это соответствовало духу боровшейся тогда за «свободу» буржуазии, последняя показала, когда овладела во время французской революции политическою властью; она повела тогда ожесточенную борьбу против остатков общинной собственности на землю, сохранившихся еще во Франции, и строго воспретила всякие союзы рабочих.

Но с пролетариатом возник и внутренний рынок для капитала. Прежде всякая крестьянская семья сама производила то, что ей было необходимо — жизненные припасы и продукты домашней промышленности. Теперь все это изменилось. Жизненные припасы стали производиться, как товары, в крупных имениях, составившихся из общинных земель и отдельных крестьянских участков, и нашли для себя рынок в промышленных округах. Продукты капиталистической промышленности — находившейся в эту эпоху в стадии мануфактуры — находили себе сбыт у наемных рабочих, занятых в промышленности и в крупных имениях, а также и у крестьян. Участки последних сделались в большинстве случаев слишком малы, чтобы дать пропитание своим владельцам; сельское хозяйство превращается в побочный промысел; домашняя промышленность, как средство удовлетворения собственных потребностей, отодвигается на задний план и уступает место домашней промышленности, производящей товары для капиталиста-купца. Последний вид капиталистической эксплоатации принадлежит к числу отвратительнейших и прибыльнейших форм ее.

Мы видели, как создавались пролетариат и искусственное перенаселение, сделавшее возможным развитие капиталистического способа производства, который, в свою очередь, снова воспроизводит во все возрастающей степени и пролетариат и относительное перенаселение.

Но откуда же взялись те сосредоточенные в немногих руках богатства, которые были другой предпосылкой капиталистического способа производства?

Средневековье унаследовало от древних веков два вида капитала: капитал ростовщический и капитал торговый. Со времени крестовых походов торговые сношения с Востоком возросли в колоссальных размерах, а с ними возросли и торговый капитал, и его сосредоточение в немногих руках — достаточно напомнить об одних только Фуггерах и Аугсбурге, этих немецких Ротшильдах XV-го и XVI-го веков.

Ростовщичество и торговля не были, однако, единственными источниками тех денежных сумм, которые, начиная с XVI-го столетия, во все увеличивающейся степени, превращались в промышленный капитал. Маркс указал в своем «Капитале» еще другие источники его. Мы отсылаем интересующихся подробностями этого вопроса к соответствующей главе его труда, главе, которая составляет достойное заключение блестящей исторической экскурсии в область «первоначального накопления». Здесь же мы дадим только словами Маркса краткое резюме различных методов этого накопления.

«Открытие золотых и серебряных рудников в *Америке*, истребление, порабощение и погребение заживо туземного населения в этих рудниках, первые шаги по пути завоевания и ограбления *Ост-Индии*, превращение *Африки* в место выгодной охоты за чернокожими — все эти явления характеризуют капиталистическую эру на заре ее развития. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления. За ними идет *торговая война* европейских народов, театром которой является весь земной шар. Она открывается отпадением Нидерландов от Испании, принимает исполинские размеры в английской антиякобинской войне и продолжается еще до наших дней в войнах из-за опиума с Китаем и т. д.».

«Различные моменты первоначального накопления следуют один за другим в более или менее правильном хронологическом порядке; местом действия их является Испания, Португалия, Голландия, Франция, Англия. В Англии, в конце XVII-го столетия, они все сочетаются в цельную систему, отдельными звеньями которой являются колониальная система, система государственных долгов, современная система обложения и протекционная система. Все эти методы отчасти основываются на самом грубом насилии, напр.: колониальная система. Все они пользуются *государственной властью, этой концентрированной и организованной силой общества,* для того, чтобы ускорить превращение феодального способа производства в капиталистический и сократить переходные ступени. *Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, чреватого новым.* Оно само является экономической силой» (стр. 635—6 русск. пер. «Капитала»).

Предпоследнее предложение цитированного здесь отрывка приводится очень часто без всякой связи с общим смыслом его, но правильно оно может быть понято, только будучи поставлено в связь со всем предшествующим. К силам, служившим повивальной бабкой капиталистического способа производства, принадлежит также и «государственная власть — эта концентрированная и организованная сила общества»; разумеется, не власть «государства в себе», где-то высоко в облаках царящего над всеми классовыми противоречиями, а власть государства, являющаяся орудием класса, мощно пробивающего себе дорогу к господству.

Растущая пролетаризация населения, в особенности крестьянского, возникновение внутреннего рынка, с одной стороны, и накопление и концентрация крупных богатств наряду с возникновением, вследствие торговых войн и колониальной политики внешнего рынка, с другой стороны, — вот каковы были условия, наступившие в Западной Европе, начиная с XV-го столетия; они все более и более вызывали превращение производства, вообще, в товарное производство, и простого товарного производства в капиталистическое. С тех пор разрозненные мелкие крестьянские и ремесленные предприятия стали постепенно уничтожаться и вытесняться крупными капиталистическими предприятиями.

ГЛАВА VII

ЗАКАТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Мы подошли к концу изображения капиталистического процесса производства, которое мы пытались дать, следуя изложению Карла Маркса.

Мы видели, что *первобытный способ производства* покоится на общественном планомерном, организованном труде и обуславливает *общественную собственность* на средства производства и на продукты. Правда, продукты распределяются и становятся, таким образом, индивидуальной собственностью, но это лишь постольку, поскольку они являются *предметами потребления* для отдельных лиц. В качестве непосредственного результата общественного труда продукты, прежде всего, принадлежат обществу.

Затем этот способ производства вытесняется *простым товарным производством*; оно ведется независимыми друг от друга работниками, из которых каждый производит продукты с помощью своих собственных средств производства, и понятно, что продукты его труда составляют его частную собственность.

Но из простого товарного производства развивается *капиталистическое производство*; независимые друг от друга самостоятельные производители заменяются крупными концентрированными предприятиями, которые также производят товары и являются независимыми друг от друга, но из которых каждое организовано для планомерного общественного производства. Так как эти крупные капиталистические предприятия противостоят друг другу в качестве товаропроизводителей, то в их взаимных сношениях продолжает господствовать товарный обмен, и остаются в силе присущие простому товарному производству отношения собственности — частная собственность на средства производства и на продукты.

Но этим самым частная собственность превращается в свою противоположность. При простом товарном производстве частная собственность была следствием и плодом труда. Работник сам являлся собственником своих средств производства и своего продукта. Капиталистическое производство порвало связь между трудом и собственностью. Работник не является более собственником произведенного им продукта. Наоборот, и средства производства и продукт принадлежат теперь тому, кто не трудится. Превращение производства в производство общественное на капиталистической основе все более способствует превращению тех, кто не трудится, в обладателей всех богатств, и превращению работников в неимущих.

Но сказанным не исчерпывается еще противоречие между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения.

Мы видели, как просты и ясны были формы производства в эпоху первобытного коммунизма и как общество направляло это производство сообразно своей воле и своим потребностям.

Но при системе товарного производства общественные условия производства превращаются в силу, перед которой склоняется отдельный производитель. Он становится теперь их покорным рабом, и его положение тем более жалко, что новые повелители не предписывают ему его поведения, не сообщают ему о своих потребностях, а представляют ему самому угадывать их. Производство подчинено теперь законам, которые не только не зависят от отдельных производителей, но и действуют зачастую вопреки их желаниям, подобно законам природы; эти законы осуществляются посредством периодических отклонений от нормального состояния, как, напр., падением цен, дороговизной и т. п. Но при господстве простого товарного производства все эти ненормальности, поскольку они вызываются общественными причинами, остаются незначительными и ограниченными в своем действии сравнительно узкими рамками, соответственно низкой производительности труда разрозненных предприятий и отдельных производителей.

Капиталистический способ производства в огромной степени повышает производительность труда, давая простор колоссально возросшим производительным силам, которые присущи общественному целесообразно организованному труду, подчинившему себе с помощью науки и заставившему служить себе самые силы природы. Вследствие этого, те периодические отклонения от нормального состояния, посредством которых осуществляются законы товарного производства и которые вызывали прежде лишь временные и местные неудобства, с которыми можно было легко справиться, превращаются теперь в периодические, длящиеся годами катастрофы, захватывающие целые государства и материки и производящие ужаснейшие опустошения; район и интенсивность этих периодических катастроф возрастают с развитием капиталистического способа производства и теперь они, повидимому, грозят превратиться в хронический недуг.

Мало того: в эпоху первобытного коммунизма, когда продукт общественного труда принадлежит всему обществу и распределяется последним между отдельными индивидуумами соответственно общественным потребностям, доля каждого члена общества увеличивается с ростом производительности труда.

При господстве товарного производства количество потребительных ценностей, представляющих определенную меновую ценность, увеличивается вместе с ростом производительности труда. Как общее правило, продукт труда при простом товарном производстве принадлежит создавшему его работнику, который может потребить его целиком или частью; очевидно, что в этом случае количество предметов потребления, которыми он может располагать, возрастает в той же степени, как и производительность его труда. Он может также целиком или частью обменять продукт своего труда, но, вообще, при господстве простого товарного производства только небольшая часть произведенных продуктов становится товарами.

За ту часть продукта своего труда, которую он обменивает, работник получает тем больше потребительных ценностей, чем выше производительность всего общества. И в этом случае, следовательно, возрастание производительности труда целиком идет на пользу самому работнику.

Но, когда товарное производство приобретает капиталистический характер, рабочая сила сама становится товаром, ценность которого, подобно всякому другому товару, падает по мере возрастания производительности труда. Чем выше, следовательно, производительность труда, тем относительно меньше та выгода, которую получает от нее рабочий в виде цены его рабочей силы. По мере же того, как капиталистический способ производства становится преобладающим, все большая часть народа превращается в наемных рабочих и лишается, следовательно, возможности пользоваться плодами повышенной производительности своего труда.

Все эти противоречия неизбежно порождают конфликты между классом капиталистов и рабочими, конфликты, пробуждающие классовое сознание

последних, толкающие их на путь политической деятельности и вызывающие возникновение рабочих партий во всех капиталистических странах. Но упомянутые только что обстоятельства несут с собой такие разнообразные страдания не одному только рабочему классу, — все более широкие слои общества, вне класса наемных рабочих, начинают чувствовать совершенную невыносимость теперешнего порядка вещей. Таким образом, все стремится к разрешению противоречия, воплощающегося в капиталистическом способе производства, противоречия междуобщественным характером труда и отжившей формой присвоения средств производства и продуктов.

Только два пути мыслимы для разрешения этого противоречия; оба они сводятся к тому, чтобы привести в соответствие способ производства со способом присвоения. Один из этих путей состоит в уничтожении общественного характера труда в возвращении к простому товарному производству, в замене крупного производства ремеслом и мелким крестьянским хозяйством. Другой путь стремится приспособить не способ производства к способу присвоения, а обратно, способ присвоения к способу производства. Этот путь ведет к общественной собственности на средства производства и на продукты.

В настоящее время многие стараются толкнуть общественное развитие на первый путь; они исходят при этом из ошибочного представления, будто можно по произволу изменять способ производства законодательными предписаниями. Вульгарная политическая экономия, защитница капитала, осуждает эти попытки там, где она не дошла еще до окончательного упадка.

И все же она сама прибегает к таким же попыткам. Чтобы создать иллюзию соответствия между господствующим способом производства и присвоения, она отвлекается в своем изображении экономических явлений от отличительных и существенных особенностей современного способа производства, и изображает его как простое товарное производство. Стоит только почитать ходячие сочинения наших вульгарных экономистов: в их изображении обмен товаров в настоящее время ничем не отличается от обмена у варварских народов; охотник и рыбак, свободно пользующиеся лесами и морями, уподобляются наемным рабочим, а лук и стрелы, челнок и рыбацкие сети оказываются капиталом [1].

---

[1]) Иллюзии, которые эти господа стараются возбудить в своих читателях, совершенно рассеиваются *в колониях*, именно в тех колониях, которые отличаются девственностью своей почвы и которые населяются свободными эмигрантами. Там господствует полная свобода рабочего договора, там господствует собственность рабочего над его продуктами (т.-е. над результатом его труда) и, вообще, там можно встретить те условия, которые для наших экономистов являются условиями капиталистического способа производства. Но при этих условиях капитал перестает самым странным образом быть капиталом!

В таких колониях свободной земли имеется очень много, и доступ к этой земле открыт каждому желающему. Каждый работник может там обыкновенно стать самостоятельным производителем; он не вынужден продавать свою рабочую силу. Поэтому каждый человек предпочитает там работать на самого себя, а не на других. А раз дело обстоит так, то деньги, съестные припасы, машины и все другие средства производства перестают быть капиталом. Они не приносят прибыли.

И поэтому те самые экономисты, которые с таким пафосом говорят в капиталистических странах о святости собственности и свободе рабочего договора, требуют, чтобы в молодых колониях рабочим не давалось права земельной собственности и чтобы государства содействовали их переселению в колонии. Другими словами, они требуют насильственного отделения рабочего от средств производства и существования и рекомендуют искусственное создание лишнего рабочего населения, которое фактически не будет уже свободно, а будет вынуждено продавать свою рабочую силу. А там, где колонисты сталкиваются с покорным рабочим классом (особенно, если он принадлежит к отсталой расе) — там вводится открытая принудительная работа, рабство.

Те же самые интересы, которые на родине побуждают экономиста, являющегося сикофантом капитала, утверждать, что капиталистический способ производства тождественен со своей собственн й противоположностью, те же самые интересы побуждают его здесь «to make a clear breast of it» («откровенно сознаться во всем») и громко провозглашать противоположность обоих способов производства.

В своем «Капитале» Маркс расправился самым основательным образом с экономистами этого рода. Но его труд дал больше, чем простое разоблачение пошлости в лживости вульгарной политической экономии. Многие любят называть Маркса духом отрицания; многие говорят, будто он своей критикой только разрушал, но не дал ничего положительного. Но уже наш очерк процесса производства капитала, основанный на труде Маркса, ясно показывает, что Маркс действительно создал новую экономическую и историческую систему. Его полемика с предшествовавшими ему экономистами является только обоснованием этой системы.

Нельзя преодолеть старые воззрения, не ставши на высшую точку зрения по отношению к ним; нельзя критиковать, не достигши высшего познания; нельзя уничтожить научную систему, не создавши вместо нее более обоснованной и более широкой.

Маркс первый показал, что товар носит характер фетиша; он первый познал капитал, не как вещь в себе, а как отношение людей, воплощенные в предметах, и как историческую категорию. Маркс первый исследовал законы развития и движения капитала; он первый указал на то, что цели современного социального движения вытекают с естественной необходимостью из исторического развития пережитого нами до сих пор, а не образуются произвольно в головах людей в форме требований какой-то «вечной справедливости».

С той точки зрения, на которую нас поднимает Маркс, можно познать, что все попытки вульгарных экономистов изображать современное положение вещей так, как будто бы оно ничем не отличалось от простого патриархального состояния, бесплодны и так же тщетны, как попытки многих людей вернуться к этим старым патриархальным порядкам.

Благодаря Марксу, мы также научились разбираться в том, какой путь поведет к дальнейшему развитию общества: мы узнали, что этот путь есть путь приспособления формы присвоения к способу производства, путь присвоения обществом средств производства, путь окончательного превращения частного производства в общественное. А с этого момента для человечества настанет новая эпоха.

Вместо анархического товарного производства, мы будем тогда иметь дело с планомерной, сознательной организацией общественного производства. Тогда наступит конец господству продукта над производителем. Человек, ставший во все большей и большей мере господином сил природы, станет тогда также господином общественного развития. «Только с этого момента люди будут вполне сознательно сами делать свою историю» — говорит Энгельс — «только с этого момента приведенные ими в движение общественные причины повлекут за собой все в большей мере те последствия, которых люди хотели. *Это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы*».

ИСКЛЮЧЕНА
ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Оглавление

стр.

Предисловие к 1-му изданию 3
Предисловие к 4-му изданию 7
Предисловие к 8-му изданию 9

ОТДЕЛ I. Товар — Деньги — Капитал

ГЛАВА I. **Товар**

1. Характер товарного производства 13
2. Ценность 19
3. Меновая ценность 24
4. Обмен товаров 27

ГЛАВА II. **Деньги**

1. Цена 30
2. Продажа и покупка 32
3. Обращение денег 34
4. Монета. Бумажные деньги 35
5. Прочие функции денег 37

ГЛАВА III. **Превращение денег в капитал**

1. Что такое капитал? 40
2. Источник прибавочной ценности 42
3. Рабочая сила, как товар 44

ОТДЕЛ II. Прибавочная ценность

ГЛАВА I. **Процесс производства** 49
ГЛАВА II. **Роль капитала в образовании ценности** 54
ГЛАВА III. **Степень эксплоатации рабочей силы** 57
ГЛАВА IV. **Прибавочная ценность и прибыль** 60
ГЛАВА V. **Рабочий день** 70
ГЛАВА VI. **Прибавочная ценность «мелкого мастера» и прибавочная ценность капиталиста.** 78
ГЛАВА VII. **Относительная прибавочная ценность** 81
ГЛАВА VIII. **Кооперация** 84
ГЛАВА IX. **Разделение труда и мануфактура**

1. Двойственное происхождение мануфактуры. Ее элементы: детальный рабочий и его орудие . . . 88
2. Две основные формы мануфактуры 90

стр.

ГЛАВА X. **Машины и крупная промышленность**

1. Эволюция машины 93
2. Ценность, приносимая машиной на продукт 97
3. Ближайшие действия машинного способа производства на рабочих 99
4. Машина, как «воспитательница» рабочего 103
5. Машина и рабочий рынок 106
6. Машина, как революционный фактор 110

ОТДЕЛ III. Заработная плата и прибыль на капитал

ГЛАВА I. **Заработная плата**

1. Изменение в величине цены рабочей силы и прибавочной ценности 117
2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату 119
3. Плата по времени 121
4. Поштучная плата 123
5. Национальные различия в заработной плате 125

ГЛАВА II. **Доход с капитала** 127

ГЛАВА III. **Простое воспроизведение** 129

ГЛАВА IV. **Превращение прибавочной ценности в капитал**

1. Каким образом прибавочная ценность становится капиталом 132
2. Воздержание капиталиста 134
3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер накопления 135

ГЛАВА V. **Перенаселение**

1. «Железный закон» заработной платы 138
2. Промышленная резервная армия 140

ГЛАВА VI. **Заря капиталистического способа производства** . . . 148

ГЛАВА VII. **Закат капиталистического способа производства** . . . 153

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА

СЕРИЯ СБОРНИКОВ
ВЫШЛИ В СВЕТ:

МАРКСИЗМ и ЭТИКА

под редакцией **Л. С. Розанова.**

Содержание: 1. Существует ли единая этика? Статьи Каутского, Меринга, Тенниса. 2. Классовая борьба и этика. Статьи Каутского и Ферстера. 3. Этика и исторический материализм. Статьи Бауэра, Каутского, Аксельрода, Иоффе. 4. Происхождение морали и история ее развития. Статьи Квессель, Лафарга, Каутского. 5. Библиография—Розанов.
318 стр. Цена 1 р. 20 к.

МАРКСИЗМ и НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

Сборник статей Отто Бауэра, Каутского, И. Сталина, С. Семковского. Вступительная статья С. Диманштейна.
278 стр. Цена 75 коп.

ДАРВИНИЗМ и МАРКСИЗМ

Сборник статей Энгельса, Вельтмана, Циммермана, Каутского, Ферри, Лория, Панекука, Эвелинга, Тимирязева, Дине-Денеса, Герккера, Бюхнера, Дицгена и др., под редакцией и с предисловием М. Равич-Черкасского
252 стр. Цена 1 р. 20 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ II-е ИЗДАНИЕ ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ

Редакция и предисловие **Л. С. Розанова.**

I. Биологическая или социальная природа преступности.
II. Экономические факторы преступности.
III. Преступность и социализм. Библиография.

Статьи Ферри, Кунова, Каутского, Лафарга, Гернета, Сурского, Проссе, Бонгера и др.
266 стр. Цена 1 руб.

«Государственное Издательство Украины задалось прекрасной целью: дать целую серию сборников под общим названием «Проблемы марксизма». Каждый сборник содержит ряд статей, ставящих тот или иной вопрос в марксистском освещении. Мы считаем, что сборник «Проблемы преступности», в котором наши молодые юристы найдут серьезное подкрепление своего теоретического багажа, сборник «Марксизм и этика» и «Исторический материализм» Семковского являются лучшими работами, выпущенными Издательством за последние годы...»

(Рецензия в газ. „Коммунист" (Харьков) 13/XI—23 г.).

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.